

ЖИТИЕ СВ. ЛЮДОВИКА БЕРТРАНА, ОР

о. Варфоломей Авиньоне, ОР

Ludovicus Bertrandus conf. Ordinis Prædicatorum Valentiaë in Hispania Tarraconensi, Vita auctore Bartholomæo Avignono, Ordinis Prædicatorum, procuratore causæ canonizationis // AASS, Octobris T. V, pp. 366-481.

В переводе Константина Чарухина

ПРОЛОГ

[1] Первым, кто описал житие и чудеса бл. Людовика Бертрана, ОП, был отец-магистр бр. Викентий Юстиниан Антист, бывший приор обители Братьев-проповедников в Валенсии, муж весьма благоговейный и святых нравов, высоко ценимый за добродетель свою и учёность; и в то время как бл. Людовик Бертран наставлял его в благочестии, он всегда проявлял себя его добрым и преданным сыном, и многое познал, наблюдая деяния слуги Божия. Он составил это житие в 1582 году, следующем после смерти одного блаженного. Поскольку же знамения и чудеса, которые Бог совершал чрез него, продолжались, он сделал некоторые дополнения к книге в году 1583-м. Затем, когда чудеса преумножились по всему миру, а из Америки пришло несколько отчетов, содержащих много замечательных сведений, отец-бакалавр бр. Вальтасар Рокка издал новое жизнеописание, дополненное многими достопамятными свидетельствами и фактами – в 1608 году, когда слуга Божий был причислен святой памяти Павлом V к лику блаженных. Но так как процесс проходил здесь, в Риме, автор не мог знать всех сведений, что на нём тогда оглашались, а потому и не вставил их в свою книгу.

[2] Ну а я, получив возможность в течение многих лет заниматься этим процессом (О. Варфоломей был куратором канонизации Людовика Бертрана с 1617 г., а первую, испанскую, редакцию «Жития» издал в 1632 г. – прим. пер.), обратил внимание, что в его материалах содержится много такого, что не следует упускать из виду, а в «Житиях», написанных вышеупомянутыми авторами, этого нет. Поэтому я счёл нужным собрать ещё не описанные другими сведения и добавить к уже изданным, чтобы всем было ведомо, сколь высоко Бог наш Господь почтил слугу Своего. А чтобы подчеркнуть правдивость этого жизнеописания, я указывал на полях, из какого места материалов процесса либо книг названных мною авторов я брал каждую приводимую подробность.

Приступить к работе по составлению этого жизнеописания меня побудил недостаток в Риме и по всей Италии книг о жизни нашего блаженного; и хотя книга, написанная магистром Юстинианом Антистом, была переведена на итальянский язык и напечатана в разных местах, её там уже не найти, и многие особы, свято почитающие блаженного, сетовали на то, что никто не позаботился обеспечить повторное издание этого жития. Соответственно, я, следуя своему долгу, как куратор канонизации попытался удовлетворить их спрос этим жизнеописанием, которое с испанского на язык славных римлян помог мне перевести сеньор Джулио Чезаре кавалер Боттифанги как по своему великому почтению к блаженному (в сочетании с желанием отдать долг светлой памяти владыке кардиналу Асколи, епископу Портуэнзе и члену нашего ордена, при ком он весьма долго состоял в должности секретаря), так и по просьбе высокопоставленных особ; причём в уповании близкой канонизации он выполнял эту работу так рьяно, что (занятый притом и другими делами) закончил её менее чем за два месяца.

[3] Это произведение разделено на четыре книги. В первой рассказывается о жизни святого вплоть до последней болезни, которая, однако, в ней не описывается; во второй – о добродетелях, пророческом даре и чудесах, свершившихся при его жизни и смерти вплоть до погребения; в третьей (в переводе представлены только фрагменты. – прим. пер.) – о других чудесах, которые случились сразу по погребении

и в последующие годы, причём сообщаю я здесь не обо всех, что было бы почти невозможно, – более того, многое из того, что есть в процессе, пришлось опустить, чтобы книга не разрослась сверх всякой меры. Наконец, в четвертой книге (в переводе опущена. – прим. пер.) вкратце перечислены ходатайства перед Святым Апостольского Престолом о беатификации и канонизации Людовика; рассмотрены связанные с этим вопросом бреве и декреты наряду с прошениями сиятельнейших католических королей, Филиппа II, Филиппа III и Филиппа IV, ныне славно царствующего.

Я всячески старался избегать отступлений от основной темы, чтобы повествование текло непрерывно и не навевало скуки затянутостью. В этой книге имеется много недостатков, и притом больших, ведь она составлена мною, но поскольку писал я её лишь во славу Бога (Который дивен во святых Своих) и ради того, чтобы, узнав о бл. Бертроне, верные могли обратиться к нему в час нужды за утешением и исцелением, то меня, пожалуй, легко простить.

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I. О ЕГО СЕМЬЕ И РОЖДЕНИИ

[1] В славном городе Валенсия в Испании жил в 1525 году нотариус Хуан Луис Бертран, муж, наделённый добрым и набожным нравом да весьма опытный в своей профессии; по этой причине он вёл много важных дел, поручаемых ему различными баронами и вельможами этого королевства, которые, зная праведность его и богобоязненность, спокойно вверялись его добродетели и опыту да так высоко ценили его, что величали в обиходе «папенькой». По этой же причине он состоял и на службе святой инквизиции. Помимо того, в течение многих лет он был поверенным картезианской обители Врат небесных, находящейся в четырёх лигах от Валенсии. Жил он в собственном доме на площади Альмудин (ныне – св. Людовика Бертрана. – прим. пер.), рядом с дворцом государева казначея (лат. *Magister Rationalis* – калька исп. *Maestre racional*. – прим. пер.), и там же впоследствии жил его сын по имени Хайме. В разговоре Хуан Луис был так мягок и благостен, что из его уст никогда не слышали речей раздражённых или возмущённых.

[2] Он был так искренен и правдив, что судьи, имевшие с ним дело, оказывали ему особое уважение, принимая также во внимание сложившееся вокруг него доброе мнение. Он очень любил беседовать с иноками и весьма почитал святого Викентия Феррера (пам. 5 апр.) из-за двух милостей, дарованных ему этим святым. Одна из них состояла в следующем. Хуан Луис, будучи ещё юн, в канун праздника св. Дионисия (весьма торжественно отмечается в Валенсии) баловался с огненными пороховыми шутихами, и порох, вспыхнув от упавшей искры, полностью опалил ему лицо, а он остался лежать как мертвый. Тогда его бабушка, Урсула Феррер, помчалась в церковь Братьев-проповедников, где, преклонив колени перед алтарём св. Викентия (с которым была связана кровным родством), горячо молилась этому святому о здоровье и жизни внука. Вернувшись домой, она обнаружила, что всякая опасность миновала, хотя огня было достаточно, чтобы умертвить ребёнка или, по крайней мере, так обжечь ему голову, что она выглядела бы, как у разложившегося трупа.

[3] Вторая милость случилась через много лет – после его первой женитьбы. Незадолго до Страстной среды Хуан Луис занемог так тяжело, что уже готовились его

хоронить, но он внезапно открыл глаза и попросил свою одежду, а когда окружающие стали говорить, что он не в себе, велел им успокоиться, возразив: «Я вполне в себе», - и добавил, что ему явились святой Викентий Феррер и святой Бруно, основатель ордена картезианцев, и сказали, что он не умрёт от этой болезни и что в Страстную среду пойдёт в церковь на богослужение. Что именно так и случилось. Благодаря этому чуду Хуан Луис так полюбил службу Божию и так благоговейно чтит святого Бруно, что каждый год встречал его праздник в картезианской обители Врата небесные и в этот день устраивал пир для насельников. А в 1546 году он дал ценные награды тем, кто отличился в похвальном слове святому Бруно как на испанском языке, так и на латыни; и заказал для большого алтаря балдахин из цельношёлковой ткани дамасской работы с вышитым посередине фамильным гербом в виде башни.

[4] После смерти своей первой супруги он отправился в обитель Врата небесные, чтобы облачиться в картезианский хабит, но по пути ему снова явились двое вышеназванных святых. Услышав от них, что воли Божией на его иночество нет, он остался в миру. О сих милостях, оказанных отцу его, бл. Людовик Бертран иногда рассказывал инокам, чтобы отдать честь святому Викентию и в них пробудить такое же благоговение.

А Хуан Луис Бертран вступил во второй брак – с Хуаной Анхелой Эйсарч (Eixarch), женщиной весьма набожной, образцового нрава. Она настолько любила уединённую жизнь, что редко куда выходила – разве что на мессу и другие богослужения - да изредка навещала некоторых служителей Божиих, обитавших общиной при Андреевской церкви; она постоянно находилась дома, благоразумно наблюдая за хозяйством. Хуана Анхела была так миролюбива и добродушна, что между нею и мужем никогда не возникало разногласий, и поэтому они наслаждались святым миром и спокойным благосостоянием. У этой дамы был брат – картезианец по имени Домн Эйсарч, инок, отмеченный добродетелью и благочестием, который много лет занимал высокую должность приора Врат небесных.

[5] С этой Хуаной Луис Бертран прижил четырёх детей мужского пола и столько же девочек. Первым был Людовик, которого Бог востребовал себе как первенца (ср. Исх 13:2), а родился он в первый день 1566 года, крещен был в приходской церкви св. Стефана, прияв святую купель в том же источнике, где был омыт и святейший отец св. Викентий. Ему было дано имя Хуан Луис, хотя впоследствии за ним закрепилось только имя Луиса (Людовика) [«...в просторечии же его величали не иначе, как «брат Бертран», хотя это была фамилия его рода»*]. В этом же роду бывали и иные мужи замечательные и твёрдой веры, а в частности доктор Педро, один из девяти уполномоченных объявить, кому принадлежит престол королевства Арагонского, освободившийся после смерти короля Мартина (В 1412 г. по кончине последнего представителя Барселонской династии комиссия, в которую входило по три представителя от Арагона, Каталонии и Валенсии, провозгласила наследником Фердинанда, регента Кастилии. – прим. пер.).

Вторым сыном Хуана Луиса был Мигель Херонимо; он тоже удостоился доброй и праведной жизни, ввиду коей был рукоположен в Кафедральном соборе Валенсии и получил от капитула должность подризничего, весьма в том месте почётную, которую дают только лицам выдающейся добродетели и веры. Он ушёл из жизни в

1594 году, 4 июля, в возрасте 62 лет, и был погребён перед могилой бл. Людовика, куда были перенесены и останки их родителей.

* Викентий Юстиниан Антист (*Vita prima, auctore Vincentio Justiniano Antistio // AASS, Octobris T. V, p. 309*).

[6] Третий, названный Хуаном Баутистой, также стал иноком Ордена проповедников и принял в валенсийской обители священный доминиканский хабит в 1600 г., а обеты принёс 5 октября следующего года в присутствии досточтимого отца-магистра Иоанна Микона, тогдашнего приора этого монастыря, причём наставником послушников в ту пору был Людовик, родной брат упомянутого Хуана Баутисты. Он отправился на учёбу в Болонью, а возвращаясь морем в Валенсию, бурю был отнесен на остров Сардиния, и силы его были так сломлены, что он в тот же день скончался от приступа лихорадки в Кальяри (столице острова. – прим. пер.), в монастыре св. Доминика.

Младшего сына, когда он родился, назвали Хайме. Он славился безукоризненной жизнью и добродетелями, а после различных городских должностей (ибо он четыре раза побыл присяжным заседателем, дважды казначеем и занимал другие места в магистратуре, на которых показал себя весьма благоразумным и деятельным чиновником) был назначен католическим королем в генеральные квесторы государственных доходов города Валенсия и одноименного королевства. Он женился на сеньоре Мариам Коста, женщине глубоко набожной и чтившей блаженного Людовика, родного его брата. С ней он прижил дочь, которую выдали замуж за сеньора Педро Эскрива. Скончался этот Хайме 4 октября 1614 года и был похоронен в гробнице своего отца.

Из четырех дочерей старшую звали Хуана, и она была замужем за неким Пасторе; вторая, Херонима Висента – за неким Химено; третья, Урсула Магдалена – за неким Кутанда; четвёртая, Рафаэла, умерла незамужней.

ГЛАВА II. О ЕГО ДЕТСТВЕ И БЛАГОНРАВИИ

[7] Кажется, Бог хотел с самого детства Людовика Бертрана показать, насколько велик будет этот слуга Его, ибо даже в раннем его младенчестве, когда он плакал, ничто не помогало лучше священных картин: он успокаивался, когда их подносили ему посмотреть. И вообще он был так склонен к слезам, что недалеко было от предположения в нём склонности к меланхолии, дарованной от Бога на то, дабы он, словно второй Иеремия, на протяжении всей жизни своей оплакивал грехи мира. Соответственно, чтобы он перестал рыдать, приходилось нести его в архиепископальную или какую-либо другую церковь, где он не только переставал плакать, но и выказывал великое веселье. Если же двери церкви оказывались затворены, ему показывали статуи апостолов у входа, и слёзы тотчас же унимались – недвусмысленное предзнаменование, что он будет ревностным почитателем святых, а они – его неизменными утешителями.

[8] Мальчик рос, росло и усердие родителей, которые воспитывали его, сообразуясь с нежным возрастом, в великой любви и страхе Божиим, а когда послали его в школу, он стал посещать её столь охотно, что с самого начала легко обнаружил пламенную тягу к добродетели и ненависть к праздности. Между седьмым и восьмым годами

жизни он так привязался к молитве, что с той поры стал читать Часы Пресвятой Девы Марии, которые впоследствии никогда не пропускал, и так полюбил одиночество, что избегал всяких бесед, кроме как о священном. Никогда не слышали от Людовика ругательств, а если кто ругался при нём, то он укорял его с великим рвением, равно как и тех, что жили праздно. Вечером он при первой возможности удалялся в свою комнату и затворял дверь изнутри. Домочадцы, подсматривая через замочную скважину, видели, что он проводил большую часть ночи в молитвах, а почивал на полу или сундуке, но никогда не ложился в постель, которую, чтобы слуги не заметили, растрёпывал, как будто спал в ней. Однако бельё при смене оказывалось таким же чистым, как и тогда, когда его впервые стелили, что выдавало детскую и святую хитрость Людовика.

[9] В отличие от других детей Людовик редко выказывал желание позавтракать, и хотя ему, естественно, хотелось перекусить, однако он силою воли воздерживался – с тех пор и началось его постничество. К божественному он питал такое благоговение, что с упоением посещал мессы и вечерни, а также навещался в иноческие обители, среди которых особенно часто бывал в монастырях братьев-проповедников. Блаженный был всегда послушен своим родителям – до того, что никогда не давал им повода для печали; мало того, если порой он, как это часто бывает с детьми, сам плакал, а ему коротко повелевали смолкнуть, он тут же смолкал. Став постарше, он, если видел, что мать сердится из-за чего-нибудь на служанку, начинал читать какую-нибудь благочестивую книгу, чтобы утишить её раздражение. Он был чрезвычайно застенчив и, любя приличие, то и дело обращал взоры долу в усердном старании оградить чувства, что служило предвестием многих добродетелей, которые позже с великой силою просияли в нём.

Достигнув пятнадцатилетнего возраста, он стал часто причащаться Св. Таин, получив в духовники выдающегося слугу Божия брата Амвросия Иисусова, прославленного проповедника Ордена Братьев малых. И таково было смирение и благоразумие этого юноши, что дабы никто не мог заметить его частого причащения, ходил в разные храмы и принимал Св. Тайны то в церкви св. Франциска, то в св. Себастьяна у отцов-минимов, то в св. Марии Иисусовой и часто – у отцов-проповедников.

[10] После смерти о. Амвросия его духовником стал отец-магистр, брат Лаврентий Лопес д'Оканья, образцовый инок, который впоследствии стал приором обители св. Доминика в Валенсии. Благодаря его святым наставлениям Людовик паче и паче укреплялся в богомыслии и навыке частого причащения. По этой причине блаженный юноша вместе с другими учениками, которые нелицемерно желали услужить Богу, после уроков шёл к вышеупомянутому магистру Лопесу, и он беседовал с ними о духовных предметах и учил их, как совершенствовать добродетели и упорствовать в святом служении Богу. Так благой юноша день за днём благополучно продвигался в своих духовных упражнениях, подолгу усердно молясь в церкви оных отцов-проповедников.

Он часто навещал болящих в приютах и много раз целые ночи проводил, ухаживая за ними, а при возможности помогая и вещами. В этих делах (которые были его обычным занятием) он являл зеркало добродетели и покаянного подвига для всех, кто его знал.

[11] Но когда он убедил себя, что ревностнее мог бы послужить Богу вдали от отцовского дома, в котором ему жилось, как он считал, слишком роскошно, решил святой юноша (в желании подражать святым Алексием и Рохоу) всё оставить; и в таком настроении, исповедовавшись прежде в своих грехах и укрепившись святой Евхаристией, он тайно покинул дом в облачении странника, чтобы идти туда, где никем не узнаваемый он мог бы исполнить свою святую цель, избавившись от всего земного. Когда вечером в день отъезда он не явился домой и не послал никого предупредить (как было у него в обычае), что задержится в приюте, домашние уразумели, что он ушёл. Однако вскоре отец получил письмо без указания даты и места, в котором сын извещал о своем уходе. Поскольку в нём, несмотря на нежный возраст, проявился дух блаженного, я привожу его здесь перевод сего письма, которое гласило:

[12] «Иисус Мария! Я, конечно, знаю, какую скорбь испытали ваша милость и её милость матушка из-за моего решения, но поистине вам не надо было расстраиваться, разумея, что на то воля Божия. Но могут спросить, откуда я знаю, что это воля Божия. Ведь могут подумать, что мне не следовало так уходить – в начале зимы, бросив начатую учёбу, – если на то точно не было воли Божией. Так вот по этому поводу вашим милостям не надо печалиться, ибо стоит лишь припомнить, что Искупитель наш сошёл с небес в мир в самую холодную погоду года и что Он пошёл на смерть, дабы безвозмездно дать нам жизнь. Кольми паче подобает мне, грешному, покинуть мир и идти туда, куда зовёт меня божеское Его величество, дабы искупить столь многие грехи, что я совершил против моего Бога!

Уход мой вызвал тем большую скорбь, что её милость матушка находится в весьма тяжёлом состоянии, но я ничуть не сожалею об этом. Пускай она прочтает святых учителей, утверждающих, что блаженна та душа, которая терпит скорби в сем мире, ибо это указывает на то, что Бог призрел на неё и изволит воздать ей славой за добрые дела, которые она творила здесь, ни земле. Есть и такие, чьи добрые дела вознаграждаются в этой жизни, а зло, совершённое ими, наказывается в следующей. Поэтому это беспокойство нужно принять терпеливо и молить божеское величество, да поддержит меня рукою Своею святой; направит меня, как направляло Магдалину; и защитит меня от злобы врагов».

[13] «У того-то и того-то я взял взаймы несколько мараведи на дорогу, но не для того, чтобы растратить, а на случай, если Бог вдруг изволит за грехи мои посетить меня какой-либо болезнью, хотя божеское Его величество и так может послужить истинным вспоможением и лекарством от всяческих недугов. Прошу вашу милость вернуть названную сумму, чтобы моя совесть была спокойна. Не трудитесь выяснять, где я; это было бы напрасно, ибо даже если найдут меня, верю, что мой Бог и Учитель Иисус поможет мне устоять в моём твердом намерении. Да вверит Ваша милость меня Его Пресвятой Матери и молит Её привести меня туда, где я мог бы как можно лучше послужить Ей. Прошу вашу милость утешить мою матушку и сказать ей, что, поскольку у неё есть ещё сыновья, она может утешаться ими и пускай помнит, что, когда она родила меня, я был взят от смерти и дан ей. Больше мне добавить нечего, кроме пожелания, чтобы Отец, Сын и Святой Дух были с вашими милостями и хранили Вас и со мною были всегда. Аминь. И да пошлют они

нам такую благодать, чтобы мы в этом мире Ему послужили, а в мире будущем радовались вечному покою».

[14] Отец, получив сие послание, весьма подробно проследил путь святого юноши, который благодаря своей необычайной скромности и редкому благонравию всюду, куда бы он ни приходил, держался так образцово, что привлекал всеобщее внимание, каковые признаки и проливали некоторый свет на его путешествие. Итак, слуги, посланные отцом на его поиски, нашли его у источника близ Буньоло, в месте, удаленном на семь лиг от Валенсии, а чтобы уговорить его вернуться, выдумали, что его мать уже при смерти от горя, которое постигло её при его уходе. С помощью этой уловки они вернули его в родной дом, что принесло отцу такую радость, какой заслуживало обретение потерянного сына, столь доброго и дорогого.

Впрочем, отец, принимая во внимание, что ум юноши занят только церковными делами, облачил его в ризы клирика. Таким образом, до вступления в монашеский орден он проводил время, настойчиво занимаясь благочестивыми упражнениями и учёбой, предаваясь постам и благотворению. При этом он всегда общался с особами благочестивыми, с великим тщанием избегая общества тех, кто был не таков.

ГЛАВА III. КАК ОН ПРИЯЛ ДОМИНИКАНСКОЕ ОБЛАЧЕНИЕ В ВАЛЕНСИЙСКОЙ ОБИТЕЛИ

[15] Благодаря близкому общению Людовика Бертрана с отцом-магистром бр. Лаврентием Лопесом, духовником своим, и другими добрыми иноками из валенсийской обители Проповедников, возгорелось в нём столь пылкое желание вступить в орден св. Доминика, причём именно в этой обители, что он решил просить там облачения. Что без малейшего промедления и сделал, обратившись к приору, кем в то время был отец-магистр бр. Иаков Ферран, муж учёный и твердой добродетели, родом араб, который служил в главных монастырях провинции Арагон и дважды провинцией руководил. Он пообещал незамедлительно удовлетворить желание Людовика. Но как раз в тот день, когда он должен был принять облачение, слух об этом дошёл до отца его. Тот явился к приору и, поведав о слабосилии и болезненности своего сына, добился того, что пока бр. Иоанн оставался там приором, он ни за что не хотел его принимать, что причинило немалую скорбь благому юноше, ибо весьма томило его желание облачиться в оный священный хабит.

[16] Однако он не перестал из-за этого навещать обитель, к которой ходил после уроков, сохранив, невзирая ни на что, упование, что Бог когда-нибудь позволит ему вступить в монашество, о чём он так сильно мечтал. Во власти этой надежды, он часто ходил за город туда, где между портом и королевским дворцом располагался монастырь св. Доминика, и там, устремив взор на его священные стены, он кротко плакал оттого, что ему не позволено услаждаться там святым обществом столь многих благих иноков. То же творилось с ним, когда он слышал звон колокола, созывавшего обитель к богослужению. Именно так он это сам впоследствии рассказывал во время одной из бесед, которую вёл с послушниками в их общежитии за несколько месяцев до своей смерти.

В ту пору несколько раз видали, как он помногу черпал воду из колодца в саду при келлии св. Викентия Феррера и поливал апельсиновые деревья; а когда брат Иоанн

Перес спросил его, для чего он так утруждает себя, набирая столько воды, он ответил: «Нужно полить эти благословенные апельсиновые деревья, чтобы не засохли». Из этого можно составить представление о смирении и святой простоте, которыми уже с того времени был украшен благословенный юноша.

[17] После ухода с должности приора отца-магистра бр. Иакова Феррана на это место был избран досточтимый отец-магистр бр. Иоанн Микон, муж такой святости, что удостоился многих чудес и при жизни, и после смерти. Людовик часто обращался к нему с просьбами о приёме в монастырь, и хотя другие учащиеся также просили его о том же, однако их святой приор убеждал обратиться в другие иноческие ордены, а Людовика – явно по особому вмешательству Провидения – принял с великой радостью. Но прежде чем облечься в хабит, юноша захотел послушать благих наставлений, с которыми приор обращался по пятницам к послушникам в капитуле. Пока братия пела повечерие, он прятался в некоей часовенке, что в клуатре монастыря, а когда все уже входили в капитул, тишком выбирался из засады и, стоя на коленях между окнами, внимательно и благоговейно слушал проповедь, а видя, что она близится к концу, быстро удалялся оттуда, чтобы не застали. По дороге он всё более укреплялся в намерении служить Господу Богу, серьёзно обдумывая спасительные советы, которые только что слышал.

[18] Потом, в строжайшей тайне договорившись с названным приором об облачении в хабит, Людовик, не желая, чтобы отец, узнав о том, снова ему воспрепятствовал, провёл ночь в церкви св. Доминика, с вечера до утра молясь Богу и Препоблагословенной Его Матери да святому покровителю сей обители о том, чтобы беспрепятственно вступить в орден и пребыть в нём. Молитвы его, как показали дальнейшие события, были услышаны, ибо 26 августа 1544 года, на 18-м году, на 7-м месяце и на двадцать шестой день своей жизни он достиг исполнения своей давнишней мечты, облачённый руками упомянутого досточтимого приора Микона в хабит славного отца нашего св. Доминика с согласия всех отцов обители и к общей их радости.

А родители, уразумев, что он уже облачён в иноческие одежды, опечалились сверх меры. Ведь они и любили его чрезвычайно; и опасались, что к такому решению его склонили иноки; и, наконец, им казалось, что из-за постоянных недугов своих и слабосилия сын их не очень подходит для научных занятий, на которых сосредоточена деятельность Ордена проповедников.

[19] По этой причине они считали более подходящим и пригодным для него картезианский орден или орден св. Иеронима и, руководствуясь этим соображением, прилагали предельные усилия, чтобы его переубедить. Но чем больше они старались ослабить его намерение, тем паче он укреплялся в нём.

Оказавшись же облечён в благословенное сие одеяние св. Доминика, Людовик воодушевлённо начал упражняться во всех добродетелях, особенно в послушании, смирении и молитве, вспоминая при этом деяния нашего святого основателя святого Викентия и других святых нашего ордена. Под их водительством он так преуспевал в служении Божию, что всякое благо и всякая радость заключалась для него в общении с Божеским величеством. И хотя отец перед истечением второго месяца его послушничества пенял ему в письме о таком решении, от намерения

его отвратить не смог; более того, сын весьма твёрдо ответил ему следующим образом.

[20] «Иисус Мария. Я получил письмо Вашей милости, смысл которого, как мне по здравом размышлении кажется, сводится в общих чертах к двум соображениям. Во-первых, коль уж угодно мне вести иноческую жизнь, Вы предпочли бы, чтобы я служил Богу в ордене картезианском или св. Иеронима. Во-вторых, Вы считаете, что меня сманили к себе иноки этой обители. Что касается первого, то прошу Вашу милость смириться с тем, что иным образом жизни я не удовольствуюсь. Поскольку же Ваша милость молвит, что пища, посты и труды, предписываемые здешним уставом, не отвечают моему телосложению и поскольку я склонен к созерцанию, то мне удобнее было бы в вышеупомянутых орденах, чем в этом, где иноки так усердно занимаются наукой, а необразованный доминиканец будет не в цене, прошу Вас вспомнить изречение св. Павла о том, что Царство Божие состоит не в еде или питии (ср. Рим. 14:17), и то, где он укорял тех, кто из чрева сделал себе Бога (ср. Флп. 3:19). Итак, поскольку я не считаю, что Царство Божие есть еда и питье, и не почитаю чрева своего Богом, то посты и труды мало могут меня устроить».

[21] «Поскольку же иноки этого ордена проповедуют и принимают исповеди (к каковым обязанностям ведь приступают не иначе, как после должной подготовки в созерцании), то в этом ордене без сомнений открывается широкое поле для созерцания, что очевидно для вашей милости и что может выяснить любой, кто полюбопытствует. Невысокое обо мне мнение людское меня не огорчает; более того, я весьма желаю, чтобы было оно именно таково, ибо св. Павел убеждает меня в следующих словах: «Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы., ибо судия мне — Господь» (ср. 1 Кор. 4:3-4). Поэтому ради любви Божией умоляю Вашу милость благосклонно принять то, что творит Святой Дух, ибо это его дело, а не моё, а поступать наоборот значило бы сопротивляться Ему. Я уверен, что таким образом мне предстоит спастись и что в будущем это послужит утешением Вашей милости, сударыне матушке и братьям моим. И тут я скажу вместе с псалмопевцем: «Здесь мой покой во веки веков; здесь вселюсь, ибо сам избрал» (ср. Вульг. Пс. 131:14).

[22] «Что касается второго, а именно того, что Ваша милость считает, будто я поступил так, поддавшись внушениям здешних отцов, то поверьте мне (правду говорю), что они тоже были против, особенно наставник послушников, причём не потому, что ему было неуютно принять меня, а потому, что ему тоже, как и Вашей милости, казалось, будто мне не достанет сил носить те бремена, которые полагается брать здесь на себя, однако в конце концов, принимая во внимание мою настойчивость и неотступность, он решил, что если он не отвергнет мои мольбы, то Святой Дух возместит недостающее. Но чтобы Ваша милость паче убедилась в том, [что я действовал не под влиянием монахов], да будет Вам ведомо, что мне было позволено то, что обычно не разрешают другим послушникам; например, я могу писать Вашей милости и получать от Вас письма, более того, говорить с теми, кому Вы велели меня навестить. Ну а отныне, когда Вашей милости стало ясно, что в своих действиях я руководствовался собственной волей, а не действовал под влиянием других, мне больше не следует пользоваться этой поблажкой, но сообразоваться с правилами, предписанными всем остальным послушникам. Причём

я даже самолично просил отца-магистра об этом, но он сказал, что всё-таки позволит Вашей милости поговорить со мной наедине, если Вы пожелаете приехать сюда».

[23] Кроме того, он оказался так безжалостен, что из-за моей немощи разместил меня в лучшей из послушнических келлий и вопреки моей воле три раза в неделю велит приходить на обед, а из-за нынешних холодов снял столь нужный ему самому плащ, чтобы я в него кутался. Вот так он оказался безжалостен – к себе, а ко мне милосерд, предпочитая ходить нагим, лишь бы я был одет.

Посему пускай Ваша милость утешится, будучи уверены, что в душе я наслаждаюсь великим утешением; что же касается сил внешних, я крепок как никогда прежде. Посмотрите, не о Вашей ли милости сказано, что сказал царь Давид: «Там убоялись страха, где нечего страшиться» (ср. Вульг. Пс. 13:5). Благодать Святого Духа да хранит Вашу милость вместе с сударыней матушкой и всеми остальными, о чём лично я подолгу молюсь денно и ночью.

Обитель Проповедников, 6 октября».

[24] Видя всё это, святой приор Микон, желая показать, что настойчивость брата Людовика Бертрана основывается не на человеческих соображениях, вызвал его однажды и в присутствии его отца сказал: «Приказываю тебе, насколько мне по Богу позволено, молвить мне напрямик, доволен ли ты жизнью в ордене, чувствуешь ли себя в силах продолжать?» Святой послушник ответил утвердительно и сказал, что скорее умрет, чем когда-либо уйдет оттуда; и, чтобы ещё решительнее отразить отцовские доводы, он, зная, для чего настоятель дал ему разрешение говорить с родителем, поклялся Богу, что будет жить и умрёт в этом ордене. Ввиду этого, а также после одного визита приора к его матери, родители так успокоились, что оба пошли в церковь св. Доминика поблагодарить Бога за то, что сын их – брат Людовик – выбрал столь благой путь (status).

[25] Добродетель и святость блаженного брата Людовика в год его послушничества так возросли, что он казался уже не новобранцем, а ветераном. Он был до крайности воздержан в пище и всегда отдавал большую часть предназначенной ему доли нищим, каковой обычай соблюдал на протяжении всей своей жизни, последовав совету святого Викентия Феррера. Был весьма молчалив, паче прочих любил тишину и уединение, превосходил всех смирением. Внешние чувства он хранил с необычайным тщанием, а внутренние ещё старательнее, ибо ему было мало обычных часов, проводимых на богослужении в святом храме сем, но радел он о том, чтобы всякое время ум свой возносить к Богу. В обычных орденских послушаниях он был в высшей степени исполнителен, ни мгновения не сидя без дела. Было заметно, что он усиленно предаётся покаянным подвигам и любит жизнь суровую; и хотя он прилагал все усилия для исполнения обычных послушнических обязанностей, это не вело к рассеянию ума, но всё сильней и сильней разжигало в нём божественную любовь.

[26] Он приложил много усилий к изучению церемоний ордена и постижению уставов, которым должен был следовать, и в дальнейшем соблюдал их самым точным образом, что всегда и во всем было заметно. Насельники обители с уважением взирали на добродетели, кои проявлял этот добрый послушник, и чем

больше признаков святости примечали в нём, тем сильнее радовались, что приняли его в иноческий образ.

Иногда, пытаясь понять, в себе ли он, братия присматривались к его глазам, которые, когда он взирал на Распятие, казались совершенно невидящими; записывали его слова, измеряли шаги и вникали в каждое действие, и во всём обнаруживали только то, что вызывало у них большую любовь и уважение, но ничего, за что можно было бы его упрекнуть. В итоге Людовик показал такой пример добродетели, что, когда прошел год его искуса, вся обитель возликовала о том, что он приступает к обетам, поскольку, судя по признакам, какие послушник уже успел проявить, было ясно, что он придаст дивного блеска не только сей святой обители, но и всему Ордену доминиканскому.

ГЛАВА IV. О ТОМ, КАК ОН ПРИНЁС СВЯТЫЕ ОБЕТЫ, И ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ, КОТОРЫМИ ЗАТЕМ ОТЛИЧИЛСЯ

[27] Бр. Людовик Бертран принёс монашеские обеты в 1545 году, когда генеральным викарием Ордена был отец-магистр бр. Франциск Ромео Кастильский (принявший эту должность после смерти генерала, брата Альберта де лас Касака Испанского, который скончался 26 ноября 1544 г. в Вальядолиде), место провинциала Арагонского занимал бр. Мельхиор Поу Каталонский, а приором обители св. Доминика в Валенсии был досточтимый отец-магистр Микон. Случилось это 27 августа и доставило великую радость как самому бр. Людовику, так и всей оной обители валенсийской.

В связи с этим, осознав свои новые обязательства по отношению к Богу, а именно три торжественных обета – послушания, целомудрия и бедности, – к которым присоединился долг соблюдения священных уставов, Людовик счёл достопаеченной всю свою прежнюю жизнь, проведённую в нерадении. Поэтому он от всего сердца просил небесной помощи, дабы положить начало исправлению (ведь чем человек лучше, тем дальше он в собственном мнении от достижения блага). Он все помышлял о том, что Бог призвал его к иночеству, чтобы он начал любить Его, и порицал себя за праздность, из-за которой до сих пор не научился ходить тем путем, которым уже следовало бежать.

[28] Паче всего он был точен в исполнении обета послушания, а потому во всём подчинял свою волю и всякому велению настоятеля, что является основой иноческой жизни; и таковую способность приобрёл в упражнении этой добродетели, что, как явствует из процесса, великое благоговение вызывало у тех, кто видел, с какой готовностью он повиновался старшим, причём так он поступал не только в начале иноческого своего жития, но всегда оставался наипослушнейшим из монахов.

Он всячески старался сохранить в неприкосновенности чистоту ума и тела, а все мысли свои устремлять постоянно к Богу, настойчиво умоляя Его сохранить ему невредимой столь прекрасную белизну [что он приобрёл в монашестве]. Он ещё более, чем когда-либо прежде, презирал всё мирское, вменяя его ни во что и считая совершенно убогим и недостойным, а превыше несметных богатств и драгоценных сокровищ поставляя служение Иисусу Христу, Которого благодарил за то, что обетом бедности Он разрешил его от тех уз и вызволил от тех помыслов, которые могли смутить его всесчастливое служение.

[29] Он выбрал себе в вожатые отца нашего, св. Доминика, и других святых Ордена, в частности, св. Викентия Феррера, советы которого, записанные им в «Трактате о духовной жизни», сделал своим руководством. Людовик не только дивился примерам умерших святых, но и старался подражать добродетелям живых, особенно тех, кто в этих добродетелях отличился, а таковых было великое множество в той святой обители. Итак, у одного заимствуя любовь к ближнему; у другого – склонность к уединению, у третьего – сдержанность; у тех – усердие в молитве; у этих – покаянные подвиги и усмирение плоти, он соткал себе прекраснейшее облачение, украсившись коим так усердно заботился об умножении добродетелей, что в короткий срок стал совершенным образцом святости, на который все могли взирать с пользой и извлекать плоды обильные.

[30] В частности, благодаря постоянному общению с Богом он порой восхищался духом, да так, что сам не мог различать, на земле находился или на небе. Поэтому он однажды попросил отца Микона объяснить, в чём причина того, что иногда во время молитвы он бывает не в себе, на что тот ответил: «Благодари Бога за то, что с тобою такое случается, ибо это счастье, которое не всем выпадает на долю». Случилось и так, что брат Людовик сам рассказал об этом своему отцу бр. Иоанну Аларкону, когда они беседовали о молитве в обители св. Анны в Альбайде; однако отец Аларкон заметил, что Людовик после того, как открыл эту тайну, раскаялся в своих словах, ибо они могли быть обращены к его похвале.

Он так алкал покаянных подвигов, что то многое, что он делал, казалось ему малым. Не довольствовался он также соблюдением постов, предписываемых уставом, но добавлял к ним другие, лишая себя в итоге части пищи, и сочетал это с таким частым самобичеванием и иными ущемлениями плоти, что впал в тяжёлую болезнь, по причине чего его пришлось препроводить в обитель, находящуюся в Сан-Матео, местечке со здоровым климатом, где он тоже оставил драгоценные следы своей святости.

[31] Поправившись, он возобновил свои обычные упражнения, ибо он не был подобен иным, кто, заболев от подвига, в дальнейшем воздерживаются от него. Ведь то, чему инок научается в искусе, полезно не только в пору послушничества, но и на протяжении всей жизни; вот брат Людовик и блюл до самой смерти существенные и необходимые навыки, которые приобрёл, будучи послушником; например, обеты бедности, целомудрия и послушания, а также обычаи Ордена, даже малейшие, в особенности телесную умеренность и сдержанность, так что ни один послушник не сравнился бы с ним. Он до конца своей жизни предпочитал такую же умеренность и в словах, да и во всём остальном, что касается иноческого делания, однако мы при возможности опишем его в соответствующих местах.

И хотя слуга Божий с юности своей с дивной силою любил созерцание, а научные занятия, казалось бы, должны были отвлекать его ум, ему была введома излюбленная уловка дьявола, который вводит в жуткие заблуждения желающих предаваться созерцанию без знания, а потому Людовик неленостно занимался наукой, всегда любил её и охотно общался с учёными мужами, то и дело обсуждая с ними прочитанное. А чтобы не уклониться от истины, он строго следовал учению св. Фомы Аквинского, и, когда впоследствии занимал должность приора, с величайшим

усердием пекся, чтобы его подначальные прилежнейше оное изучали, и сам прилежно способствовал его распространению.

ГЛАВА V. КАК ОН СТАЛ ПРЕСВИТЕРОМ И ЧТО ЗАТЕМ ДЕЛАЛ

[32] Когда бл. Людовик просиял столь явной святостью и добродетелями, отцы решили, что его должно возвести в священный сан. Поэтому его рукоположили во иерея, и он отслужил свою первую мессу 23 октября 1547 года в валенсийской обители Проповедников. Ввиду сего нового достоинства он решил, что так усиленно обязан теперь искать совершенства, что ему и времени теперь не хватит на ущемление тела и другие покаянные подвиги, потребные для укрощения плоти и возвышения духа к Богу, – ведь для совершения столь высокого служения он желал достигнуть ангельской чистоты.

Мессу он служил с таким благоговением, что воспламенял и окружающих, а прежде чем приблизиться к алтарю, тщательно приготавливался, чтобы с вящим гладом принять сию святейшую Трапезу, каковой уповал укрепить свой дух в службе божественной и любви; ведь, как говаривал он обычно: «Силою Святых Таин слуги божеского Величества плывут, как корабли при попутном ветре». По этой же причине он увещевал всех, с кем только имел дело, почаще причащаться, а если не получается, то хотя бы находиться в церкви при свершении Божественной Евхаристии.

[33] Приняв сан священника, Людовик сблизился с несколькими отцами-доминиканцами, а именно с достопочтенным отцом-магистром Миконом, отцом бр. Михаилом из Санто-Доминго, наваррцем, с магистром Лаврентием Лопесом и отцом бр. Рафаилом Кастельо, и беседовал с ними о делах души своей, поскольку прозревал в них великое сияние святости. И вот по образу пчелы он собирал с них, словно с цветов, росу небесную; и был всегда другом слуг Божиих, а также тех, кто слугами Божиими быть желал.

[34] Однажды ночью, после чтения утрени он, стоя на молитве, увидел в духе, что прославленный отец Кастельо (который благодаря своим выдающимся достоинствам сыграл большую роль в столь успешном исправлении нравов провинции Арагон) погрузился по шею в воду и вот-вот утонет. Ну а когда упомянутый отец собрался отправиться на остров Майорка, брат Людовик рассказал ему о своём видении – и оно в итоге подтвердилось. Ведь когда отец Кастельо возвращался с Майорки на корабле, на котором находилась также вице-королева, вдова дона Фелипе де Сервельо, вице-короля того же острова, между Майоркой и Ивисой совершенно внезапно поднялась буря. Отец Кастельо, рассудив, что в шлюпке будет безопаснее, забрался в неё, имея на себе лишь скапуляр и рясу. Вскоре после того, как корабль с вице-королевой на борту потонул, перевернувшуюся шлюпку прибило к берегу Ивисы – по этой причине отец Кастельо, прежде чем он смог выбраться из бурного моря на сушу, долгое время находился в воде, как и предсказывал бл. Людовик, но по милости Божией всё-таки выжил. Бл. Людовик рассказывал, что он имел обыкновение молиться простершись на земле, раскинув руки крестообразно; и что он удостоился многих откровений небесных.

[35] После того, как дон Франсиско де Борха, герцог де Гандия (св., пам. 30 сент.), открыл монастырь Святого Креста в Льембае, каковой этот добрый слуга Божий

строил из ревности о душах своих подданных, бывших тогда новыми христианами, приором этой обители в сентябре 1548 года был избран отец Микон, который, прекрасно зная замечательные добродетели и святость бл. Людовика, стал хлопотать о том, чтобы того дали ему в помощники, дабы сей дом, установленный на добрых основаниях, и впоследствии всегда процветал святым подвигом и благочестием, что так и было.

Бл. Людовик перебрался на новое место охотно, но смог пробыть там недолго. Ибо в начале ноября того же года явился ему при молитве родитель его, как бы умирающий; о каком видении слуга Божий поведал утром своему духовнику, а через несколько часов прибыл к нему вестник с просьбой возвратиться в Валенсию как можно скорее, если он хочет застать своего отца живым, который перед надвигающейся кончиной чрезвычайно хотел бы увидеть его и побыть с ним рядом.

[36] Когда бл. Людовик, быстро выехав, посетил своего умирающего отца, тот принял его с величайшей радостью и в слезах молвил ему следующее: «Сыночек, любимчик мой, крайне досадно было мне в сей земной жизни, что увидел я тебя монахом, и именно это-то и утешает меня паче всего теперь: вверяю тебе душу мою!». Бл. Людовик оставался при нём всё то недолгое время болезни его, что оставалось до смерти, которая последовала 7-го числа указанного месяца ноября, как сказано в канонизационном процессе, где наличествует параграф, выписанный из книги картезианского монастыря Врата небесные, в котором содержится предписание всем картезианцам молиться за душу их благодетеля.

И угодно было Богу открыть слуге Своему муки, которые душа сия претерпевала в чистилище: то её сбрасывали с высокой башни вниз, от какового падения раздроблялись кости; то били её жесточайше, и Людовик слышал её причитания и призывы о помощи, обращённые к нему.

[37] Эти видения часто бывали у него в течение восьми лет, и он скорбел всё это время, видя отца своего в столь тяжких муках, и старался оказать ему помощь мессами, псалмопением, молитвами на розарии, постами и самобичеваниями, которые он совершал так часто, что для этой цели ему отвели в монастыре подходящие места. Ночами он бичевал себя в самом тёмном приделе церкви либо в маленькой ризнице часовни Милосердия в клуатре, которая, по его словам, была самым удобным местом для этого упражнения, но великой душе его нужно было как раз то, что место это было до крайности страшное. Ибо однажды, подойдя ко входу, он обнаружил распростертым на земле полумертвого отца Кастельо, которого демоны сильно избивали, когда он бичевал себя. Эта ризница в нынешние времена преобразована в молельню отцом-мастером бр. Викентием Гомесом.

[38] По прошествии восьми лет бр. Людовик узрел, что отец его весел и находится в прекрасном саду. Об этом видении слуга Божий за год до смерти, уже будучи немощен, со слезами поведал брату своему Иакову, а также кому-то ещё из близких друзей. А на вопрос о причине, по которой его отец так сильно страдал, ответил, что, по его мнению, случилось так потому, что он был на службе у одного из знатных вельмож сего государства.

И да не покажется невероятным то, что отец, хоть и был мужем миролюбивым, подавал хороший пример, а после смерти имел заступником своего сына, брата

Людовика (который много потрудился, чтобы снискать дружбу Божию), тем не менее так тяжело и столь долго страдал – ведь Бог взвешивает и измеряет дела наши, и только Он один знает, какой награды и какого наказания мы заслуживаем.

ГЛАВА VI. КАК ОН БЫЛ ПОСТАВЛЕН В НАСТАВНИКИ ПОСЛУШНИКОВ

[39] Хотя в Ордене проповедников принято так, что обязанность наставлять послушников, имеющая величайшее значение, возлагается только на иноков зрелых лет, потому что от хорошей подготовки подвижников целиком зависит благополучие ордена. А поскольку те, кто уже обучился послушанию и другим добродетелями, остаются под руководством наставника не только в течение годового искуса, но и после принесения обетов (пока не отслужат первую мессу), то подобает, чтобы наставником послушников был муж не только благоговейный, но и большого благоразумия и опыта. Тем не менее святость и добродетель бл. Людовика были так очевидны всем насельникам валенсийской обители, что, несмотря на молодость, его единогласно избрали наставником послушников, твёрдо полагаясь на то, что благочестие и добродетель восполнят недостаток лет к великой выгоде для Ордена. И они не разочаровались в своей надежде, ибо он так замечательно справлялся с этой должностью, что, казалось, был рождён для неё; и в итоге этого первого опыта и других шести раз, когда он исполнял эти обязанности, был воспитан ряд иноков, которые много прославили Орден своей добродетелью и добрым примером.

[40] Его первое избрание в наставники послушников состоялось 21 сентября 1551 года, и первое, о чём он позаботился для подобающего исполнения своих обязанностей, было то, чтобы всегда быть первым среди всех в служении Божию, ибо примеры вышестоящих весьма побуждают подчинённых. Был он поэтому усерден в молитве, умерен, смирен и соблюдал уставы, не допуская ни малейшего нарушения их. И так как он сам весь горел ревностью любви Божией, то всячески старался, чтобы сии новые насаждения росли в красе всех добродетелей и в своё время приносили сладкие плоды добрых дел во славу Божию и к чести Ордена. С этой целью он каждого укорял, умолял и увещевал больше делом, нежели словами. Обычно он был требовательнее всего к соблюдению требований устава, потому что если кто к этому привык, тому потом отнюдь не в новинку труды в Ордене.

[41] Поскольку он сам высшей степени презирал самого себя и всё мирское, то дивным образом прививал такое же презрение своим ученикам, и освобождая сердца их от любви к любым тварным вещам, пытался добиться того, чтобы при всей их боголюбивой привязанности к келлии да книгам они не чувствовали досады, если бы настоятель забрал у них всё. Он хвалил послушание и показывал послушникам достоинство его, а если кто против него погрешал, наказывал того с крайней строгостью. Он убеждал их часто приступать к Тайнствам, а в течение недели несколько раз исповедоваться в грехах – даже чаще, чем предписывает Устав. Он учил их, как воинствовать мощью Страстей Христовых, в коих можно обрести убежище от всех бед, поддержку в невзгодах и пламя любви, пред которым меркнет всё тварное. От сих же Страстей, прибавлял он, можно научиться любви к ближнему, послушанию и смирению вкупе со всеми прочими добродетелями сверх того, а поэтому иноку необходимо, молвил он, иметь в своей келлии образ Распятия, которое ободрит его и к которому он может обращаться в своих нуждах, особенно в

искушениях, ибо в нём обретается истинный покой и всякое благо, ведь там – позади Креста – таится Христос. Таковы были замечательные его уроки, в коих собрана была премудрость святых.

[42] Итак, в келлии у бл. Людовика всегда над книжным столом висело распятие, и однажды он спросил брата Иоанна Багу, есть ли у него какое-либо изображение Распятия, а когда тот ответил отрицательно, заявил: «Не может быть братом св. Доминика, кто в келлии не хранит распятия». И, поднявшись, снял со стены распятие и подал ему, говоря: «В сем найдешь всё, что пожелаешь».

Добрый наставник все старания прилагал к тому, чтобы его послушники всегда и везде пылали божественной любовью и вели себя соответственно. Причём в этом деле он был весьма изобретателен; например: нарочно натыкался в саду на отдыхающих братьев и говорил с благостным выражением лица: «Возлюбим, братия, возлюбим Господа Бога!», - и с таким нежным чувством молвил он это, что они оставляли отдых, хотя назначенное для него время ещё не истекло, и, воспламенённые жаром слов его, возвращались в свои келлии.

Он с величайшей убедительностью внушал им, что все дела свои и труды следует исполнять и творить из любви ко Христу нашему возлюбленнейшему, и никакой иной цели не должны преследовать их посты, молитвы и бичевание плоти.

[43] Он учил их чистоте совести и простоте сердца, не ведающей лукавства и лишённой всякого притворства; укреплял немощных, ободрял слабых, объясняя, сколько они могут приобрести, даже если скудные силы не позволяют им творить многое – лишь бы устремляли они дух свой к правильной цели, а в сердце лелеяли любовь к Богу.

После того, как они давали обеты, он пытался приохотить их к занятию науками, отвергая то мнение, что наука противна святости; наоборот, опыт показывает, молвил он, что в ордене св. Доминика учёные более благочестивы, сильнее Бога боятся и глубже любят уединение.

Благодаря столь ясному научению, что озаряло послушникам небесный путь, шествовали они семимильными шагами, находя в себе силы следовать за наставником, который поучал их больше делами, чем словами, ибо знание его брало начало в смирении, которое у бл. Людовика Бертрана было так глубоко, что он считал себя хуже всех людей на свете. Помимо прочего, именно по этой причине он часто бил себя в грудь и просил этих юношей молиться за него, как за величайшего грешника в мире. Он уговаривал их свободно говорить обо всех замеченных за ним недостатках, обещая в награду за наиболее добросовестные обвинения простить часть причитающегося наказания, а сверх того, подарить что-нибудь.

[44] Но поразительнее всего казались жестокие и продолжительные бичевания, которыми он терзал себя; и, хотя он старался учинять их себе в удалённых местах и в такое время, когда, по его предположению, менее всего мог быть замечен, тем не менее сии подвиги так или иначе часто становились известны. Случилось однажды, что, крепко бичуя себя, он позабыл закрыть дверь келлии, и в неё вошел педагог, каковым тогда был брат Франциск Алеман (впоследствии магистр, приор и выдающийся проповедник), обнаружив, что не только пол, но и стены были

омочены свежей кровью. В другой раз, когда он повелел высечь послушника вроде бы ни за что, то бичевал себя так, что два послушника, увидев море пролитой крови, пришли в крайнее изумление и, найдя спрятанный им окровавленный бич, отказывались вернуть ему.

Время от времени оказывалось, что его келлия забрызгана кровью, и когда кто-нибудь из послушников говорил Людовику, что расскажет об этом приору, блаженный молвил: «Сыне, ради любви к Богу молчи; а я исправлюсь», – однако «исправление» это (о чём он втайне поведал одному своему другу, чрезвычайно набожному) должно было заключаться в том, что он стал бичевать себя, препоясавшись простынёй, чтобы кровь не стекала на землю, и теперь никто не мог бы его уличить.

[45] Однако, подобно тому, как он охотно бичевал себя, так и своих подначальных запросто мог высечь по ничтожной причине, наказывая их даже за малые упущения. В полночь по пятницам, когда у послушников проходило заседание капитула, он устраивал что-то вроде Страшного Суда: назначались наказания и строгие порицания тем, кто хоть как-то нарушил тишину, немножко проспал, совершил ошибку при пении в хоре или допустил какое-либо упущение в своих обязанностях.

Когда два послушника поспорили относительно одного совета, который даёт св. Викентий Феррер в своем «Трактате о духовной жизни», и один из них толковал его так, а другой иначе, бл. Людовик так принял к сердцу возникшее между послушниками препирательство, пускай сколь угодно пустячное, что сурово выбранил их на капитуле и велел целовать ноги другим послушникам, пригрозив к тому же лишить их хабита, если они ещё когда-нибудь допустят подобное.

Он прилежно следил за тем, чтобы послушники шествовали чинно и никогда не поднимали глаз, а чтобы проверить, как они соблюдают эти предписания, он имел обычай наблюдать за ними из капеллы св. Викентия всякий раз, когда они шли на хор или возвращались оттуда.

[46] С другой стороны, он также весьма заботился о том, чтобы полностью обеспечить послушников, в чём бы они ни нуждались; и пока был жив, всегда проявлял великодушие и щедрость. А поскольку неправильно держать лук всегда натянутым, но надлежит порой отпускать, чтобы тетива не порвалась, то в благоупорядоченных монашеских орденах обычно разрешается в определенное время наслаждаться своего рода пристойным отдыхом (т. наз. «рекреации», когда монахи в свободной манере прогуливаются на природе, а в нынешние времена даже играют в подвижные игры. – прим. пер.). По этому поводу бл. Людовик потчевал своих послушников разными лакомствами; причём для таких случаев не только принимал подарки, присылаемые родителями иноков, которые складывал на общее угощение, но также и мать свою просил присылать, а она щедро обеспечивала его гостинцами.

[47] Однако, как правило, и посреди рекреаций бл. Людовик был сосредоточен помыслами на Боге, так что однажды, разделяя с послушниками лёгкую трапезу [на открытом воздухе], он внезапно расплакался и после неудачной попытки это скрыть, всё же вынужден был удалиться в свою келлию. За ним последовал отец бр. Фома Аренас, связанный с ним близкой дружбой, и долго расспрашивал о причине

плача, на что слуга Божий после некоторого молчания наконец молвил следующее: «Едим, болтаем... А я не знаю, каков мой будущий удел; не знаю, не окажусь ли осуждён навеки!» Сказав это, он опять стал плакать и ужасаться.

Тех, кто истинно любит Бога, нередко беспокоят такого рода помыслы; вот и он часто страдал от подобных печалей. Одному близкому другу он как-то втайне признался, что по ночам его иногда будит живое воспоминание о присутствии Господа Бога, отчего дрожь пронимает аж до костей, и он повторяет известный отрывок из четвертой главы книги Иова: «Когда сон находит на людей, объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои» (Иов 4:13-14). Часто также твердил он слова из 28-й главы Притчей Соломона: «Блажен человек, который всегда боится» (Вульг. Прит. 28:14).

[48] Он с лёгкостью возвращал мирские одежды послушникам, просившимся обратно в мир; а остальным говорил, как некогда молвил Христос своим ученикам: «Не хотите ли и вы отойти?» (Ин. 6:67) Ведь хотя добровольно вести жизнь иноческую – дело святое, однако очень опасно держаться за монашеский путь из страха или стыда. Так же легко он лишал хабита тех, кто вёл себя неподобающе и подавал слабые надежды на исправление. Когда некий послушник сказал доброму наставнику, что получил замечательное откровение, которым хотел бы с ним поделиться, тот ответил: «Вот как, тебе уже сейчас бывают откровения?! Ты оставишь монашество». И через несколько дней он вернулся в мир, вести отшельническую жизнь, с чем, впрочем, не справился. Не нравилось брату Людовику когда новобранцы на службе Божией получают откровения, и молвил он, что поначалу следует много времени посвятить деятельной жизни и укрощению плоти, а не парить в созерцаниях, ибо таков обычный путь святых, сообразный заповедям святых учителей.

[49] Однажды он отозвал четырёх послушников и сказал им: «Чада мои, приготовьтесь, ибо один из вас в этом году умрёт», – и действительно случилось так, что через три месяца один из них умер, а остальные трое остались жить.

Среди иных у него было два послушника, которые при чтении церковном были куда внимательнее своих ровесников; и вот слуга Божий молвил другому послушнику, брату Христофору Эскриве: «Видишь, как прилежны сии двое сынов? Знай же, что и тот, и другой покинут Орден». Так и случилось.

Поскольку бл. Людовик весьма высоко ставил занятия науками, то, будучи уже во второй раз воспитателем послушников, он просил отца-генерала дать ему возможность подучиться в знаменитой Саламанкской обители. Но отец Микон старался отговорить его от этого замысла, заявив, что он призван Богом в Орден не для того, чтобы преподавать науки, а чтобы своим примером и благими советами прививать другим христианские нравы.

[50] Тем не менее он попытался добиться своего и отправился в Кастилию, где при подъезде к деревне Вильяэскуса-де-Аро (примерно на полпути в Саламанку. – прим. пер.), встретил некоего отца, весьма высокого духом, который молвил ему что это не тот путь, для которого Бог избрал его, и поэтому ему подобает вернуться в свою обитель и там исполнять то, что приказывает начальство. Поразмыслив над сим наставлением, бл. Людовик решил, что Бог изволил возвестить Свою святую волю

через этих двух слуг Своих, и вернулся в Валенсию, где был с ликованием встречен теми добрыми иноками, которые чрезвычайно болезненно восприняли отъезд столь милого их сердцу брата, которого всей душой любили за его замечательную добродетель. Едва он приехал, как начальство возложило на него всё ту же обязанность руководства послушниками в надежде на огромную пользу для Ордена. В этой должности он прослужил много лет, хотя из желания большего уединения и тишины просил начальство избавить его от столь тяжкого бремени.

ГЛАВА VII. О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО, КОГДА ОН ВОЗГЛАВЛЯЛ ОБИТЕЛЬ СВ. АННЫ В АЛЬБАЙДЕ

[51] В год 1555-й, в последний день августа, изволилось Богу призвать прославленного слугу Своего, магистра бр. Иоанна Микона, коего мы выше уже поминали добрым словом, а был он мужем такой святости, что божеское Величество удостоило его многих чудес.

А на следующий год умерла мать бл. Людовика Бертрана, и он сам присутствовал при смерти её. В ту пору королевство Валенсийское поразил страшный голод, продолжавшийся до 1557 года, летом которого в городе Валенсии вспыхнула моровая язва, которая, расползаясь по всему королевству, разила жителей до 1560 года. От этого недуга в валенсийской обители скончался брат Климент Бенетти, который, омыв свою душу на генеральной исповеди, которую принял блаженный брат Людовик Бертран, обещал ему, что после смерти сообщит о своём состоянии в ином мире. И вот, он явился блаженному в ту же ночь и сказал, что задержан в чистилище за какие-то лёгкие провинности, и попросил поставить о том в известность отца-приора, дабы велел братии молиться за него. Когда видение скрылось, бл. Бертранд исполнил просьбу, а через шесть дней некто, исповедуясь ему в грехах, поведал, что предыдущей ночью видел, как разверзлась земля, а из расщелины изошла душа брата Климента Бенетти, подобно звезде блистающей, и поднялась по воздуху в небо.

[52] Когда чума в Валенсии обострилась, заразился приор Проповедников, брат Михаил из Санто-Доминго, инок весьма заслуженный, и по приказанию отца-магистра бр. Петра Саламанкского, воспитанника той же обители валенсийской, а в то время генерального викария этой провинции, перевёл многих из братьев своих в другие обители королевства, чтобы не подвергать опасности всех. При этом разъезде бл. Бертрану выпала на долю обитель св. Анны в Альбайде, который он большую часть времени возглавлял в звании викария, потому что этот монастырь тогда ещё не достиг уровня приората. Поскольку же обитель эта находилась в пустынной местности, она весьма подходила бл. Людовику для привычного его подвига, ибо он мог по своему усмотрению проводить там время в молитвах и созерцании; а ещё он завёл обычай к великой утехе душевной взбираться босиком на холм рядом с обителью и проводить там долгое время, следуя примеру Христа Господа нашего.

[53] Он так горел любовью божественной, что речи его казались распалённым горнилом любви, и это проявилось однажды, когда некий светский брат по имени Иоанн Перес, готовясь в той обители к исповеди у бл. Бертрана, услышал громкие рыдания и всхлипы отца Альфонса Годоя, который исповедовался бл. Бертраном и немного погодя, удаляясь оттуда со слезами на глазах, молвил: «О брат Иоанн, один горящий уголь зажигает другой!» Под этим он подразумевал пламенеющие слова бл. Бертрана, которые растрогали его до слёз. Сверх того, тот же брат Иоанн не раз утверждал, что всякий раз, исповедуясь бл. Бертрану или хотя бы заслышав его голос, он сокрушался и рыдал. Об том же свидетельствовал и Иероним Абеля, который всякий раз, исповедавшись ему, отходил от него паче прежнего вдохновлённый на служение Богу и обогащённый небесными милостями.

[54] Таков был жар его духа в молитве и размышлении, что он иногда переливался и в тело. По этой причине, когда однажды в студёный зимний день отец Аларкон посетовал при бл. Бертрane на изрядную стужу, тот ответил: «Отче, если мёрзнешь, молись и не будешь чувствовать стужи! Неужто не пробовал никогда?»

С самим собою блаженный обращался жёстко, носил колючую власяницу и, как уже было сказано, часто сёк себя до крови. От этого у него была истерзана спина, и когда отец Аларкон однажды ласково положил ему руку на плечи, он резко изогнулся всем телом, из чего Аларкон с достаточной ясностью уразумел, в чем дело, но вида не подал. А на другой день он, войдя в его келлию и обнаружив в ней старый плат, весь пропитанный кровью от бичевания, украдкой унёс его и хранил как священную реликвию лет двадцать с лишним – до смерти до бл. Бертрана.

[55] Мессу он служил с величайшим благоговением, а перед причащением долго медлил со Св. Тайнами в руках, плача. В такие мгновения часто замечали, что он лучится ясным сиянием, о чём ещё будет сказано в своё время. Будучи необычайно привязан к Евхаристии, он обычно совершал её каждый день, если же что-нибудь сему препятствовало, просил вышеупомянутого отца Аларкона, в ту пору ризничего, причастить его, а когда настоятель отказывал ему в этом, он из великого смирения своего и послушания сносил отказ терпеливо.

Обязанности, каковые бл. Бертран и его соратники несли в этой обители, состояли в неустанной проповеди и усердном душепопечении, что наряду с денным и ночным пением хвалы Богу является основным занятием этого священного учреждения. Первую из своих тамошних речей он произнёс в селе Паломар, к которому питал особое почтение, ибо оттуда родом был добрый его наставник Микон. Прежде чем взойти на кафедру, он обычно удалялся в ризницу, где молился так горячо, что часто замечали, как он возвращался оттуда с сияющим ликом.

Проповедуя, он ходил по тем окрестностям пеши, а по завершении проповеди собирал милостыню для своих братьев, нося на плечах большую сумку.

[56] Однажды, возвращаясь с проповеди, произнесённой в Санта-Мария-д'Агрес, он встретил пастуха, пасшего своё стадо, и, увидев его, преклонил колени, чтобы помолиться, а затем, подойдя к пастуху, поведал ему о его тайных помыслах, и о том, что уже много лет прошло, как он не исповедовался, так что должно ему исповедоваться как можно скорее, ибо смерть его уже близка. Пастух послушался и через несколько дней перешёл в мир иной.

Он приказал братии всех приходящих к ним из окрестных мест на исповедь выслушивать без отлагательства, а так как по причине чрезмерного множества оных не всех могли получить отпущение утром, то, не желая никого оставлять без утешения, Людовик велел остальных кормить, насколько то позволяла бедность святой его обители, и ласково с ними обращаться.

К милостыне он был готов всегда и обычно подавал столько, сколько просили, а нищих с улиц приводил в обитель. Ибо велико было его упование на Бога, Который, как ему было превосходно известно, не оставит в нужде людей, коль и лишённых разума животных не покидает без помощи.

[57] Хотя та обитель в пору, когда бл. Бертран был в ней наместником, сильно нуждалась и не имела ни денег, ни надежды раздобыть их, а сверх того была обременена многими долгами и сэкономила даже на всём необходимом для обустройства своих новых помещений, слуга Божий стал подавать милостыню с таким великодушием, словно бы монастырь сей был пребогат. Однако при том, что в своём благотворении нуждающимся он казался расточителем (*prodigus*), средства обители, по-видимому, чудом (*prodigiose*) прирастали, так что в течение короткого времени она погасила все долги – явный признак того, что чем щедрее он был к нищим, тем больше прирастало имущество его обители, которую он всегда всем необходимым своевременно обеспечивал.

И хотя из-за того, что в доминиканской церкви был погребен некто умерший от чумы, братии на много дней было запрещено побираться в окрестностях, у них не обнаружилось недостатка ни в чём необходимом, ведь поскольку добрый наместник подвергал опасности свою жизнь и жизнь своих иноков, хороня погибших от чумы, то и Бог не только уберёт их от всякой заразы, но и доставлял им всё, в чём имели нужду, чтобы из-за сего замешательства они не мучились голодом.

[58] Когда разбился монастырский колокол и экономом собирал деньги на отливку нового, случилось так, что бл. Бертран, пользуясь своим начальственным положением, счёл нужным употребить их на какие-то иные цели. По этой причине он немедленно приказал эконому передать ему все деньги, какие у него имелись. Тот сильно огорчился, опасаясь, что не из чего будет заплатить за колокол, и в приступе раздражения молча подумал: «О Боже благословенный, как он ужасен!» Блаженный же Бертран тут же заметил: «Я точно знаю, отче, что ты думаешь: «О Боже благословенный, как ужасен этот человек!» Деньги ж, однако, давай сюда, а уж Бог усмотрит!»

Однажды он приказал заведующему кухней дать прачке два реала. Управляющий упрятал их в грязное бельё и послал ей. Добрая женщина, неожиданно обнаружив деньги, тем сильнее удивилась, что именно в этот день они ей были крайне срочно нужны. Она пришла в обитель и сказала слуге Божию: «Вот что я нашла в белье, отче. К чему бы это?» На что он ответил: «Ступай, дочка, ведь ты в этом нуждалась». Такой ответ её ещё паче удивил, тем более что она никому не сообщала о своей нужде.

ГЛАВА VIII. О ТОМ, ЧТО ЕЩЁ ПРОИСХОДИЛО, КОГДА ОН ЖИЛ В АЛЬБАЙДСКОЙ ОБИТЕЛИ

[59] Когда в Валенсии свирепствовала чума, жил в селе под названием Бельхида, что в половине лиги от обители св. Анны, некий знатный валенсиец по имени Херонимо Абелья, человек весьма разумный и богобоязненный, который много лет был старшим членом муниципалитета Валенсии и на других должностях служил. Каждое воскресенье и почти на все праздники он ходил в обитель св. Анны, чтобы исповедаться в своих грехах, а поскольку пользовался для этого услугами бл. Бертрана, завязал с ним искреннюю дружбу и полюбил его безмерно, будучи свидетелем его замечательного совершенства и необычайных достоинств. Наслушавшись же рассказов о его необычайном воздержании и подвиге, да и вообще об исключительной святости его жизни, Херонимо ещё глубже сблизился с ним, и стали с ним происходить дивные вещи, весьма далёкие от обыкновения. Часто он собирался было посоветоваться со слугою Божиим о своих духовных затруднениях, но прежде, чем он молвил хоть словечко, да даже прежде чем успевал рот открыть, бл. Людовик подробнее отвечал на все вопросы, точно бы заготовил длинную речь на эту тему. Однажды слуга Божий предрёк Абелье, что с ним случится то-то и то-то, что в точности в соответствии с предсказанием и случилось через двадцать лет; однако что именно, Херонимо так и не захотел пояснить, поскольку дело то было личное.

[60] Донья Исабель де Белуис, сестра вышеупомянутого Абельи мучилась трудными родами. Повивальные бабки ждали много часов, но по недостатку сил женщина всё никак не могла родить. И обратилась она к своему брату, дабы умолил он бл. Бертрана не побрезговать и без промедления прийти к ней ввиду смертельной угрозы. Получив это известие, слуга Божий явился к ней в дом и без лишних слов молвил Абелье: «Открой мне эту дверь» (которая вела в молельню). Преклонив там колени перед распятием, он стал читать утреню Рождества Христова. Когда Абелье показалось, что блаженный там уж слишком замешкал, он прибежал проверить, в чём дело; бл. Людовик же, встав с молитвы, молвил: «Эти повивальные бабки не знают своего ремесла; они совсем не вовремя настроили сеньору тужиться. Тем не менее до полуночи она родит дочь, и она вместе с матерью выживет». Так всё в точности и случилось.

[61] Как-то раз упомянутый Абелья зашёл в обитель св. Анны, где исповедовался бл. Бертрону и укрепил силы Святой Евхаристией, а затем вместе с ним и еще несколькими другими отправился в его келлию, при входе в которую отец развёл руками и сказал «Брат мой, приготовься; Богу угодно забрать у тебя то, что этой жизни тебе всего дороже». Через три дня после праздника Абелья, возвращаясь в св. Анну, встретил на полпути бл. Бертрана, направлявшегося, как обычно, в Бельхиду проповедовать и принимать исповеди. Поприветствовав Абелью, он молвил: «Иду к тебе в гости духовно утешить хозяек». Итак, по прибытии туда после короткого разговора, Абелья с супругой и другими домочадцами исповедался в грехах своих и принял Святую Евхаристию. После трапезы, поблагодарив Бога и отпустив слуг, отец обратился к Абелье и жене его, молвив: «Господа, а что, если бы Бог изволил развязать узы, связывающие вас?» И тут же сменив тему, он начал рассуждать о Боге, а затем вернулся в свою обитель.

[62] Три дня спустя, в среду ближе к вечеру, даму охватила необычная и сильная горячка, в пятницу у неё случился выкидыш, а на следующий день, едва позавтракав,

она умерла. Тогда-то наконец и уразумел Абелья, на что слуга Божий так часто ему намекал как бы в шутку.

В воскресенье рано утром бл. Бертран вышел из монастыря с отцом бр. Мартином Суаресом, направляясь в Бельхиду. По дороге им встретился человека, шедший в обитель, и не успел тот слова сказать, как бл. Бертран молвит: «Я уже знаю причину твоего путешествия; возвращайся: жена господина твоего скончалась». Из этого отец Суарес уразумел, что о её смерти бл. Бертран был извещён чрез откровение.

Придя в Бельхиду, слуга Божий вошёл в дом покойной, изрядное время простоял с очами, возведёнными к небу, и сказал: «Эта покойная добрая сеньора была одной из самых чистых и простых душ, с которыми я когда-либо сталкивался, и тем не менее ей придётся на пять дней задержаться в чистилище».

После отпевания и похорон покойницы, бл. Бертран увещевал Абелью правильно воспитывать своих детей, ибо большинство их станет иноками. Так и случилось: трое из пяти вступили в Общество Иисуса; ещё один облачился в хабит славного отца Франциска; младший женился.

[63] В другой раз бл. Бертран, находясь в Бельхиде в гостях у доньи Исабели де Блуис, пристально поглядев на некую служанку, молвил её госпоже: «Продай, пожалуйста, эту рабыню как можно скорее!», но так как чума продолжала препятствовать всякой торговле, этого не удалось сделать в течение следующих пятнадцати дней, в конце какого срока несчастная эта служанка сверзилась с высокого выступа вниз головой и скончалась в отчаянии; и тогда стало понятно, почему добрый слуга Божий так подгонял с её продажей.

Когда по случаю некоего юбилея он вместе с отцом Аларконом отправился принимать исповеди в вышеупомянутую деревню Альбайда, выслушивание множества людей так надолго заняло их, что возвращаться в обитель оказалось уже слишком поздно. Поэтому дон Хуан де Милано, местный алькальд, приказал приготовить для них постель. Но бл. Бертрана никак было не убедить раздеться и лечь в кровать, и добиться удалось только того, что после долгих уговоров он согласился лечь в постель одетым. Точно так же и в гостях у вышеупомянутого Абельи, хотя его несколько раз убедили переночевать, он ни за что не желал ложиться в постель, а только на какой-то сундук. Лишь однажды в Монкаде, будучи болен, он поддался неотступным уговорам и нехотя лег в постель, но опять же одетым.

[64] У некоей женщине в Альбайде был малый сынишка, которого она любила до чрезвычайности, и вот явился в дверях её некто в одеянии паломника и сказал: «Я иду ко святому Иакову; если изволишь отдать мне этого мальчонку, я сделаю его большим человеком». Женщина, хотя и не имела ничего против представленной возможности, попросила один день на размышление и тотчас же пошла посоветоваться с бл. Бертраном, который предупредил её, что, если паломник вернётся, он прикажет ему сделать что-нибудь дурное, ибо он демон. На следующее утро паломник пришел за ответом, [а когда не услышал того, на что рассчитывал], попенял женщине: «Брат Бертран, что дал тебе этот совет, – тот ещё чертяка, но, чтобы ты знала, как могуч я, погляди на того, кого привезут сюда на осле: он упадет

замертво перед твоими дверями». Так и случилось на самом деле; а паломник больше не появлялся.

Нечто подобное произошло и в Валенсии, но об этом мы расскажем в своё время.

Однажды ночью Людовика поспешно вызвали к донье Бланке, супруге упомянутого алькальда, дона Хуана де Милано, у которой были крайне опасные роды. Блаженный пошёл к ней со всей поспешностью и, повесив ей на шею чётки, помолился.

Алькальдесса родила тотчас же.

[65] Помимо сего, в пору жизни в упомянутой обители альбайдской бл. Бертран совершил ещё много чудес, о которых можно было бы упомянуть; таких как знамение огня и сияния, в ореоле которого его часто видали, но об этом будет сказано в другом месте.

Скажу только, что в краю том он весьма прославился, ибо, будучи молодым человеком не старше тридцати трех лет, он тем не менее пользовался таким почтением у жителей всех окрестных мест, что однажды, когда он проповедовал в Паломаре, ему отрезали капюшон, чтобы сохранить в качестве священной реликвии.

Во время пребывания бл. Бертрана в обители св. Анны чума унесла в Валенсии двадцать двух отцов-проповедников, а среди них -- блаженного приора бр. Михаила из Санто-Доминго, ибо он ухаживал за чумными и, повторяя подвиг Товита, отпевал их при погребении (Тов. 1:16-19). И явился упомянутый славный приор бл. Бертрану при молитве и, поцеловав его в лоб, сказал, что только что умер и грядет в радость Божию... (Похвальное слово бр. Михаилу опущено в AASS. – прим. пер.)

ГЛАВА IX. КАК ОН ВОЗВРАТИЛСЯ В ВАЛЕНСИЙСКУЮ ОБИТЕЛЬ

[66] Когда же в 1560 г. моровая язва прекратилась, начальство повелело бл. Бертранду вернуться в Валенсию, где он во второй раз принял руководство над послушниками, продолжив прежние свои святые подвиги.

В то время некий послушник, по имени брат Иоанн Лескано, размышлял ночью о том, чтобы попросить назад свою мирскую одежду. Добрый наставник, подойдя к нему перед рассветом, молвил: «Брат, спи! Ого, не хочешь ли ты уйти?» Тот же, скрывая томящее его искушение, ответил: «И куда же мне идти, отче?» (ср. Ин. 6:68) На что блаженный ему: «Куда тебе угодно». И добавил: «Так же поступят и некоторые другие». После чего, дружелюбно призвав его к святой стойкости, ушёл. Таким образом этот послушник полностью освободился от своего искушения и исполнился утешения. А через несколько дней после того, когда двое других оставили иночество, уразумел, что означали слова, сказанные наставником.

Некий инок той же обители валенсийской горевал, что в ней умерло так много отцов. «Утешься, – молвил ему бл. Бертран, – ибо одному брату Бог явил их в полноте великолепия и славы». А по косвенным обстоятельствам установили, что братом, получившим это откровение, был сам бл. Бертран.

[67] Во время тогдашнего пребывания в Валенсии, перед его поездкой в Америку (in Indias) Херонимо Абелья обсуждал с ним помолвку между его племянницей, сеньоритой Анной де Белуис, и неким дворянином. Бл. Людовик возражал: «Этот

брак будут обсуждать дважды, но так и не заключат; да и не следует, потому что для твоей племянницы из этого вышли бы одни неприятности». Именно так и случилось; ибо два раза начинали переговоры, но не довели дело до конца, ибо кабальеро постиг тяжёлый недуг, по причине которого он дал обет вступить в инокский орден, что и сделал. Впоследствии, однако, несчастный сошёл с ума.

С наступлением Четыредесятницы Людовик проповедовал в селении Алькой, где, как обычно подавал всем превосходный пример ради приобретения душ для Бога, ибо, прекрасно понимая, насколько важно учить людей делом, а не словом, он спал одетым на циновке из морского тростника, а питался в течение многих дней одним хлебом и водой.

Не раз захаживал он в деревню Косентайна навестить донью Беатрис де Мендоса, женщину великой добродетели христианской, которая, будучи изрядно наслышана о нём от многих (в частности – от магистра Йордана, святой жизни иерея), прониклась к нему глубочайшим уважением и прибежала к его услугам в качестве духовника. Она велела приготовить удобную комнату, но, по свидетельству отца бр. Петра Микона (тогда ещё мирянина, которому алькальдесса поручила попечение о слуге Божиим), он никогда не спал там в постели. И как бы ни старался упомянутый Микон встать пораньше, всегда заставлял бл. Людовика на коленях в молитве.

[68] Весной два мавританских галеона высадились в Валенсии, захватив огромную добычу, и многих на берегу забрали в неволю. После этого в один праздничный день через Валенсию проезжал, собирая выкупные деньги, вожак этих мавров в сопровождении нескольких соплеменников, что бл. Бертрана до крайности опечалило. Поэтому вечером, когда послушники в саду обменивались мнениями о состоявшемся в тот день празднике, слуга Божий, воспылав святым гневом, изрёк: «Как можно вынести, сыны мои, что враги Христовы, нанеся такой ущерб, ходили сегодня с такой важностью по городу, да и доселе нахально расхаживают? Это нас, нас, сыночки, касается! Давайте-ка все преклоним на земле колена и лицом к морю благоговейно прочтём один псалом против этих мавров!» Послушники тотчас предались молитве с таким благоговением, каковым Бог напоил их души, а чуть позже стало известно, что, когда мавры подняли паруса и немного отплыли от берега, поднялась сильнейшая буря, которая и потопила их всех.

Из-за чего позднее бл. Бертран в силу свойственного ему простодушия терзался угрызениями совести, не согрешил ли он тем, что по его поручению послушники (чьим заслугам он приписывал этот знаменательный итог) так ревностно призывали кару Божию на этих мавров. Псалом, который они тогда читали, был сто восьмой, начинающийся со слов: «Боже хвалы моей! не премолчи...» и называемый в народе «псалмом проклятия».

[69] Некая женщина, горя о том, что её муж привержен смертному греху, обратилась к донье Анне Белуис, чтобы она упростила бл. Бертрана молиться за него, дабы избавил Бог его от сего зла. Через несколько дней после этого отец попросил Херонимо Абелью передать своей племяннице, донье Анне, что Бог подвергнет мужа той женщины великому наказанию, которое поможет ему исправиться. И вышло так, что вскоре заболели дети этого порочного человека и скончался тот из них, кого он

любил больше всех. После чего он взялся за ум и стал воздерживаться от своего греха.

Перед отправлением в Америку бл. Берtrand сказал Анхеле Вивес, жене Франсиско Хуана Абельи, которая была беременна: «При тебе останутся дети, рождённые тобою прежде, а те, кого далее будешь рожать, принадлежат небесам». Так и случилось; ибо она родила сына, который вскоре скончался.

[70] В это время в валенсийскую обитель св. Доминика прибыл некий индеец, облачённый в хабит брата-проповедника. Хотя [был он самозванцем и] рекомендательные письма его были поддельными, случилось это не без божественного Промысла, ибо от бесед, которые бл. Бертран вёл с ним, сердце слуги Божия возгорелось такой любовью к ближнему, что он решил непременно отправиться в Америку. На это путешествие его ещё более воодушевляло то в рассказах индейца, что людей менее твёрдых могло бы отпугнуть, а именно описания того, сколь великие тяготы приходится претерпевать проповедникам Евангелия в тех краях и с какой варварской жестокостью тамошние дикари нападают на них. Чем больше он слышал о таких зверствах, тем более крепла в сердце его жгучая жажда мученичества, ибо ему было прекрасно известно, что не может быть большей любви, чем та, когда друг за друга отдаёт свою жизнь (ср. Ин. 15:13), как учит Христос, Господь наш.

Этот святой замысел он таил в сердце, пока из Вест-Индии не прибыли двое иноков, уполномоченных приглашать проповедников в Новое королевство Гранады (примерно на месте нынешних Колумбии, Венесуэлы, Панамы, Эквадора и Гайаны. – прим. пер.). Когда они расписывали страшную нехватку служителей Евангельских в тех краях, слуга Божий вновь загорелся намерением потрудиться на ниве спасения душ, которые вне знания истинного Бога погрязли в мирадах грехов.

[71] В то самое время отец бр. де Кастильон из ордена славного отца св. Франциска, тогда ещё будучи человеком мирским и другом бл. Бертрана, часто говорил ему, что подумывает о вступлении в орден св. Доминика, а слуга Божий его одобрял и призывал к мужеству и настойчивости в благом намерении. Проведав позднее, что бл. Бертран хочет отправиться в Америку, сей Кастильон решил, что это как раз подходящая возможность и стал проситься к нему в спутники. Однако блаженный возразил: «Ты, верно, думаешь, что станешь членом ордена св. Доминика, но этому не бывать; и Америки ты не увидишь, ибо останешься в этих краях и примешь хабит в другом весьма святом ордене». Поскольку же Кастильон удивился ответу, столь противному его мысли, бл. Людовик добавил: «Не сомневайся; всё будет, как я сказал тебе». И случилось именно так: он остался в Валенсии, а обеты принёс в ордене св. Франциска.

ГЛАВА X. КАК ОН ОТПРАВИЛСЯ В АМЕРИКУ

[72] Столь твердым было намерение бл. Бертрана проповедовать в Америке Евангелие, что не могли его от этого отвратить ни слёзы братьев его и сестёр, ни [просьбы] прочих родственников. Не больше удалось и инокам его обители, которые, предвидя, как пагубно для них будет отсутствие такого доброго отца, всячески старались отговорить его, ссылаясь на его немощи, слабое телосложение, дальность и небезопасность путешествия. К мольбам сим прибавил свои и приор –

бр. Иаков Серрано, который воспитывал его с юности, – а ничего не добившись, отказался дать ему денег на это путешествие. Когда бл. Бертран понял, что не может проделать такое путешествие (из Валенсии до Севильи, служившей главным портом при отправке в Америку. – прим. пер.) пешком в одиночку, он отправил прежде в направлении Севильи своего провожатого, а сам поджидал более благоприятного случая для исполнения намерения.

Но через три дня, в первую пятницу Четыредесятницы 1562 года, после проповеди у инокинь монастыря Непорочного Зачатья, его так замучили угрызения совести, что, расставшись со спутником, он остался там, а потом тем же вечером в воодушевлённой речи призвал братьев-послушников верно блюсти уставы Ордена и, смиренно попросив прощения, если чем-нибудь кого-то из них обидел, простился с ними и уделил своё святое благословение. Словами не описать слёз, пролитых по этому поводу, и глубину скорби, охватившей сердца всех сынов его, по утрате такого святого отца и доброго наставника.

[73] Наутро перед уходом он попросил благословения у приора, который, с большим трудом преодолев естественные человеческие чувства, уделил оное, хотя соразмерно обстоятельствам душа его по-прежнему так мучилась, что он сквозь слёзы слова не мог вымолвить.

Людовик ушёл один с двумя сумками на шее, в которых было несколько книжек и бинты, и отправился служить мессу в обитель св. Марии Иисусовой ордена св. Франциска, расположенную за городскими стенами. Легко вообразить, в каком настроении он свершал литургию, вверяя Богу свой путь и жертвуя Ему свои страдания, неизбежные в таком долгом и трудном путешествии. По окончании мессы он решил, что вещи, взятые им с собою, – это роскошь и баловство, и отослал в обитель то немногое, что принёс.

Затем, шагая по большой дороге, он добрался до Хативского Креста, что в половине лиги от Валенсии, где внезапно догнал своего спутника, которого послал вперёд три дня назад, но который из-за тяжёлой болезни одного из своих родственников только-только вышел из города, что случилось по устроению Божию, дабы не пришлось бл. Бертрану вершить столь долгий путь без напарника.

[74] Услышав, что он ушёл, братия ретиво последовали за ним и, нагнав в Хативе, что в дне ходу от Валенсии, многими доводами пытались убедить его отказаться от начатого путешествия, а когда ничего не получилось, добыли ему осла, потому как видели, что со своим слабым телосложением он пешего пути не одолеет. Наконец попрощались с ним не без пролития слёз, а он прибыл в Севилью, где нашёл место на верхней палубе корабля, отправлявшегося в Новый Свет (*versus istas oras*).

Скоро поняли капитан и матросы, какое сокровище они везли; ибо тут же бросилось им в глаза его благонравие, строгость жизни, красноречие, скромность и смирение. По этой причине все они относились к Людовику с великим почтением, а когда поднималась буря, прибегали к нему, как к надёжному убежищу, чувствуя себя в безопасности лишь с ним рядом.

Случилось так, что некий монах-доминиканец, глубоко задумавшись, задержался в оружейной галеона, где находился бл. Бертран, и с подъёмника ему на голову упал блок, так ранив его, что он лежал как мёртвый.

[75] Тотчас же прибежали лекарь и хирург и стали срезать ему волосы вокруг тонзуры, но бл. Бертран попросил не делать этого, пообещав дать воду, которая по милости Божией исцелит пострадавшего. Доброе мнение, сложившееся у них о Бертрране, побудило их омыть поданной водою голову раненому. Затем его, тщательно перевязав, перенесли в постель, в которой он оставался до следующего утра, по-прежнему без чувств. Придя же в себя, он увидел, будто слуга Божий придвинул свою голову к его. Он незамедлительно поднялся на ноги и направился на мостик, где капитан, увидев его, громким голосом приказал ему возвратиться в каюту, так как его жизнь находилась в опасности. Но инок с удивлением ответил, что здоров, а услышав [от других], что ранен в голову, поднёс к ней руки и сорвал повязки; и тут всем предстало великое чудо, ибо там не оказалось ни раны, ни даже малейшего намёка на шрам.

[76] Корабль пристал в порту Картахена Индейская, и бл. Бертран задержался там в обители св. Иосифа, который принадлежит отцам-проповедникам провинции Сан-Антонино, хотя находится в Перу, являющемся частью Нового королевства Гранада, и находится под управлением [епископа] Картахены, Санта-Марты и Венесуэлы. В этой святыне он и жил по-монашески, оттуда же его посылали в разные края учить индейцев; ибо достоверно известно, что он побывал в Тубарá, Чипакоа, Палуато, Момпосе, Сьерра-Сан-Марта, Турбако, Тенерифе и в других местах. И хотя Бог по молитве бл. Бертррана свершил в Америке много дивного, сведений о том до нас дошло мало, а из того, что мы собираемся здесь поведать, кое-что он рассказывал сам, а кое-что было записано на основании обрывочных сообщений.

ГЛАВА XI. О ЕГО ДИВНЫХ СВЕРШЕНИЯХ В АМЕРИКЕ

[77] Когда блаженный был уже при смерти, некий инок, прибывший в Валенсию из Америки, рассказал о нём кое-что, достойное внимания. Во-первых, по сравнению с прочими проповедниками в тех краях, он принес куда более обильный плод, потому что, хотя он и пользовался в своих речах испанским языком, индейцы всё же его понимали, чего не случалось с другими проповедниками, нуждавшимися в переводчиках. Причина же, по которой Бог уделил ему этот дар, как он сам однажды поведал близким друзьям, была та, что однажды он пользовался услугами переводчика, а тот либо по неведению, либо из злого умысла дурно передал его слова; и тогда он помолился Богу, чтобы его понимали на его родном языке, как когда-то сделал св. Викентий Феррер. Бог внял ему и услышал его; и вот именно сия благодать принесла столь обильный плод.

[78] Вышеупомянутый инок также описал тяжкие невзгоды, какие в путешествиях по этим краям добрый отец Бертран претерпел от голода, жажды, жары, холода, нехватки одежды и других подобного рода вещей (ср. 2 Кор. 11:27), о чём также и сам слуга Божий рассказывал некоторым из тех, кто допытывался о его злоключениях в дальних странах, однако [говорил об этом] всегда с удовольствием и радостью.

Куда больше его огорчало то, что, поскольку обителей в столь обширной провинции было немного и они находились далеко друг от друга, приоры ради нужд индейцев обычно распределяли своих иноков по разным местам, так что один из них мог жить в десяти лигах от обители, другой в двадцати, а иной в тридцати, и чтобы принять друг у друга исповедь с соблюдением обряда сего таинства, им приходилось сходитьсь с обеих сторон на середине пути. Бл. Бертран, который так любил Таинство Покаяния, что прежде постоянно исповедовался по два раза в день, переносил это крайне болезненно, хотя и утешался плодами, которые он в изобилии пожинал у туземцев.

[79] Некий валенсиец Херонимо Кардилья, прибыв в те края, познакомился с бл. Бертраном, который, не найдя нигде иного помощника, решил взять его, как земляка, себе в сопровождение. Когда он направлялся проповедовать в отдалённые земли, всегда ходил босиком, а Херонимо, исполняя обязанности слуги, нёс сумку, в которой не было ничего, кроме Священного Писания и breviария. Куда бы они ни приходили, их встречали с величайшим радушием и проявлениями любви, а когда уходили, предлагали им еды в дорогу, но отец ничего не хотел брать и не позволял Херонимо, который переносил это болезненно, потому что на длинных переходах по безлюдным местам им часто приходилось терпеть голод и жажду.

Однажды, когда они сбились с пути, Херонимо, у которого желудок сводило, сильно ворчал на блаженного за то, что тот велел ему нести сумку, а еды в неё не положил, но слуга Божий со своей обычной кротостью побуждал его к выдержке, уговаривая немного потерпеть ради любви к Богу и с твердым упованием на Него. Но чем больше блаженный старался внушить ему эту добродетель, тем меньше он хотел учиться ей, и продолжал непрерывно роптать.

[80] Тогда блаженный, видя, что спутник его чрезмерно раздражён, молвил: «Давай-ка завернём немножко туда», – и, сделав за метку на дороге, с которой они сошли, спутники вступили в лесную чащу, где, пройдя немного дальше, обнаружили деревце, усыпанное красивыми зрелыми яблоками (и другого такого не видывали во всём лесу), а у корней его бил кристально чистый ручей, словно бы природа создала тут незатейливый фонтанчик, вода из которого оказалась прохладна и приятна на вкус, а на вид он был мил и изящен. Это преисполнило Херонимо радости; вволю поев и попив, он был сыт и доволен, но поскольку яблоки были вкусны, а он, имея опыт нужды, заглядывал в будущее, то, желая обеспечить себя, решил собрать ещё. Блаженный, подбежав, запретил ему, но он всё же тайком собрал несколько и спрятал в сумке, которую блаженный через несколько шагов выхватил у него и, сурово отругав, отбросил. Это так разозлило простого того человека, что, когда они дошли до ближайшей деревни, он позорным образом покинул блаженного одного, который при расставании сказал ему: «Жаль, брат, что у меня ничего нет дать тебе; ступай с Богом! Однако ещё больше мне жаль, что жизнь ты проведёшь всю несчастливо и умрёшь так же». И предсказание это сбылось. Для него блаженный сотворил чудо, исцелив смертельную рану на голове его, о чём будет сказано в главе I книги III.

[81] Он был так верен упомянутому выше обычаю путешествовать пешком, что, когда его позвали из Тубара куда-то совершить таинства, а ввиду его немощи хотели заставить поехать на лошади, никакими доводами убедить не смогли, хотя дорога

была каменистая и вся в крутых подъемах. Некий чернорабочий по имени Херонимо Фернандес вместе с тем самым валенсийцем тоже сопровождал блаженного по Америке чуть более семи месяцев. Он рассказал, что, проходя по той стране, бл. Бертран порой уединялся со спутником в лесу (велев Фернандесу тем временем обождать), а так как случалось это чаще по пятницам, чем в другие дни, то возникло у него подозрение, что они бичуют себя, и, подглядев, он убедился, что так оно и есть.

Тот же Фернандес сообщил, что пробираясь с блаженным по тамошним горам и лесам, он часто встречал ужасных ягуаров и других хищных зверей и в ужасе говорил Людовику: «Куда ты ведешь меня, отче? Хочешь, чтобы эти чудища сожрали меня?» Но тот отвечал: «Не бойся, сын мой, ибо с нами Бог», - и осенял хищников крестным знаменем, отчего они, позабыв природную свирепость, позволяли путникам продолжать путь не только невредимо, но и спокойно.

ГЛАВА XII. О ЕГО ДЕЯНИЯХ В НОВОЙ КАРТАХЕНЕ

[82] Блаженный Бертран, пока начальство не отправляло его куда-нибудь, обычно жил в Картахене, в обители св. Иосифа, где, как и во всех прочих местах, являл замечательные признаки своей святости, сила которой одушевляла и слова его, особенно же во время проповеди. Даже самые черствые сердца смягчались, и все откладывали в сторону даже наисрочнейшие дела, чтобы послушать, когда он говорил, настолько то было им любо.

Однако речь, произнесённая им в упомянутой обители в Страстную пятницу, запомнилась больше остальных, благодаря благоговейному чувству, с которым он изъяснял оные скорбные тайны, и слёзному раскаянию, которые он пробудил во всех своих слушателях. Думы его были не думами смертного человека, а ангельских духов, а слова его были так сладостны, что пленяли всякого, и хотелось всё слушать их да слушать... Короче говоря, смотрели на него как на человека, посланного с небес.

Впрочем, из-за этого некоторые из тех, кому первым подобало бы тут порадоваться, видя, как высоко его ценят, в смертельной зависти подняли на него гонения и постоянно чернили его, оскорбительно называя лицемером. Но кротчайший слуга Божий все сносил терпеливо и добром воздавал творившим ему зло.

[83] Когда приор оной обители, магистр бр. Пётр-Мученик (имя, взятое, очевидно, в честь св. Петра Веронского. – прим. пер.), пожелал продолжить начатое строительство, он устроил совещание со слугою Божиим и братом-бакалавром Иеронимом де Барросом. Предполагалось, что все трое будут проповедовать в следующий Великий Пост (с целью сбора средств. – прим. пер.) в следующих местах: в Верагуа (герцогство, соответствующее совр. атлантическому побережью Никарагуа, Коста-Рики и Панамы до р. Белен. – прим. пер.) – приор, в Рио-де-ла-Ача (совр. Риоача) – бакалавр, а бл. Бертран – в Номбре-де-Диос. По окончании совещания бл. Бертран со всей откровенностью сказал приору: «Сей отец, который так охотно направляется в Рио-де-Ла-Ача, не вернётся оттуда, а ваше высокопреподобие и я окажемся на краю могилы, хотя и не умрём от того недуга». Так и случилось. Ибо отец Иероним скончался в Рио-де-Ла-Ача, а приор и бл.

Бертран, заболев, едва не умерли и с трудом по причине объявшей их немощи вернулись в вышеназванную обитель, где вскоре восстановили свои силы.

[84] Когда блаженный Бертран отправился из Картахены в Бараону (ныне такой нас. пункт. в Центр. Америке отсутствует. – прим. пер.), чтобы отслужить там мессу, узнал он, как недостойно обращаются местные правители с несчастными индейцами, и сказал Андресу Мартино: «Бог избавит этих бедолаг от сего великого бедствия, потому что один из местных правителей через несколько лет умрет». После отъезда бл. Бертрана Мартино рассказал другим то, что слышал от слуги Божия, а когда это дошло до ушей Фернандо д'Алле (который был одним из двух правителей) и доньи Инес де Мендоса, его жены, они крайне огорчились, и поэтому Фернандо попросил у блаженного Бертрана уточнений. Тот ответил, что умереть предстоит не ему, а его управляющему, жестокому притеснителю индейцев. И последовавшая через два года смерть подтвердила то предсказание.

Жене некоего Педро Барроса блаженный советовал примириться с Богом, ибо смерть близка, хотя тогда эта женщина была вполне здорова. Через несколько дней она заболела и умерла.

[85] Кабальеро Парафан де Рибера страдал от тяжкого умопомешательства, и когда его домочадцы поняли, что он вот-вот умрёт, позвали бл. Бертрана, который пришёл навестить его, а рассмотрев, в каком жалком состоянии находится помешанный, потребовал чернильницу и, написав какие-то священные слова на бумажке, привязывал ему ко лбу ниткой. В тот же миг весь дом наполнился таким шумом и жутким грохотом, что все пришли ужас; кабальеро же, придя в себя, благочестиво умер под молитвы бл. Бертрана. Блаженный же, прозорливо чувствуя, что у остальных возникают разные помыслы об этом шуме, а некоторые даже подозревают, что он знаменовал проклятие, велел успокоиться, заверяя, что то было знамение спасения для кабальеро, и надёжно доказав это, убедил всех и обрадовал.

Когда приор и субприор обители св. Иосифа тяжело захворали, некоторые спрашивали бл. Бертрана об их дальнейшей судьбе, и он ответил, что оба умрут в один и тот же день. Так и случилось. Их похоронили вместе.

ГЛАВА XIII. О ЕГО ДЕЯНИЯХ В ТУБАРА

[86] Бл. Бертран, посланный своим начальством в Тубара, дабы привести тамошний народ к истинному богопочитанию, жил при исполнении этого задания по-апостольски, довольствуясь, как обычно, самыми скромными средствами. Он не желал хранить у себя никаких съестных припасов или брать то, что причиталось ему как наставнику священного учения и приходскому священнику, но во всём полагался на индейского управляющего (по имени Франсиско Рибера), который доставлял ему пропитание; и часто, когда тот оказывался в отъезде, несчастный проповедник голодал до вечера.

Он соблюдал свою обычную сдержанность в еде и вершил свои обычные покаянные подвиги, но теперь уже вместо бича использовал железные цепи. Жил в помещении, которое можно было назвать скорее сарайчиком, чем комнатой, и спал на досках, сложенных кое-как в виде решётки, без матраца, без белья, без подушки. Стараясь

донести христианское учение до невежественного сего народа, он так много потрудился, что ни один проповедник не пожал столько плодов, сколько он.

[87] Как записано в книге крещений, он обратил всех неверных, сколько их было в Тубара. Он проповедовал с таким воодушевлением, что ни одна проповедь не обходилась без слёз и сердечного сокрушения, а многие, известные всем своей приверженностью смертному греху, под действием его речей и благого примера отказывались от несправедливой жизни и обращались к служению Божию.

День ото дня изумление индейцев всё более возрастало, потому что они не понимали, как может человек жить таким образом, что никакие человеческие слабости не имеют над ним власти. По этой причине они, подстрекаемые дьяволом, попытались испытать его добродетель, подвергнув искушению с помощью коварной и злобной индианки, о чём будет сказано в главе о его целомудрии.

Он чрезвычайно почитал молитву Св. Марии на розарии, а потому в своих проповедях настойчиво советовал сей чин благочестия, и чтобы ещё паче воспламенить к нему сердца, всякий раз рассказывал о каком-нибудь примечательном чуде.

Дьявол, видя, какой ущерб несёт ему бл. Бертран, обращая столько индейцев в святую веру, явился ему в облачении отшельника и, выказывая притворное сострадание, уговаривал его не мучиться так уж сильно и многими доводами пытался убедить поступить, как ему бы хотелось, но когда узнал его слуга Божий, он скрылся из виду с великим криком и страшными завываниями.

[88] В первые дни после прибытия в эти края бл. Бертран был в канун праздника св. Михаила один в церкви, и вот, вошёл туда индеец, прижимая к груди младенца и громко крича. Блаженный сам не понял, что тот говорил, но от толмача услышал, что пришедший просит крещения для умирающего дитяти. Блаженный удивился, почему вдруг идолопоклонник просит об этом? «Потому, – объяснил индеец, – что наверху вон той горы некий добрый дух сказал мне, будто ты для того и пришёл в эти земли, и если ты обольёшь ребенка водой, он спасётся». Итак, бл. Бертран крестил дитя и назвал Мигелем («...и вскоре мальчик умер», пишет Антист. – прим. пер.), много благодаря Бога, хотя первый, кого он крестил в Америке, упорхнул на небеса. Бл. Бертран рассказывал об этом несколько раз, когда заходила речь о чудесных действиях Промысла Божия.

[89] Необычайный образ жизни принес бл. Бертрану славу святости и глубокое уважение у этого народа, и придал Бог его словам такой мощи, что в течение трёх лет он обратил и собственноручно крестил более тысячи пятисот человек, которые по его совету прилюдно подожгли соломенные капища, в которых почитались их идолы, а в розыске других мест, где хранились укрытые идолы, слуге Божию помогали дети, которые, привлечённые его ласковостью, указывали ему их. Однажды ночью он со спутником сжёг два таких идольских капища, которые так и не удалось восстановить. Это привело индейцев в такую ярость, что они приложили все усилия, чтобы отыскать поджигателя. Подобное бл. Бертран делал при малейшей возможности, дабы после обращения у них не было соблазна вернуться к идолопоклонству.

Однако почтение индейцев к нему было велико. Так, однажды, когда они толпой вывалились из кабака и в великой ярости кинулись на наместника, намереваясь его умертвить, тот, вырвавшись из их рук, скрылся в церкви, где находился бл. Берtrand, который, невзирая на опасность, вышел навстречу индейцам, которых насчитывалось более двухсот человек, и один своим присутствием и внушающим благоговением словом удержал их и успокоил бунт, а наместник избежал смерти.

[90] В одной проповеди бл. Бертран резко упрекнул некоего индейца, человека высокого положения в Тубаре, который, согласно местному обычаю, был вождём мирного времени.

Оставаясь идолопоклонником, он посещал проповеди и уроки вероучения, но при этом, хоть и был женат, состоял в непристойной связи с индианкой, которая была замужем за другим, что и законам природы противно, и обычаями индейцев запрещается. Это было общественно значимое преступление, и поскольку брак у них считался нерушимым, все скорбели, обижались и негодовали, а так как он был у них князем, грех его бросался в глаза ещё явственнее.

Вот почему блаженный резко порицал его и, учитывая его пагубный пример, даже в публичных проповедях говорил, что хотя он и не христианин, но отнюдь не свободен от законов природы, которые не позволяют прелюбодеяние и прямо запрещают присваивать чужую жену.

[91] Прелюбодей же, страшно возмущённый этими [обличениями], не дождавшись окончания проповеди, в пылу ярости вскочил на ноги и, схватив боевое оружие, сделанное из пальмового дерева и называемое на местном языке «макана» (наподобие меча. – прим. пер.), метнул его обеими руками в слугу Божия, который проповедовал, стоя выпрямившись в дверях церкви. Нечестивый метил в голову, но макана угодила у ног блаженного в пол с такой силой (ибо индеец тот очень силен), что конец её глубоко вонзился в землю, а блаженный остался совершенно невредим и без малейшей царапины, что было сочтено замечательным чудом. Слуга же Божий, ничуть не утращённый столь невиданным злодеянием, кратко помолвившись, с обычным своим умиротворением служил мессу, будто вовсе не подвергался непосредственной угрозе убийства.

Обращая этих язычников, бл. Бертран много претерпел не только от людей, но и от бесов, которые свирепо на него нападали. Например, когда он обратил и крестил перед смертью одного старого вождя, бесы ужасно мучили как его, так и самого индейца; и когда тот при приходе блаженного пожаловался на большие неприятности, которые творили эти злые духи, Людовик поставил у него в комнате крест из тростин, и они больше не осмеливались досаждать умирающему; мало того, даже не вступали в помещение, где находился этот индеец.

[92] Пребывая в Тубара, бл. Бертран узнал из божественного откровения, что некий друг его из королевства Валенсия, по имени Хайме Рафаэль Франсес, во время морского путешествия потерпит кораблекрушение напротив американской Картахены. Посему слуга Божий, приготовив одежду и пищу, вышел на берег, где и нашёл его, больше похожего на мёртвого, чем на живого. Ибо, когда корабль опрокинулся напротив берега, он, вверившись Царице розария, плыл день и две ночи – и спасся. Это было двойное чудо. Во-первых, он не утонул, не погиб от голода

и жажды, его не сожрали морские чудовища, которыми кишит это море. Во-вторых, если бы не еда, которую ему своевременно доставил блаженный, он непременно умер бы, совершенно обессилев от перенесённого труда и страха.

О случившемся Хайме поставил в известность своего собрата Хуана Роблеса, ректора в валенсийской Энгере, поведав также о помощи, оказанной ему Бертраном, кому, как он считал, был обязан жизнью. Когда же тот ректор попытался отблагодарить блаженного за оказанные собрату милости, тот попросил его молчать о нём, но о самом чуде позволил рассказывать, дабы заступничество Царицы розария не кануло в лету.

[93] Однажды индейцы, случайно зайдя в лачугу, где обитал бл. Бертран, увидели, как он возносится над землёю в экстазе, что повергло их в изумление. Это наряду с другими знаниями, которые они постоянно от него видали, внушило им такое к нему благоговение, что всякий раз, когда ему приходил от начальства приказ отправляться в другое место, всячески старались помешать ему покинуть Тубара. Когда же он всё-таки ушел оттуда, они горько плакали. У них сохранились о нём столь дорогие и благоговейные воспоминания, что они призывали его в молитвах; и наверняка именно по его заступничеству народ этот добросовестно продолжал исполнять заповеди Христовы. К тому же они остались так нежно привязаны к нему, что превратили его убогонькую хижину в часовню (*eremitorium*), в которой не только индейцы, но и испанцы, священники и монахи просили у него помощи свыше.

ГЛАВА XIV. О ЕГО ДЕЯНИЯХ В ЧИПАКОА

[94] Когда бл. Бертран был прислан проповедовать святую веру в Чипакоа и Палуато, префект Франсиско Санчес, будучи главой этой области, хотел было дать ему в услужение молодых индейцев и индианок (что он обычно делал для других проповедников слова Божия), но отец не пожелал, оправдавшись тем, что он убогий монах, у которого, в отличие от мирянина, нет семейства, которое нужно содержать; и позволил только двум молодым индейцам приходить, проверяя, не нужно ли чего. Они-то и приметили (и рассказали потом), что он часто бичует себя, особенно в те дни, когда воздерживался от мяса, из-за чего бывает бледен и слабее обычного.

Он неизменно отказывался от пожертвований, что ему предлагали за мессы; и хотя он служил их в интенциях просивших о том, однако милостыни просил отдавать нищим. Точно так же он ничего не хотел принимать за крещение, венчание, панихиды и мессы по умершим, не позволяя прихожанам приносить ни кур, ни яиц, ни каких-либо других подарков. Поэтому местный народ, видя, что он совершенно не ищет собственной выгоды, единодушно называл его Божьим монахом.

[95] Префект Санчес знал, что добрый отец влачил совершенно нищенское существование и, не желая держать дома прислужниц, сам утруждался хозяйственными хлопотами. Поэтому уговорил его в дальнейшем столоваться в резиденции префекта и, пока был дома, приглашал его к себе за стол, а перед отъездами приказывал своевременно подавать ему пищу. Однако добрый отец, если ему не давали, не просил поесть; да и вообще пища была крайне скудна: он пил немного воды, слегка разбавленной вином, так что всем, кто это замечал, казалось, что выживает он каким-то чудом.

Жители Чипакоа и Палуато стали охотно посещать церковь чаще обычного: не только по воскресеньям и праздникам, но и в будние дни они усердно стекались на мессы, занятия катехизисом и проповеди, горячо желая послушать его.

[96] Когда в один год случилась такая засуха, что опасались большого неурожая, языческий владыка Чипакоа вместе со многими другими индейцами, неверными и христианами, в канун праздника св. мч. Екатерины Александрийской обратился к бл. Бертрану со смиренной просьбой помолиться Богу о ниспослании живительных дождей, дабы не погибнуть им от голода. «Уповайте, – ответил блаженный, – на Бога и на святую, чей праздник мы будем завтра справлять, ибо велика она пред Богом, а мы будем молиться, чтобы предстательствовала она за нас в сей нужде. Итак, расчистите дорогу отсюда к горе пред морем и сложите там из ветвей храминку, а в ней возведите алтарь, куда завтра мы с помощью Божией проследуем молитвенным ходом, и я отслужу там мессу».

И получилось так, что сошлось туда около тысячи человек. После мессы блаженный произнес слово, в котором растолковал, в какой обман их вводят бесы, а затем поведал о чудесных деяниях сей великой святой и увещевал их к твёрдому упованию на то, что Бог ниспошлёт обильный дождь». Так и случилось, ибо через несколько часов небо начало темнеть: его постепенно покрывали густые тучи. Итак, все направились обратно по домам, но не прошли и до середины дороги, как увидели, что близится дождь. Едва же они добрались до деревни, как полил сильный дождь; и шёл он три дня как там, так и в окрестных местах. Таким образом засохшие поля своевременно оросились, отчего всходы были так обильны, что принесли богатейший урожай.

[97] Когда бл. Бертран однажды вознамерился пересечь Съенага-де-Мансанильо верхом, префект Санчес удерживал его, поскольку ему показалось, что река слишком сильно вздулась; а чтобы убедиться, сам въехал в поток верхом на лошади, которую с обеих сторон вели под уздцы двое нагих негров. Не успел он далеко продвинуться, как лошадь стала тонуть, а сам он вплавь добрался до берега, где, срываясь на громкий крик, стал убеждать блаженного не подвергать себя такой опасности, обещая, что добудет ему лодку, но Людовик перешёл в другое место, осенил реку крестным знаменем и благополучно добрался до другого берега.

Когда он однажды по дороге заехал в глухое место под названием Икасос, префект Санчес и брат Иаков Скиаверия, спутники блаженного, выказали желание поесть. Поскольку же надвигался сильный дождь, блаженный начал молиться. Он несколько задержался, и когда его позвали, чтобы перекусить вместе, он ответил: «Я молюсь Царице розария, чтобы она отвела от нас этот дождь, ведь у меня нет, чем покрыться». И он был услышан, ибо там, где они находились, не упало ни капли, а кругом пролился обильный дождь, очевидные последствия которого можно было видеть, когда они продолжали свой путь.

ГЛАВА XV. О ЕГО ДЕЯНИЯХ В САПЕНКОА И ПЕТОА

[98] Проповедовав индейцам у подножия горы св. Марты, бл. Бертран более пятнадцати тысяч из них привёл к христианской вере и омыл в купели святого крещения. После этого он отправился к двум карибским племенам, называемым сапенко и петуа (sic). Они поклонялись костям некоего жреца, чтимого в тех краях с

древнейших времён, и по наущению дьявола веровали, что небо упадет на их головы, если этих костей лишатся, а по этой причине хранили их и почитали диковинными праздниками, справляя перед ними смехотворные обряды. Бл. Бертран много раз пытался избавить этих слепцов от их заблуждения, но тщетно: к его скорби они плачевным образом оставались в бесовском прельщении. Однако, когда Богу оказалось угодно, он тайком унёс ларчик, в котором хранились кости, проведая о чём, индейцы решили убить его, но те, кто уже обратился в веру, уберегли его и благополучно переправили в другое место, в четырех лигах оттуда, куда он унес с собой оные кости.

[99] Прельщённые бесами индейцы, видя, что обращённые, которых было много и которые очень любили отца, не дадут его на виду у всех предать смерти, сговорились с неким нечестивым старым жрецом идольским, что он подсунет отцу яд. Преступник так и сделал, и вскоре слугу Божию охватила смертельная горячка, которая жгла желудок ему и всё нутро. При нём были двое негров, которых он привёл к христианской вере и которые ухаживали за ним во время тех мучений, кои он переносил весело, с радостью ожидая смерти. Только то огорчало его (рассказывал отец), что не было пресвитера, чтобы уделить ему таинств, однако он утешался, взирая на распятие, которое носил на своих четках, и в слезах вверял свою душу Богу.

Пока он страдал так, внезапно явились пятеро туземных вождей с отрядами и забрали ларец с костями.

На пятый день после отравления блаженный чудесным образом изbleвал змеиное зелье и в итоге полностью исцелился.

[100] Позднее, рассказывая об этом чуде своим лучшим друзьям, а в особенности магистру Наталью, настоятелю в Торренте, бл. Бертран признавался, что предпочёл бы любую боль, чем то помутнение ума, в котором он находился, когда забирали кости (ибо от тяжкого недуга он лишился сознания), и заверил, что, если бы здоровье позволило, он скорее тысячу раз отдал жизнь, чем допустил, чтобы их у него отняли. Также он посетовал на отравителя, не сумевшего его умертвить, добавив: «О блаженная смерть, которая дала бы мне надежду на пальму мученичества! И блажен был тот отец-кармелит, что, будучи отравлен тем же жрецом, в течение нескольких часов достиг сего величественного удела!»

Индейцы, уразумев, что блаженный смог оправиться от своего недуга, собрались толпою в более чем триста человек, вооруженные дротиками, чтобы убить его. Тогда один из вышеупомянутых негров, в большей мере наделённый любовью и мужеством, нежели осторожностью, зарядил мушкет, рассчитывая таким образом защитить Людовика, но блаженный велел ему воздержаться от этой затеи.

[101] После этого некий старейшина, занимавший у них высокое положение, обращённый слугою Божиим, заступился за него и избавил его от этой опасности. Тогда блаженный, выйдя вперёд и призвав предводителей их, заговорил с ними со свойственным ему пылом духовным, объясняя, что скорбит об их гибели, и увещая осознать гнусный обман дьявола; ведь ни небо на них не обрушилось, хотя они и лишились тех костей, и не пострадали они ни от каких других бед, каковыми им грозили.

[«Но когда он уразумел, что они слишком упрямы и грубы, чтобы обратиться, и рассудил, что Бог никого не принуждает к вере силой, позволил им забрать эти кости и оставить их при своём бесе.

Эти несчастные так обрадовались, что хотели дать ему множество кур и квезалов (ravones), как бы в выкуп за того идола, а когда он отказался принять, то едва не убили. И он был бы убит, если бы некий касик, то есть один из индейских вельмож, обращённый им прежде, не избавил его от их рук; и в итоге вышеупомянутые два мавра вместе с другими миролюбивыми индейцами после ухода идолопоклонников подняли его, спасая от опасности, на своих плечи и отнесли за пятнадцать миль оттуда, а затем переправили на лодке в место, где жил префект той области Педро де Саласар, принявший его в своем доме. Там блаженный много месяцев проболел лихорадкой.

Эти и многие другие беды были предсказаны ему одним совершенно убогоньким простачком, весьма преданным молитве и ведшим святую жизнь, который за сколько-то лет перед отъездом отца в Америку, увидев его в день св. Иоанна Крестителя в клуатре обители, подбежал к нему и молвил слова, мало чем отличающиеся от того, что Агав сказал святому Павлу: «Дух сказал мне, что отец брат Людовик претерпит великие бедствия и в великой будет опасности, но Сам Бог избавит от всего этого» (ср. Деян. 21:10-11). О сем святом муже отец Бертран много поведал, но здесь это совсем неуместно пересказывать.

Во время проповедей в Валенсии отец брат Людовик часто упоминал, что когда он разрешил унести эти кости, жрец, который пришёл получить их, страшно затрепетал перед ними и, сложив руки на груди, пал на колени. Отец спросил его, знает ли он противоядие от отравы, но несчастного охватил такой лютейший суеверный ужас перед этими костями, что не смел ни ответить, ни слова пробормотать. И молвил добрый Отец, что тогда ему пришло в голову, с каким же благоговением мы должны вести себя перед Святейшим Таинством, коль даже этот несчастный идолослужитель так трепетал перед бесом.

Я использую такое именование не только потому, что Давид говорит в Псалме: «Все боги язычников – бесы» (Пс. 95:5, – пер. П. Юнгера), но и потому, что в некоторых областях сами индейцы своих идолов, которых мнят богами, обычно называют бесами; и в то время как они хотят сказать, что собираются попросить что-нибудь у своего домашнего идола, молвят, что будут просить этого у чёрта.

Кроме того, они молвят, что служат этим идолам не из любви, а из страха. А также учат тому заблуждению, что, как истинный Бог на небесах всем делает добро, а никому зла, так их черти вредят им как только могут, и никому не помогают, а поэтому они приносят им жертвы – чтобы не понести жестокого наказания». – Антист*]

Благодаря этим увещаниям и очевидной правде, что яд, силу которого они превосходно знали по опыту, не подействовал на него, они так смягчились сердцем, что, раскаявшись в своих нечестивых деяниях, пали все вместе ниц пред блаженным и клятвенно обещали изгладить свою вину. Блаженный же, присовокупив сообразные наставления, большую часть из них привёл к вере Христовой и омыл в купели святой.

* Antist, op. cit., p. 321

[102] В другой раз блаженный спросил некоего старейшину, почему он перестал ходить на проповеди, а тот ответил, что домашний бес угрожает убить его вместе с женой и детьми, если он продолжит ходить на них. Тогда молвил блаженный: «А пойдём убедимся, что ничего-то он и не может!» - и, подойдя к идолу, поставил на него ногу, и не подал тот никакого знака, и не шевельнулся. Блаженный много раз повторял такой опыт. Тем же образом он обратил и того старейшину, который, как мы описывали выше, спас ему жизнь.

[103] Однажды к блаженному вдруг явилось более тысячи пятисот индейцев из той местности, где прежде ему удалось обратить лишь двоих, и настоятельно просили наставления в христианской вере. На вопрос о причине ответили, что во время некоего праздника, на котором присутствовали двое упомянутых крещёных индейцев, призывали по своему обычаю беса, а он явился в ужасающем облике и сказал: «Зачем вы призываете меня, коль тут среди вас двое христиан? Уберите их отсюда!» Тем временем рядом с бесом появился человек, одетый по-христиански, который сказал, что его послал Бертран, чтобы объяснить им, как бес их обманывает. После непродолжительного спора между ними побеждённый бес изнемог, и оба исчезли из виду. Вот, мол, поэтому они и пришли, чтобы стать христианами. Итак, осчастливленный бл. Бертран, предварительно преподав им наставление, крестил их.

[104] Блаженный крестил ветхого летами и больного индейца и находился при нём, готовя к благой смерти, но едва отлучился ненадолго, чтобы зайти домой, как как по возвращении застал при умирающем другого индейца, который пытался отвратить его от веры. Блаженный выгнал его, а больной, успокоившись, почил в святой вере христианской.

Много потрудился бл. Бертран над обращением индейского жреца, мужа весьма рассудительного, полагая, что приход его ко Христу поможет обращению многих других. Он просил содействия Божия, в течение двух лет жертвуя во имя этого свои телесные муки, а в конце этого срока, когда менее всего ожидал, индеец, слегши от тяжёлой болезни, попросил позвать его. Когда Людовик спросил индейца, чего он хочет, то ответил, что верует во Всемогущего Бога, Который послал Своего Сына в мир, дабы научить людей пути на небеса, и что Он умер на кресте, дабы избавить их от греха и власти диавола – а поэтому, мол, он хочет стать христианином. Блаженный, признав, что жрец хорошо наставлен в вере, крестил его, после чего тот задрожал, а на вопрос о причине молвил, что бесы в облике диких зверей грозятся растерзать его, потому что при жизни они чрезвычайно прославили его и поставили выше всех прочих подобных ему жрецов, а он их в конце жизни своей покинул. Выслушав это, святой отец сделал крест из тростин и, положив его на ложе, удалился. Потом, когда он вернулся, индеец поведал, что бес завывал у дверей, но больше ни разу не осмеливался войти.

[105] Обратил он ещё одного из первенствующих мужей, который, заболев, попросил у блаженного крещения. Но пока он крепил снаружи на его хижине крест, индеец сказал, что в этом нет никакой нужды. Слова эти поразили блаженного, ибо он испугался, что индеец передумал. Однако, взяв крест в руки, направился к нему,

собираясь убедить его стойко держаться святой веры. Индеец же, указав рукою в какой-то угол, молвил, что там ему явился крест и именно поэтому он говорил, что нет нужды ставить другой. Затем он снова попросил о крещении, и блаженный уделил ему оное.

ГЛАВА XVI. О ДЕЯНИЯХ В ТЕНЕРИФЕ

[106] Бл. Бертран также служил викарием и приходским священником в округе Тенерифе (здесь – городок на территории совр. Колумбии. – прим. пер.), где со своим обычным усердием подвижнически пытался обратить туземцев ко Христу и, когда представлялась возможность проповедовать, добивался у них необычайного успеха в изъяснении веры в Распятого.

В ту пору жила там Исабель Мехиа, жена Хуана Берналя, местного префекта. Она имела обыкновение омывать душевные раны у блаженного и прибегать к его помощи в затруднениях, и когда желала ему исповедаться, являлась заблаговременно, чтобы сначала поучаствовать в мессе, которую он служил. Всегда же, когда она приходила с таким намерением, блаженный после мессы сам, незвано, спрашивал, чего она хочет. Благодаря этому она заметила, что он обладает пророческим духом; и поэтому, желая узнать, каков будет конец её мужа, отчаянного пристрастившегося к игре, она пожаловалась слуге Божию, что из-за этого она чувствует себя самой обездоленной и несчастной женщиной в целом мире. Людовик мягко ответствовал, что не стоит это считать настоящей бедой, но случится с нею нечто иное, куда страшнее. И она действительно чрезвычайно тяжело страдала, а среди прочего её отравили, но, прияв в связи с эти таинство намащения святым елеем, она не умерла.

[107] Та же дама, проживая много месяцев в Картагене, во время беременности попросила блаженного сказать ей, благополучно ли родит она, и если да, то мужского или женского пола будет дитя. Улыбнувшись, он ответил, что первым родившимся на земле был мужчина, намекая, что будет мальчик. И он же этого мальчик крестил.

Спустя несколько месяцев у той дамы возник новый вопрос: что с этим мальчиком будет. На что она получила ответ, что проживёт он недолго, что и случилось, ибо в короткий срок Бог призвал его к Себе.

У той же дамы была в Тенерифе служанка по имени Херонима, которая сопровождала свою госпожу в церковь. Блаженный всякий раз осенял ей лоб крестным знаменем, что дама внимательно примечала. Случилось так, что блаженный уехал исповедовать кого-то и отсутствовал два дня, а служанка тем временем заболела и умерла. Через несколько дней, когда Людовик вернулся, дама рассказала ему о смерти своей служанки. На что он молвил: «А для чего, как тебе кажется, я крестил ей лоб, как не потому, что видел приближение и смерти её, и спасения вечного?»

[110] В то время, как бл. Бертран [духовно] возделывал эту землю, жил он в хижине возле церкви и имел обыкновение обедать в доме одного знатного человека, своего близкого друга. А когда блаженный проезжал в тех краях перед возвращением в Испанию, друг этот принимал его у себя дома, пока шли приготовления провизии и

всего необходимого для морского путешествия. Когда на второй день после его прибытия из Картахены пришли известия, что отплытие корабля назначено через восемь дней, три из которых уже истекли, этот благородный человек сказал своему гостю: «Отец брат Людовик, всё готово, отправляйтесь в Картахену, пока корабль не пустился в море!» На что тот ответил: «Господь Бог, даровавший мне возможность вернуться в Испанию, не позволит кораблю уйти без меня. Я сообщу тебе день моего отъезда» – и сказав это, он остался там.

[109] Через пятнадцать дней родила жена того кабальеро, который приютил блаженного, и он крестил новорождённого, а покидая дом, приказал не оставлять роженицу одну. Однако беззаботные бабки, заметив, что она спит, отошли, пренебрегши увещанием не бросать её. Женщина же проснулась в испуге от сильного шума, поднятого в её комнате змеей толщиной с человеческое бедро – одной из крупнейших, каких только можно встретить в этих краях. Потрясённая столь ужасающим зрелищем, она нагишом вскочила с постели и, выбежав с громким воплем, забегала взад и вперед по всему дому, пока не оказалась в патио. Как раз в то время с моря дул холодный ветер, и она до смерти промёрзла. Тогда-то наконец вспомнили бабки, как блаженный увещевал их не оставлять её одну. Женщину же, больше похожую на мёртвую, чем на живую, уложили в другую постель, а через четыре часа она испустила дух.

[110] На следующий день её труп предали земле, а блаженный отслужил мессу за упокой её души и проповедовал народу, а по окончании всех похоронных обрядов возвратился вместе с овдовевшим гостеприимцем своим к нему домой, где за трапезой молвил ему: «Господь Бог задержал меня здесь, чтобы я расплатился с Вашей милостью за провизию, приготовленную для меня, что я и сделал. Ибо я принял исповедь у сеньоры, присутствовал при её смерти, я бодрствовал над её телом в ту ночь, отслужил для нее мессу, сказал о ней в проповеди доброе слово и крестил ребенка: иной монеты, чтобы расплатиться за оказанные услуги, у меня нет. Что ещё мне пришло на ум, так это то, что должен я посоветовать Вашей милости ни в коем случае не пускать в свой дом некую женщину, которая придёт к вам через несколько дней, а то вы с нею оскорбите Бога, за что она вскоре заплатит своей смертью».

Все именно так и случилось. Ибо явилась та женщина, и он принял её, и согрешил с нею (ещё хуже было то, она приходилась ему кумою), и просил церковного разрешения жениться на ней, но прежде чем разрешение было предоставлено, Бог за оскорбление покарал ту женщину смертью – ещё до конца того года, когда блаженный высказал своё предупреждение.

ГЛАВА XVII. О ДЕЯНИЯХ В МОМПОСЕ

[111] А почтение жителей Тенерифе к бл. Бертрану было и остается так велико, что, например, заместитель губернатора Луис Васкес де Гевара, не сумев раздобыть ничего из его вещей, распорядился, чтобы ему принесли книгу крещений, в которой было много записей, выполненных собственной рукою блаженного.

Воспользовавшись случаем, он даже вырвал из неё несколько листов и хранил их как священные реликвии, причём ни за что не хотел отдавать их, пока не был вынужден

под угрозой отлучения. Они и по сей день с согласия капитула хранятся в ризнице, окружённые великим благоговением.

Блаженный также проповедовал в Момпосе, где свои слова подкреплял свойственной себе святостью жития, благодаря коей творил дела дивные. Там он стяжал себе такую славу, что звали его не иначе, кроме как святым.

[112] Капитан Бернар де Бентакур, послушав, как слуга Божий проповедовал в Лазареву пятницу (прежде – четвёртая пятница Великого поста. – прим. пер.), пришёл к нему во втором часу ночи (около восьми вечера. – прим. пер.), чтобы договориться об исповеди на утро; и, приоткрыв дверь келлии, увидел он в ней яркий свет, словно бы от множества свечей, и бл. Бертрана, склонившего колени перед своим алтариком; а сверх того – двоих почтенных и величественного облика мужей в одеяниях, блиставших подобно солнцу; а когда захотел присмотреться к этому видению, не смог двинуться ни вперёд, ни назад и вострепетал в изумлении. Однако, пытаясь пошевелиться, он немного толкнул дверь, и бл. Берtrand, обернувшись на шум, поднялся и пошёл посмотреть, кто здесь, и узнать, что нужно. А капитан, весь дрожа и сам не свой, в смятении не знал, что ответить, и, если бы блаженный не помог ему, не нашёл бы выхода из дому. Увиденные им святые показали ему свв. Амвросием и Фомою Аквинским, а на вопрос, почему он считает, что это были именно они, ответил, что они были похожи на свои живописные изображения, которые он часто видел, и что в течение двадцати лет только укрепился в этом мнении.

[113] Тот же капитан видел, как бл. Бертран во время мессы замер в экстазе после освящения Св. Даров, и решив, что поступит правильно, попытался привести его в чувство, дёрнув за казулу.

Некоему сорокалетнему человеку из Эспелеты, что недалеко от Момпоса, он предрёк дожить до пятидесяти лет, но не сверх того, и действительно случилось так, что на пятидесятом году жизни он заболел и умер.

В месте, называемом Турбако, он обратил одного юношу и при крещении назвал Луисом (Людовиком). Воспитанный блаженным в благочестии, он прислуживал ему на мессе. Однако диаволу это было очень обидно, и когда индейцы молились ему об урожае маиса (заменяющего им пшеницу), ответил через идола, что никогда не подаст его, если они не принесут в жертву Луиса. По этой причине, дождавшись отлучки блаженного, они похитили юношу и предали его закланию. По возвращении же слуги Божия они в ответ на вопрос о Луисе пытались убедить его, что юношу сожрали кайманы – животные, подобные крокодилам, которые часто пожирают заходящих в реки путешественников. Но блаженный, хорошо знавший злобство бесовское, с одной стороны, весьма опечалился, а с другой, возрадовался небесной награде, которую обрела сия душа безвинная.

[114] Когда он проповедовал на острове Св. Фомы (в архипелага Виргинские о-ва. – прим. пер.) под тенью платана, присутствовало там среди великого стечения индейцев и множество нечестивых, которые, вооружившись камнями, хотел забить его насмерть. Когда его об этом предупредил один священнослужитель, находившийся с ним, и стал уговаривать его воздержаться от проповеди, блаженный ответил: «Не бойся, ибо у них не хватит сил не только на то, чтобы забросать меня

камнями, но и на причинение мне самомалейшего вреда». Поэтому он продолжил проповедовать, и такую силу имели слова его, что язычники не только не причинили ему вреда, но по окончании речи более двухсот человек искренне последовали за ним, обратились и крестились от него.

[115] На другой остров, называемый Мысом Св. Викентия, он прибыл со множеством крещёных индейцев и иных людей, и там во время проповеди к огромной толпе на просторной равнине явился один из предводителей – в сергах да в длинной красной рубахе, оставлявшей обнажёнными голени и ступни. По окончании речи блаженного он подошёл к нему и спросил у него, что он такое проповедовал о Кресте, и вообще, что такое Крест – вот бы увидеть его. Блаженный, чтобы дать ему правильное представление о кресте, прижался спиной к толстому стволу одного из деревьев, осенявших это место, и раскинул руки наподобие распятия; а когда отошёл, на стволе остался отпечатанный образ Пресвятого Креста, каковое чудо весь народ, охваченный великим изумлением, встретил громкими возгласами. А вышеупомянутый знатный муж тотчас возвратился к себе домой, откуда немного позже возвратился в то место, где находился блаженный, и, пав на колени, поскорее схватил его за руку, отвёл в свой дом, где слуга Божий со своим спутником Херонимо Фернандесом провёл девять дней, и в это время он, преподав основательное наставление в вере, крестил того мужа вместе со многими из его родни и прочими [соседями]. Перед уходом Людовик, как он обычно делал и в других местах, записал и оставил предводителю положения святой веры, заповеди Декалога и, помимо того, наиболее необходимые молитвы.

ГЛАВА XVIII. О ЧУДЕСАХ, СОТВОРЁННЫХ БОГОМ В АМЕРИКЕ ПО ЕГО ЗАСТУПНИЧЕСТВУ

[116] Хотя о многих дивных деяниях, совершённых бл. Бертраном в Америке, мы уже рассказали, тем не менее, эту главу мы особо предназначаем на пересказ записей о чудесах, которые он в тех же краях творил как до, так и после своей кончины.

Христос сказал в последней главе Евангелия от Марка, что Его проповедники именем Его будут изгонять бесов, говорить на разных языках, отпугивать змей, а если примут яд, то останутся невредимы, и, наконец, больные, которых они коснутся своими руками, исцелятся (ср. Мк. 16:17-18). То, что эта благодать была дарована Богом Бертрану как равноапостольному проповеднику, ясно из многих примеров, которые мы уже привели, но ещё очевиднее станет из рассказанного в этой и следующих главах.

Дон Рафаэль Фигероа, проживавший среди индейцев, сообщил о распространённом среди них убеждении, что бл. Бертран для обращения любого из племенных старейшин в веру предлагал, как свидетельство истинности христианской веры и ложности индийских суеверий, осушить чашу с ядом, и выпивал её без вреда для себя. Слуга Божий и сам сообщил об этом отцу бр. Андрею Кабрерисо, добавив, что Бог часто творит такого рода чудеса через великих грешников в познание и во славу святого имени Своего.

[117] Индианка по имени Маринитта, которую крестил бл. Берtrand, обратилась к нему со своим горем: её неверующая сестра уже три дня мучилась неудачными родами и находилась на грани смерти, потому что плод лежал поперечно; и все были

уверены, что она ни за что не родит и не выживет. Блаженный, утешая её, велел на Бога возложить надежду на то, что сестра её благополучно родит. Он дал ей свой пояс, чтобы она препоясала свою сестру, а сам тем временем предался молитве за болящую. В сем поясе она и родила красивого и здорового сына, о чём Маринитта через полчаса поставила в известность бл. Бертрана. Под впечатлением от этого чуда отец и мать ребёнка вместе с дедушкой и бабушкой по отцовской и материнской линии и многие другие их знакомые были омыты бл. Бертраном в священной купели [крещения].

[118] Другая индианка, ещё не крещёная, страдала от таких жутких гнойников, что сквозь раны, почти полностью покрывавшие её шею, виднелись жилы. Пав в ноги блаженному, она сказала: «Всеми силами заклинаю: исцели меня!» Он же, осенив сперва её шею крестным знаменем, закутал ей горло своим платком и сказал: «Ступай с Богом и веруй, что Он по милости Своей исцелит тебя, а завтра возвращайся». На следующий день она вернулась и, когда сняли платок, оказалась, что она здорова, будто никогда не страдала никакой болезнью, и даже ни малейшего следа недуга не осталось. Узрев сие знаменательное чудо, спутник блаженного молвил: «Отче бр. Людовик, это великое чудо!» На что отозвался: «Молчи, дражайший брат, это дело Божие, ибо от меня ничего не бывает хорошего. Причём Божеское величество творит это с той целью, чтобы эти индейцы могли обратиться».

В одном местном порту некая девушка, страдавшая таким же недугом, исцелилась от одного лишь крестного знамения.

[119] Донья Инес де Мендоса, будучи ещё восьми лет от роду, два месяца хворала в гостях у своей бабушки в Тубаре. Старушка пошла к бл. Бертрану и попросила его навестить их и отслужить мессу, что он и исполнил. Закончив, он прочитал над болящей Евангелие и перекрестил её. В тот же день она выздоровела от лихорадки.

Однажды, когда он плыл с четырьмя или пятью другими особами по Рио-Гранде-дела-Магдалена, поднялась такая свирепая буря, что лодка перевернулась, и все оказались в воде, однако, когда блаженный помолился Богу, лодку снова поставили, и все добрались на берег, на который, зацепившись за дерево, благополучно высадились.

Подобным же образом, путешествуя по Америке, он среди различных народов встречал много людей, умирающих от некоей болезни, сходной с катаром; и была она так заразна, что её считали чумой. Ввиду этого он посетил каждую хижину, благословляя болящих; и никто из тех, кому он уделил своё благословение, не умер от этого недуга. Поэтому, если у какого-нибудь индейца заболел знакомый, он молвил тому: «Чего не идёшь к Святому Отцу за исцелением?»

[120] Инок, о котором мы упоминали выше (Андрес Кабрерисо. – прим. пер.), возвратившись из Америки, поведал в валенсийской обители, что, путешествуя по Америке, слышал от многих, как блаженный воскресил из мёртвых молоденькую девушку, дочь индианки, которую прежде крестил. Позднее самого Бертрана часто спрашивали, вернул ли Бог по его молитве мертвую девушку к жизни, а он вроде-как не подтверждал, но и не отрицал; отсюда можно предположить, что это в самом деле случилось, ведь ему было хорошо известно, что ложь в таких вопросах Богу до

крайности негодна. Но ещё больше вероятия этой истории придаёт следующее: когда Людовик тяжело болел, один преданный ему соотечественник спросил его, правда ли он оживил мёртвую девицу в Америке, на что слуга Божий ответил: «Думаешь, это что-то особо важное? Бог действует, как жестянщик, который, намереваясь сделать пилу, из множества подходящих для этой работы пластин, что лежат перед ним, по своему произволению выбирает именно эту, а не другие». Этими словами он по существу сказал: «Не придавай мне больше важности, чем другим, лишь потому, что Бог воспользовался мною для совершения того знамения».

[121] Это ещё подтверждается словами бл. Бертрана, сказанными одному человеку высокого положения, которому он подарил богородичный розарий и велел относиться к нему с великим благоговением, потому что он получил его перед отъездом в Америку от отца бр. Фомы Аренаса, славного проповедника и человека великого духа, которому дал взамен свой; и добавил: «Этот розарий в Америке исцелял больных, обращал грешников, а сверх того, похоже, и мёртвых воскрешал. Я отношусь к нему с великим благоговением». Более того, и сам отец так высоко ценил его, что несколько раз просил прислать, чтобы возложить ее на голову больного. Также и другому набожному человеку он сказал: «Бог даровал мне милость воскрешать сим розарием мёртвых». И даже после его смерти от этих чётков совершались многие чудеса, как сказано главе IX книги III.

[122] После смерти же бл. Бертрана открылось, что Бог по его заступничеству совершил в Америке множество чудес.

В Тубара индеец Мартин Кампаньеро, тяжело заболев летаргией, дошёл до крайности и лишился речи и зрения, а что еще хуже того – не исповедал грехов своих, потому что способность говорить он потерял внезапно. Франциск Лопес Кабрера, приходской священник в Тубара, горя по нём и скорбя, что умирает он, не исповедавшись предварительно, молитвенно вверил его бл. Бертрону как отцу местных индейцев и, взяв вырванную из книги крещений страницу, исписанную рукою блаженного, благоговейно и с великой верой приложил к шее больного. Тот в течение полутора дней совершенно без всякого лечения вновь обрёл речь, исповедался священнику и прожил ещё много лет в здравии.

Тот же Франциск Кабрера свидетельствовал, что его позвали исповедать некую индианку по имени Франсиска, ибо после того, как она несколько дней промучилась схватками и не смогла родить, не оставалось сомнений, что она умрёт родами. А выслушав её исповедь, он велел приложить к ней ту же бумагу, исписанную блаженным; и вот менее чем за пять часов она родила и осталась цела-невредима.

[123] Отец-магистр бр. Августин д'Авила Падилья, выдающийся проповедник Доминиканского Ордена Мексики, а впоследствии архиепископ острова Св. Доминика (совр. о. Гаити. – прим. пер.), проживая в доминиканском коллегииуме Св. Людовика в местечке под названием Пуэбла (совр. г. Пуэбла-де-Сарагоса. – прим. пер.) в Америке ближе к Мексике, страдал тяжелой болезнью, связанной с истечениями из языка. Услышав о чудесах бл. Бертрана, он раздобыл кусочек нитки от его одеяния, вложил себе в уста, проглотил – и исцелился.

ГЛАВА XIX. КАК БЛ. БЕРТРАН ВОЗВРАТИЛСЯ В ИСПАНИЮ

[124] Проведя семь лет в Америке, бл. Бертран задумался о возвращении в Испанию, потому что ему тяжело было выносить жестокость некоторых префектов, которые не только несправедливо убивали индейцев по ничтожным причинам, но и препятствовали священным проповедям. Бывало какие-то из префектов во время проповеди слуги Божия прерывали его речь и нечестивой руганью, а то и ударами палок выгоняли слушателей из церкви. Поскольку же тот бедный народ был безоружен и даже совсем наг (ведь в той провинции есть места, где совсем не носят одежды), люди тотчас же высыпали из церкви, оставив блаженного на кафедре.

Однако прежде всего они (испанские наместники. – прим. пер.) старались заставить его вернуть грамоту, полученную им от магистра бр. Варфоломея де лас Касас (1484-1566 гг., миссионер, автор «Истории Индий», способствовал принятию законов и мер против жестокого обращения с индейцами. – прим. пер.), который не только совершил несколько поездок из Испании в Америку и из Америки в Испанию, будучи ещё обычным клириком, но также и позднее, уже приняв хабит св. Доминика, немногим менее пятидесяти лет, пока носил его, был неизменным покровителем индейцев и для того, чтобы полнее посвятить себя этому труду, отказался от епископства в Чьяпасе и вернулся в Испанию, где так усердно хлопотал за индейцев перед многими, что добился для них великих милостей от короля Филиппа II, равно как и от славной памяти императора Карла V.

[125] И хотя некоторые историки, льстящие злодеям, пеняют ему за то, что, когда он был клириком, добрые его побуждения порой приводили к противоположным итогам, а когда уже стал иноком, проявлял чрезвычайную ревность в защите индейцев от несправедливого обращения, тем не менее, он, всегда имея перед очами честь Божью, «вовремя и не вовремя» (Тим. 4:2) выступал против некоторых с обвинением в насилии и ходатайствовал за индейцев перед всеми, кто по закону природы и в силу полномочий от короля мог им помочь.

Ну а суть грамоты, которую этот епископ дал бл. Бертрану, заключалась в том, чтобы он усердно работал над обращением индейцев и действовал благоразумно, выслушивая исповеди и отпуская грехи военачальников и префектов (т.е. чтобы не допускал до причастия провинившихся. – прим. пер.), которые, не довольствуясь пожалованными полномочиями, тиранически обращались с туземцами вопреки ясно выраженной воле короля. Вот почему Бертран, хоть и придавал этой грамоте огромное значения, горячо желал вернуться в Испанию, чтобы избавиться от сомнений, которые его из-за этого мучили.

Итак, слуга Божий написал своим братьям в Испании и поделился с ними своими мыслями. Они же из желания снова увидеть столь доброго брата, немедленно написали досточтимейшему отцу-генералу ордена, который в то время проживал в Испании (а был то отец-магистр бр. Викентий Хустиниано, которого папа Пий V возвёл в звание кардинала), и после долгих назойливых просьб он разными путями переслал ему три разрешения на возвращения.

[126] Тем временем случилось так, что дошла молва о чудесах бл. Бертрана до провинциала области Сан-Антонино, что в Новом королевстве Гранада, и предложил избрать бл. Бертрана приором обители в Санта-Фе (ныне Богота. – прим. пер.), столице этой провинции, заявив, что не подобает мужу такой добродетели и

святости обитать по убогим углам, но достоин он жить в Санта-Фе, где находится архиепископская кафедра и королевское представительство.

Итак, избиратели единогласно проголосовали за слугу Божия, и сие решение вкупе со своим подтверждением и приказанием (на случай, если Людовик не примет избрания), провинциал с неким братом передал обители в Картахене, где приор вызвал бл. Бертрана выслушать письмо о подтверждении его избрания на приорство, а также строгий приказ архиерея. Блаженный глубоко опечалился, ибо всегда был против почестей и, сколь было возможно, отказывался от них, чтобы избежать суетной славы, повод к которой могли дать церковные чины, и слухов о его святости, расходившихся по всей области и, возможно, почти так же распространившихся в городе Санта-Фе. Итак, сие весьма удручало его.

[127] Принуждённый, однако, послушанием, он смиренно принял эту должность и приготовился к путешествию на место служения. Но перед отъездом заявил, что хоть и отправится в Санта-Фе, однако не доедет туда и не вступит в должность, потому что Бог постановил иначе. Блаженный выехал из Картахены в Тенерифе и добрался до Барранки, порта на Рио-Гранде-де-ла-Магдалена, где он сел на судно, которое загрузили несколько купцов и отправляли с шестью другими судами. Плавание по этой реке обычно занимает от двадцати четырех до двадцати шести дней, если не заходить в порт Марикита, но судно, на котором плыл блаженный, даже за тридцать дней не осилило и половины пути, который другие с лёгкостью преодолели. Когда индейские матросы возроптали на своего капитана за то, что он не попытался угнаться за остальными, тот стал оправдываться, что в судно проникло изрядно воды: это, мол, и мешало быстрому ходу и даже не исключало опасности утонуть.

[128] Через пятнадцать дней к этому судну подошло другое, на котором плыл близкий друг бл. Бертрана, везший ему приказ досточтимейшего генерала вернуться в Испанию, причём это судно всего за один день догнало то, в котором был слуга Божий. Посланник издали спросил, не там ли отец Бертран, приор Санта-Фе, а когда получил ответ «да», суда сблизилась. Получив письмо из Испании, блаженный возблагодарил Бога, и его судно поплыло с той же скоростью, что и другое. Затем они прибыли в порт Ангостура, который находится в устье реки; там блаженный остановился и написал провинциалу и братьям в Санта-Фе, извещая их о приказе, полученном от генерала, приложив копию этого приказа и отказ от должности приора. Затем через три дня он прибыл в Тенерифе, где, как я уже рассказывал выше, остановился у благородного кабальеро, своего друга, а оттуда, получив от него провиант, за три дня добрался до Картахены, где нашел готовый к отправке корабль, который, казалось, только его и ждал, поскольку едва он взошёл на него, как он на всех парусах отплыл в Старый свет.

[129] Во время пути поднялась ужасная буря; паруса разорвалась в разных местах, сломались реи, и руль держался на честном слове. Весь корабль метало в разные стороны по воле волн, которые со страшным грохотом, вздыбившись, точно высочайшие горы, то подбрасывали судно в небеса, то, являя подобия глубочайших долин, повергали его в бездну. По этой причине бл. Бертран, расположившись в той части корабля, куда больше всего били волны, непрерывно осенял их крестным знаменем; и они, словно бы признавая силу святейшего знаменья, при

приближении к судну смягчались. Однако же, убоившись суетной славы, бл. Бертран, перешёл в другую часть, а корабль предоставил волнам. Но как только он удалился оттуда, море взволновалось, и корабль оказался в большей опасности, чем прежде. Матросы тотчас же сбежались к блаженному и всеми силами молили его вернуться в пустынное место, и когда он оттуда применил своё прежнее средство, море не только уменьшило ярость, но даже стало спокойным и безмятежным.

Порой, когда блаженный рассказывал об этом, он приговаривал, как и в других случаях, что подобные события обнаруживают не святость, а веру; и в поддержку этой мысли добавлял: «Бог дал Люциферу больше света, чем мне, и всё же он был осужден; и Иуде дал больше власти, а он потом повесился. Это может случиться и со мной, ибо написано, что никто в этой жизни не может знать, будет ли он в конце её достоин ненависти или любви (ср. Вульг. Еккл. 9:1).

[130] В праздник св. Луки (18 октября. – прим. пер.) 1569 года бл. Бертран высадился в Испании и, недолго пробыв в Севилье, отправился в Валенсию, прибыв куда вечером, вынужден был заночевать в саду своего брата, расположенном за городскими стенами возле августинского монастыря Матери Божией Неустанной Помощи. Рано утром следующего дня, когда распространилась весть о прибытии бл. Бертрана, отцу-магистру бр. Лаврентию Лопесу, приору обители, едва удалось, прибегнув к своей духовной власти, удержать братьев, порывавшихся как можно скорее вновь увидеть его и просить у него благословения, ибо из-за огромного ликования, вызванного во всех его возвращением, каждый жаждал увидеть его первым. Да и сам приор был вне себя от ликования, понимая, какую милость Бог ныне оказал сей обители, вернув ей такого сына, который с величайшей мощью озарит её святостью жизни и благими примерами. Вступив в монастырь, Бертран сказал, что теперь-то уж хочет служить Богу по-настоящему и считаться послушником, о чём и просил, держа себя так смиренно, что всех поверг в изумление.

ГЛАВА XX. КАК ЕГО ПОСТАВИЛИ ПРИОРОМ ОБИТЕЛИ СВ. ОНУФРИЯ

[131] Блаженному не дано было долго наслаждаться уединением и покоем своей келлии, ибо отцы обители св. Онуфрия, находящейся в двух лигах от Валенсии, захотели, чтобы он стал их настоятелем, поскольку были убеждены, что труды его обогатят их обитель как духовными благами, так и мирскими, и с великой радостью единогласно избрали его приором. Он хотел было с извинениями отказаться от этой должности, но, связанный послушанием, принял её и к концу октября 1570 года приступил к обязанностям.

Служил он Богу, как всегда, совершенно неумоимо, преподавая превосходные наставления и первый на личном примере их исполняя, что приносило обильные плоды. Он увещевал этих отцов, что, поскольку их обитель внушала большее благоговение приходящим, когда была отшельническим скитом, то они должны постараться ещё более преуспеть в послушании божескому Величеству и превзойти прочих иноков, в иных местах обитающих. Ну а поскольку он сам строже всех блюл уложения и устав (который ставил на первое место), то и заботился о том, чтобы его подчинённые соблюдали его неукоснительно и охотно, учитывая, что он руководил ими с чрезвычайной мягкостью, как можно более щедро снабжая их всем необходимым.

[132] Поскольку же управлял он рассудительно, то несмотря на скудные годы и отягчавшие обитель долги, будущее братии было вполне обеспечено. [«...Хотя обитель из-за дороговизны продовольствия и расходов прежних лет была обременена долгом во много сотен эскудо, совершенно не имела запасов зерна, вина и масла, и братия, худо одетые, дошли до такой нищеты, что, отправляя ему приглашение на должность приора, одновременно попросили у него денег хотя бы на бочонок масла». – Антист*] Он не только расплатился с долгами монастыря, но и, пустив в дело полученный от Бога талант, построил в нём достопамятные сооружения; например, так называемый Крытый Крест – близ обители в конце аллеи, обсаженной с обеих сторон прекрасными кипарисами. А когда кому-то показалось, что он на него слишком поиздержался, Людовик ответил, что еще больше было потрачено лютеранами на уничтожение крестов в Германии и Франции. На этом Кресте выбили его имя – в память о ктиторе, но он, ненавидя человеческую славу, распорядился удалить надпись.

[«Он также начал строить dormitorio и поднял стену на высоту в несколько локтей; соорудил печь; полностью снабдил ризницу недостававшей утварью и насадил виноградник, уж не знаю какого сорта. Так или иначе, в конце своего настоятельства он оставил обитель полностью обеспеченной хлебом и всеми другими необходимыми вещами, да ещё и преемнику передал изрядную сумму денег.

Что ещё замечательнее, при нём число братии возросло, как ни при одном из его предшественников, а кроме того, он обычно принимал – как велено в наших священных уложениях – гостей из всех монашеских орденов, особенно францисканцев; и многие из них получали пользу от великого благочестия, каковое обнаруживали в нём». – Антист**]

Он был щедрым подателем милостыни и не оставлял нищего без утешения, даже если приходил таковой не вовремя; щедро уделяя каждому нуждающемуся хлеб и вино, он часто повторял брату-эконому Иосифу Виудесу: «Подавай, брат, милостыню; не стесняйся жертвовать Господу Богу нашему», - и ссылался на 40-й псалом Давидов: «Блажен, кто помышляет о бедном и нищем! и т.д.» (Пс. 40:2).

* Antist, op. cit., p. 326

** Ibid., p. 327

[133] Помимо обычной милостыни, которую как правило раздавали у монастырских врат, бл. Бертран ещё тайно приносил вспоможение людям застенчивым прямо им домой, о чём свидетельствовала Анхела Баярри из Мусероса, женщина богобоязненная, ходившая к нему на исповедь. Так он помог многим нуждающимся, а в особенности одной даме высокого положения, жившей в одной деревне недалеко от монастыря. С оравой малышей на руках она терпела горькую нужду, и доходило до того, что часто, когда не хватало хлеба, варила несчастным деткам траву, а если хлеб всё-таки появлялся, но не на всех, она делила его так, чтобы каждому досталось поровну, сама же от хлеба воздерживалась. Часто она оказывалась в такой нужде, что ей с домашними приходилось обходиться несколькими сушеными фидами. Однако об этой бедности она, будучи знатна и уважаема, не желала обмолвиться ни единому смертному, опасаясь, как бы не пострадала её честь.

[134] Когда однажды ей пришлось туго, Анхела Баярри пришла к ней и принесла несколько мараведи, увидев которые добрая дама спросила, не вернул ли это ей кто-нибудь долга, усомнившись. Анхела ответила, что, мол, нет, а прислано это в милостыню. «Если то милостыня, – заметила бедняжка, – то её, без сомнения, прислал мне блаженный брат Людовик Бертран, которому Бог открыл мою бедность». Анхела призналась, что это правда, но запретила ей говорить кому-либо, от кого ей прислали деньги. Тогда дама приняла монеты со словами: «Воистину, Бог открыл слуге Своему моё бедствие, потому что иначе ему было никак не узнать!», - и возблагодарила Бога за столь своевременную помощь.

Когда эта же дама была беременна, бл. Бертран сказал ей, что она родит сына, и посоветовал ей усердно о нём заботиться, ибо он станет великим мужем; и повторил это, когда уже после рождения мальчика его по повелению матери принесли в обитель св. Онуфрия, чтобы показать святому отцу.

[135] Подобно тому, как блаженный был щедр к бедным и нуждающимся, так и Бог подвигал души верных давать ему милостыню столь же обильно; и поэтому с вышней помощью он улаживал все насущные дела, о чем сам рассказывал отцу бр. Викентию Рибере, сказав, что взаправду не знает, по какой причине несколько раз находил у своей келлии реалы, которые туда непонятно кто приносил [«...разве что Бог побуждал сердца верных оставлять ему за мессы пожертвования, количество которых было таково, что хватило бы на милостыню всем пресвитерам обители». – Антист, там же].

Есть также свидетельство Висенте Гаррига, книгопродавца, у которого бл. Бертран покупал книги в кредит, и с его слов блаженный исправно расплачивался по первому требованию; но однажды, когда он вошёл к нему в келлию, слуга Божий сказал: «Ради любви Божией извини меня, брат; забыл я запастись деньгами!», на что гость ответил, что пришёл просто повидаться, а не за чем-нибудь ещё. Тогда блаженный предложил: «Что ж, давай садись, поговорим малость, пока Бог усмотрит!», а посреди разговора, протянув руку к стоявшему рядом столу, сказал: «Возьми-ка причитающиеся тебе монеты!» И там оказалась как раз та сумма, какую он был должен. Такое событие до крайности изумило удивило книготорговца, потому что дотол он не видел на том столе никаких денег. [«Позже книготорговец рассказал об этом некоему знатному мужу, своему другу, который просил его отдать ему половину этих монет за соответствующую сумму, а книготорговец оставил себе другую половину и благоговейно хранил». – Антист, там же]

[136] Блаженный обходил с проповедью окрестности обители св. Онуфрия, причём обычно пешком, и даже добирался до Валенсии, хотя и с трудом, потому что на одной ноге у него болела язва. А чтобы отцы не укоряли его за то, что он ходит пешком, он выезжал из обители верхом на лошади и, немного отъехав, шёл дальше пеши, читая в пути свои молитвы; ну и точно также поступал при возвращении.

Однажды в Страстную пятницу, направляясь в Монкаду, где читал великопостные проповеди, он сел на лошадь и выехал из обители, а вскоре не только спешился, но разулся и пошёл босиком до самого въезда в селение, и то же самое сделал, когда после проповеди возвращался в Валенсию, приближаясь к которой, он прежде, чем могли заметить, обувался и вскакивал на лошадь. Будучи добрым пастырем для

своей обители, он стремился как можно больше находиться дома, так что обычно возвращался в тот же день.

[137] Мы уже упоминали выше, какой благой пример подавал он простым людям, которым проповедовал, наставляя их собственным смирением, покаянным подвигом и благочестием. Так вот, в Монкаде его по окончании проповеди пригласили в гости, где, вместо того, чтобы перевести дух, он отошёл в красный угол, где молился, пока его не позвали на обед, за которым он был так воздержан, что вызвал у остальных удивление; и отказывался от предлагаемых лакомых кушаний, а ел понемножку и только дешёвое.

В селе Лирия, отстоящем на три лиги от монастыря св. Онуфрия, куда Людовик отправился проповедовать на Рождество Господне, он остановился в доме ректора. Когда все остальные, как ему подумалось, уже заснули, а в его воображении ярко разыгрывалась сцена Рождества Господа нашего Иисуса Христа, он разворошил постель, будто бы поспал в ней, сошёл в хлев и, пристроившись у яслей, бодрствовал там с возлюбленным Младенцем Иисусом, Который, родившись в эту ночь, был положен в ясли и почивал в них.

[138] Некий инок из обители св. Онуфрия испросил у святого приора позволения сходить в Валенсию, а получив оное, пошёл не туда, а в обитель братьев-картезианцев Врата небесные. Когда же он возвратился, блаженный отец, уделив ему благословение, молвил: «Как провёл время у картезианских отцов во Вратах небесных?» А когда инок ответил, что не ходил во Врата небесные и не видал братьев-картезианцев, приор возразил: «Осторожнее со словами! Ибо в течение трёх дней, пока тебя не было в нашей обители, ты находился во Вратах небесных, был у них на утрени и просил о хабите ордена у дома Бельота. Так знай же, что твоё желание стать братом-картезианцем есть страшное искушение бесовское». Оцепенев, ошеломленный инок признался, что приор сказал чистую правду; особенно [же его поразило, что Людовик знал] о хабите, хотя разговор о нём шёл в совершенной потаенности.

Другому иноку, брату по имени Андрей Кабрерисо, блаженный часто говорил о совершенно сокровенных событиях, которые не могли стать ему известны иначе, кроме как по божественному откровению; в частности, когда бр. Андрей однажды зашёл в келлию к слуге Божию, тот сказал, что он совершил то-то, и добродушно попенял ему, но так как дело было тайное и никто о нём знать не мог, Кабрерисо дерзко запирался, однако блаженный с тем же добродушием прибавил: «Я говорю тебе это не иначе как для твоей же пользы, чтобы, пока когда будешь исповедаться в грехах своих, не забыл обвинить себя и в этом». Когда же он исповедовался перед Людовиком в оном проступке, не услышал от блаженного ни слова о том.

[139] Встретив однажды того же брата Кабрерисо, когда тот выходил из кельи, направляясь на хор, бл. Бертран велел ему изгнать из ума помыслы, за которые он цеплялся, какие бы они ни были, а затем с упрёком призвал заботиться только о том, сообразно служению Божию.

Потом, выходя с хора, брат Кабрерисо, увидел, что бл. Бертран беседует с неким иноком, который, держа в руке breviарий, молился перед трапезной обители св. Онуфрия. После каковой беседы инок тот в полном изумлении поведал брату

Кабрерисо, что бл. Бертран посоветовал ему исправить кое-что совершённое весьма тайно, и что он приказал ему служить Богу и не бояться, что из-за этого ему выйдет какой-нибудь ущерб.

Когда в обитель св. Онуфрия пришёл в гости некий инок и по обычаю испросил благословения у приора, окружённого толпой иноков, слуга Божий сказал гостю, что оружием и щитом инокам служит розарий. Окружающие удивились непонятным словам, а на обращённый к гостю вопрос о значении их, тот ответил, что у него под одеждами спрятан большой охотничий нож, но блаженный об этом никак не мог бы узнать без божественного откровения.

[140] Однажды ночью блаженный приор позвал привратника и приказал отворить ворота обители, потому что из Валенсии придёт инок (которого он назвал по имени), исполненный страха и ужаса; в дороге на него напали трое, намереваясь только поугатать, но сам он счёл их разбойниками и убийцами. Брат отворил ворота и, выглянув наружу, увидел, приближающегося инока, который весь дрожал. Заметив открытые ворота, он спросил, кого привратник ожидает и по какой причине находится здесь так поздно. А когда услышал, что сделано это было по приказу приора, то крайне удивился, посчитав весьма странным, что приор уже знал о том, что с ним случилось на горе.

[141] В 1572 году, когда один из грандов этого края попал в большие неприятности и жена его тяжело горевала, бл. Бертран, пришёл утешить её и уговаривал не печалиться, ибо не было никакой причины для этого. «Отчего же мне не печалиться, – молвила она, – коли муж мой в столь страшной беде?!» «А оттого, – отвечивал блаженный, – что Господь наш утешит его, и Ваше сиятельство увидит его живым и на высокой своей державной должности». По прошествии шести месяцев она подумала, что её муж вот-вот избавится от своих неприятностей, но бл. Бертран заявил, что это произойдет не так скоро – лишь через три года. Так в точности и случилось, чего, однако, никак невозможно было естественным образом предвидеть.

Стоит же отметить, что ещё до всего этого вышеназванного вельможу узрела в видении некая кармелитка по имени сестра Тейеда, инокиня обители Воплощения, чрезвычайно духовная служительница Божия: от тонул, что предвещало тяжкие испытания, в которых она узрела его немного позднее. Увидела она потом, что он этой опасности избежит, потому что бл. Бертран помогал ему, осеняя крестным знаменем – это указывало, что блаженный, несмотря на отдалённость, каждый день из келлии своей (как обещал жене того человека) запечатлевал его знаменем Святого Креста, пока он находился в опасности.

[142] Двое иноков, собиравших подаяние для обители св. Онуфрия, насобирали в одну неделю довольно много, а потому решили, что один из них припрячет монету в четыре реала, а другой – золотой дукат, так что если вдруг на следующей неделе подаяния окажутся скуднее, они прибавят их, чтобы принести обычную сумму. И так, ещё вдалеке от обители один из них сунул реал себе в ботинок, а другой – в рукав. Когда они пришли к приору и передали ему милостыню, слуга Божий приказал им передать все собранные деньги, а когда они ответили, что отдали всё полученное, молвил он: «Ты дай мне четверной реал, который засунул в левый ботинок, а ты, – сказал, обращаясь к другому, – доставай дукат, что у тебя в рукаве!» Услышав это,

они оцепенели от изумления. Позднее эти иноки, подчёркивая, что от него не может утаиться ничего из содеянного, сказали Херонимо Абелье (см. гл. VIII. – прим. пер.): «Право, не знаем, сеньор, как нам быть с нашим приором: глухой, близорукий, [живёт в одиночестве*], а между тем знает всё, что мы делаем!»

Некий инок вскоре после принесения обетов исповедовался за всю жизнь перед бл. Бертраном, а когда дошёл до одного постыдного поступка, заколебался, рассказывать ли. И молвил ему блаженный «Ну и не Иуда ли ты?! Почему ты не обвиняешь себя в таком-то грехе?!» – и поведал ему о содеянном им же.

Совершив там сии великие дела (и другие, о которых будет сказано ниже), бл. Бертран после двух полных лет приорства вернулся в Валенсию, оставив обитель, всем необходимым в изобилии обеспеченной, а также духовными и мирскими благами обогащённой.

* Antist, op. cit., p. 328

ГЛАВА XXI. КАК ОН ВОЗВРАТИЛСЯ В ВАЛЕНСИЮ, ГДЕ БЫЛ ПОСТАВЛЕН НАСТАВНИКОМ ПОСЛУШНИКОВ

[143] Но и тогда не довелось бл. Бертрану насладиться священным досугом, которого он всем сердцем жаждал. Вскоре после его прибытия в Валенсию приор, брат-магистр Онуфрий Клементе, муж великой добродетели и учености, а также выдающийся проповедник, предписал ему взять на себя обучение послушников; и вот снова он исполнял эту обязанность так же тщательно, как и прежде.

Он учил подопечных радостно нести ярмо иночества на словах и на деле, и по мере того, как сии братия в обществе столь благого наставника всё более уссовершеншались в служении Божию и соблюдении устава, они начинали проявлять всякого рода добродетели. Не вынося этого, диавол изо всех сил старался досадить ему; по каковой причине однажды ночью некий инок пережил в общежитии послушников нечто такое, что, по его мнению, не могло исходить от смертного человека, и поэтому рассказал об этом святому наставнику. Тот ответил ему: «Знай, сын мой, что по этому общежитию кружит бес, который пытается вас ввести в замешательство, но не бойся». И добавил: «С тех пор, как мне была поручена эта должность, здесь всё вертится какой-то мавр, и хотя он весь закован в тяжёлые цепи, всё равно довольно прыток. Я сам его видел».

[144] В ту пору прибыл в Валенсию некий отец по имени брат Михаил Феррер из Ордена проповедников, который приехал из Каталаюда с желанием познакомиться с бл. Бертраном. Тот принял его с радостью, и гуляли они с ним какое-то время по саду рядом с общежитием послушников, беседуя о Боге. Перед тем, как отойти от него, бл. Бертран запечатлел у него на лбу знамение креста (как он имел обыкновение делать со многими, кто с ним общался) и сказал: «Отец, не забудь покаяться в таком-то грехе!», - и напомнил ему о проступке, который он совершил за четыре года до того, как вступил в орден, и в котором он совсем забыл исповедаться.

Исповедовался у бл. Бертрана брат Андрей Кабрерисо и уже закончил было перечислять свои грехи, когда блаженный сказал ему: «Ты знаешь, что такое исповедь? Скажи-ка, почему ты не обвиняешь себя в дурном совете, который ты дал

своему брату, отговорив его от вступления в орден и убедив его стать нотариусом в помощь старику-отцу?»

[145] Но хотя так и случилось на самом деле, но столь тайно, что никто не мог бы услышать; да и сам его брат никогда не проговаривался, да он до сих пор и не видался с бл. Бертраном – так что узнать ему о том было неоткуда, кроме как через божественное откровение. По этой причине брат Андрей до крайности удивился, хотя бл. Бертран уже не раз открывал ему в обители св. Онуфрия самые сокровенные и потаенные события, как было сказано в предыдущей главе.

Для него столь заурядным делом было знать сокровенное, что многие боялись говорить с ним, чтобы он не прозрел их грехи, а отец бр. Франциск Клементе признался, что несколько раз уклонялся от разговора, когда предварительно не исповедался. И Виоланта Хункар порой молвила ему: «Отец, я бы предпочла не исповедоваться перед Вашим преподобием, ибо прежде, чем я начиная исповедоваться и обличать свои ошибки, Ваше преподобие уже знает их». А он ответил: «Молчи, дочь моя! Есть кто-нибудь, кто мог бы мне сказать о них?» И добрый отец бр. Николай Фатторе никогда не приходил повидаться с ним, если предварительно не исповедовался, как он сам упоминает в одном письме, адресованном св. Бертрану.

[146] В 1574 году бл. Бертран читал великопостные проповеди в деревне Бурриана, в одном дне пути от Валенсии, являя, как обычно, блистательный пример своей святой жизнью. Остановился он в доме алькальда Андреса Адровера, который, равно как и все прочие, диву давался его строгой воздержанности, малоедению и тому, что он ни в какую не соглашался, чтобы для него готовили какие-то особые рыбные блюда. Если же их порой подавали на стол, то он даже не прикасался к ним, а просил дать только овощей и бобов; никакой другой пищи он не принимал в течение всей Четырехдесятницы и был совершенно удовлетворён столь скудным питанием. Там он по-прежнему строго блюл уединение, никогда не выходя из дома, кроме как утром в церковь, чтобы отслужить мессу и проповедовать; не общался ни с кем, кроме как с членами приютившей его семьи, но даже и с ними лишь за трапезой, а потом удалялся в свою комнату один, и в прочее время его днём никто не видел. Столь необычайным образом жизни он посеял в душах такие чудесные плоды, что, по словам членов буррианского магистрата (как написано в материалах процесса), они не поддаются объяснению. В этом селении блаженный совершил великое чудо над человеком, упавшим с маслины и умиравшим без исповеди, о чём будет сказано во второй книге, в гл. X.

[147] В том же 1574 году в октаву Вознесения Господня в валенсийской обители почил отец брат Варфоломей Павия, уроженец деревни Сервера, что в округе Монтесы. За несколько дней до смерти он мучился такими сильными болями в желудке и кишках, что вызывал сострадание во всех, кто слышал его горькие причитания, когда он громко взывал: «Господи Иисусе, прими дух мой!» Поэтому плакали иноки, видя, как страдает один из самых благостных и кротких людей, которых они когда-либо знали, но и дивились тому, что он же при других болезнях, когда приходилось применять раскалённое железо, был тих, как агнец, и не вымолвил ни единого слова, кроме того, что лишь разок призвал имя Иисусово. Придя к нему, бл. Бертран читал Евангелие, а затем, вернувшись в свою келлию,

чтобы помолиться за болящего, увидел его в духе истязаемого по попущению Божию двумя бесами: ради вящей заслуги его и славы они терзали тело его, и именно поэтому он так кричал и чувствовал пронзительные боли.

[148] По Валенсии разлетелся страшный слух, что великое множество мавров идёт, чтобы разрушить этот город. По этой причине, чтобы подготовиться к отпору, собрали большое количество оружия и других необходимых припасов, а многие решили вывезти своих супругов и детей из города и вообще из страны. Среди таковых был и Мигель Хуан Бенейто, благородный кабальеро; он посоветовал своей жене Франсиске Феррер подготовиться к поездке в Мансанеру, что в королевстве Арагон, где у упомянутого кабальеро был брат, в доме которого она могла найти приют. Услышав сие, дама сильно огорчилась и пошла к бл. Бертрану, своему духовнику, за утешением. Выслушав же её рассказ о случившемся, он успокоил её, сказав, чтобы не волновалась и не уезжала из дома, ибо маврам в Валенсии не бывать.

[149] Некая женщина сказала ему на исповеди, что постоянно является ей облечённый светом юноша красоты необычайной и что она видит его время от времени в повозке на улицах и площадях: весьма ярко сияя, он открывает ей прекрасные и дивные тайны будущей жизни. На что блаженнейший ей заметил, чтобы она береглась, ибо то не ангел, а демон. А она несмотря на это упрямо заявила, что это ангел, и ушла. В другой раз сей юноша явился той женщине и сказал: «Я прекрасно знаю, что брат Людовик Бертран будет сильно возражать, но ты на сказанное им не обращай внимания, а следуй верным моим советам. Ну а дабы ты убедилась, что они и вправду верны, посмотри вон на того юношу, что идёт по улице! Он здоров и полон сил, а проследи за ним взглядом и увидишь, как он тотчас же падёт замертво!» Так и стало, а женщина, ещё более убеждённая в том, что бл. Бертран ошибся, вернулась к нему и рассказала о случившемся. Он же несмотря на это продолжал настоятельно убеждать её, чтобы береглась, ибо она столкнулась с действиями дьявольскими; и хотя тогда женщина не поверила слуге Божию, однако потом осознала свою ошибку. Нечто подобное рассказывалось выше в главе VIII.

ГЛАВА XXII. КАК ОН БЫЛ ПОСТАВЛЕН ПРИОРОМ ОБИТЕЛИ В ВАЛЕНСИИ

[150] После того, как отец-магистр бр. Онуфрий Клементе освободился от руководства валенсийской обители, его преемником был избран блаженный брат Людовик Бертран – к огромному воодушевлению и радости всех добрых иноков, которые, взирая на святость его, добивались его себе в руководители. Один лишь он опечалился и с такой неохотой воспринял столь высокую честь, что не упустил ни единого довода, дабы не брать себя этого бремени, но все его попытки оказались тщетны, когда от него потребовали послушания. Поэтому с тяжестью на сердце он обратился за утешением к своему любимому святому – Викентию Ферреру. Войдя в келлию сего святого, находившуюся в нижнем дормитории обители, Людовик пал на колени и, обливаясь слезами, молился пред его образом так: «Отче святой Викентий, меня недостойного поставили приором этой обители, а я себя чувствую не подходящим для такой должности. Посему я передаю тебе власть приорскую и молю, о славный святой, дабы соблаговолил ты служить приором сего священного места, я буду субприором и стану править согласно приказаниями, которые ты изволишь отдавать». Затем, когда он пал ниц, чтобы облобызать ноги священного изваяния, оно склонилось и, обняв блаженного Бертрана, подняло его с земли.

[151] Слух об этом разошёлся по всей обители, хотя так и не удалось узнать, кто подсмотрел и всем сообщил. Однако же брат-конверс Антоний Бальестер и брат Людовик Примо, келейники его, решили при возможности вызнать это у него самого. Итак, когда он страдал своей последней болезнью, они оба подошли к его постели, завели благочестивую беседу и по ходу ввернули словцо о великой святости отца Викентия Феррера, воспользовавшись каковым поводом один из них спросил блаженного: «Отче, правда ли, что в этой обители живёт брат, который попытался облобызать ноги у образа святого Викентия, а тот сам его обнял?» Бл. Бертран ответил: «Это правда». Чуть позже другой сказал: «Говорят ещё, что это Ваше преподобие». Он же, несколько склонив голову, в смиренной речи сравнил себя с ослицей Валаамовой, сказав, что милость и доброту, оказанную ему святым Викентием, он ничем не заслужил, но почти так же и Бог говорил через Валаамову ослицу без каких-либо заслуг со стороны этого животного (см. Чис., 22).

[152] Слуга Божий приступил к обязанностям приора 15 мая 1575 года, а освободился от них в 1578 году. В начале своего служения он начертал в своей келлии прописными буквами слова св. Павла: «Если бы я угождал людям, то не был бы рабом Божиим» (ср. Гал. 1:10), что значит: если бы я старался повиноваться людям, когда нет на то воли Божией, я не был бы слугой Иисуса Христа».

Через несколько дней после вступления в должность ему во время молитвы явились три Вероники [«с тремя Святыми ликами»*], и, сообщив об этом видении отцу Юстиниану, блаженный добавил, что это означает скорби, которые ему предстоят в течение этих трех лет; что сбылось.

В своем смирении он остался неизменен: решительно не желал, чтобы подначальные обращались к нему «Ваше преподобие», каковой титул считал слишком почётным. И даже самые возвышенные созерцания никогда не мешали ему исполнять все обязанности настоятеля с величайшей точностью, более того, даже более полно, чем остальные. Он отдавал приказы другим, но первым исполнял самое трудное.

* Antist, op. cit., p. 331

[153] И несмотря на обязанности приора, он не ослабил обычного своего постничества и покаянных подвигов, а также бичевания плоти, ибо в точности как прежде, замечали, что келлия его забрызгана кровью, а часто было слышно, как он бичевал себя с такой жестокостью, что приходилось потом лечить раны на плечах. Так, в последний год его приорства отец бр. Иоанн Бага увидел его однажды за час до заката, входящим в келлию св. Викентия, где затем он долго и сурово себя бичевал. И заметил упомянутый инок, что приор, выходя, приостановился в дверях – проверить, нет ли в дормитории кого-нибудь, кто мог бы его обнаружить. Брата Иоанна он не мог видеть, потому что тот спрятался и притаился за дверями келлии, откуда ещё наблюдал, как бл. Людовик возвращался к себе, и слышал, как он тяжело дышал, входя.

Блаженный посещал хор днём и ночью и ни разу не пропускал, если только болезнь ему не препятствовала. Часто после окончания утрени он задерживался в хоре и стоял на коленях, пока не звонили к Первому часу. Когда же недуг настолько

одолевал его, что от слабости он не мог стоять во время пения на ногах, пытался участвовать в богослужении хотя бы сидя.

[154] В первые же месяцы своего приорства он начал мучиться ногами, но всё равно непременно хотел есть в общей трапезной и крайне неохотно обращаться в лазарет, зная, что тамошние служители слишком добросердечны и будут корить его за недоедание, не разрешат ему делиться своей порцией с нищими, как он привык, а принудят восстанавливать свои силы полноценным питанием. И хотя его всё-таки заставили туда лечь, он после каждой трапезы наведывался в общую столовую, чтобы посмотреть, хорошо ли накормлены его иноки.

Он много хлопотал о развитии углублённых научных занятий и заботился о том, чтобы его подначальные были постоянно заняты: одни – слушанием исповедей, а другие – иными священными обязанностями. Он хотел всем привить навык к уединению и был суровым стражем, следя за тем, чтобы никто не выходил из обители без крайней нужды; соответственно, когда кто-нибудь испрашивал разрешения на выход, чаще отказывал. Стоило же ему услышать, что в его обители появился какой-то сорняк, он незамедлительно старался искоренить его, дабы не разросся.

[155] Он прилагал чрезвычайные усилия к очищению совести своих подначальных, и потому был весьма щепетилен в случаях особо тяжких грехов (*in casibus reservandis*), но предельно снисходителен в выборе духовника, имея обыкновение говорить, что в этом отношении он предпочитает оказаться снисходительным, чем дать кому-либо повод исповедаться не до конца. К инокам, взыскующим добродетели, он был в высшей степени благожелателен и всегда поощрял их больше и больше усердствовать. Как и раньше, хлопотал, чтобы его братья ни в чём не испытывали нужды, добросовестно пытаясь обеспечивать их не только едой вполне доброго качества, но также одеждой и другими подобными вещами. Ибо с тем же высочайшим усердием, с каким он прививал ревность о служении Божию, он равно старался снабдить обитель всем потребным, причём даже в достатке, хотя три года его приорства пришлось на пору неурожая, а монастырь был на грани разорения из-за прежних долгов. Людовик обычно говорил по этому поводу, что если иноки добывают милостыню своим трудом, то справедливо потратить её на их собственные нужды.

[156] Кроме того, он был равно ко всем доброжелателен; все находили у него братское обхождение, отеческую любовь, совет мудреца, совершенство святого и, наконец, совокупность всех добродетелей. Он был полон милости и сострадания к ближнему своему, так что, если замечал в ком-нибудь нерадивость, ласково обличал его, но не преминул бы и, потребуй того дело, наказать его, однако чисто по-отечески. По этой причине ему лучше удавалось увещивать, чем собственно наказывать. На капитулах, которые блаженный обычно проводил во все праздничные дни, он давал инокам своим святыя увещания, призывая всех к мужеству и страху Господню и увещивая беречься гнева Божия и наказаний, уготованных нечестивым. Он похвалял воздержанность, советуя братьям отделять часть выдаваемой им пищи и отдавать её нищим, ради Христа побирающимся. Он призывал подначальных к нищете духа, чтобы по устройению земных дел они всегда могли пребывать в единении с Богом.

[157] Он побуждал их каяться в своих грехах и избегать любого повода к прегрешению. Но в заключение он больше всего говорил о необходимости должного послушания и покорности начальствующим. Он говорил, что бедность, которую Бог больше всего ценит, это когда человек оставляет свою волю. Совершенство этой и других добродетелей он показывал с таким воодушевлением и с такими доводами, что все проникались убеждением и сохраняли готовность охотливо исполнять свой долг во всей его полноте. Ему было горько, когда его иноков бесчестили и бесславили, и он защищал их. Когда однажды он доставил нескольким братьям небольшое огорчение, а они захотели, чтобы слуга Божий был освобожден от общего правила [наказаний], он отказался воспользоваться этой поблажкой и ответил словами пророка Илии: «Ибо я не лучше отцов моих» (3 Цар. 19:4).

[158] О болящих он пёкся со свойственной ему нежностью и следил, чтобы за ними тщательно ухаживали. Был он также чрезвычайно щедр к бедным, а поэтому значительно увеличил установленную в обители выдачу милостыни, которая и так была немала, предписав досточтимому отцу бр. Доминику Анадону, который в сей обители более сорока лет с великим милосердием образцово исполнял обязанности раздачика милостыни (а святость его и чудеса уже многим знакомы в Испании по напечатанным о нём книгам), сверх обычной милостыни давать, сколько потребуется для поддержания нищих, ещё и хлеб[: «Отче, всякий раз, как тебе покажется необходимым, помимо установленного подаяния, давай также из хлебных запасов братии, и давай без колебаний – из любви к Иисусу Христу, а у Бога не оскудеет; ты же знаешь, что я даю милостыню здесь, внутри, не меньше, чем ты снаружи, у ворот».*]. Нужно ещё учесть, что хотя он много подавал просящим у ворот обители, гораздо больше и большими суммами он помогал тайно – достойным особам, которых тяготила нужда.

Если, однако, кому-то казалось, что в даянии он выходит за пределы умеренности, то он обычно повторял историю отца бр. Михаила св. Доминика (о котором упоминалось выше), в обители которого во время голода 1556 года пожертвований сильно прибавилось. Когда кто-нибудь недоумевал, как братия может уделять такую обильную милостыню, он молвил: «Если много выносится чрез врата обители, то много больше вносится чрез врата церкви». В сем уповании святой приор неизменно обильно раздавал милостыню прилюдно и тайно; и хотя он ежедневно помогал более чем трём сотням нищих и студентов, недостатка в средствах на подаяние никогда не испытывал, ведь если и был он ради Бога щедродателем, то куда щедрее был Бог, наделяя его благами как духовными, так и земными.

* Antist, op. cit., p. 331

[159] В 1576 году, в мае месяце, в валенсийской обители состоялся провинциальный съезд, и в связи с большими, как обычно в подобных случаях бывает, расходами, понесёнными ею, бл. Бертрану доставили обильные пожертвования, причём от тех, от кого он совсем не ожидал. Так, рассказывает отец-картезианец дом Лаврентий Самора, когда во время упомянутого капитула он зашёл к бл. Бертрану в келлию, застал там какого-то человека, принесшего ему весьма своевременно неизвестно какую сумму. Блаженный молвил: «Ты принёс не меньше ста либр», а на вопрос, кто велел ему так поступить, жертвователю указал пальцем на распятие, ответив: «Вот кто велел мне сделать это». Благодаря столь обильным пожертвованиям,

ниспосланным от Бога, участники капитула удостоились такого роскошного приёма, что при разезде капитула все наперебой изо всех сил восхваляли щедрость, радушное гостеприимство и доброту приора, а он, несмотря на это, по обычному своему смирению, низко кланяясь, просил прощения у всех за то, что не обошёлся с ними по заслугам.

[160] Однажды бл. Бертран поручил некоему иноку заключить с одним человеком сделку. Сочтя последнего несговорчивым, монах вернулся и сказал святому приору, что пообщался с тем человеком, но не смог заключить сделки. Блаженный же, подойдя к нему, запечатлел у него на лбу знамение Креста и с улыбкой сказал: «Я знаю, что ты не по злomu умыслу пренебрёг заданием, но ничто земное не стоит того, чтобы лгать». При этом оный иннок засвидетельствовал, что никаким естественным способом невозможно было бы узнать, правду он сказал или нет.

ГЛАВА XXIII. О ДРУГИХ СОБЫТИЯХ, ПРОИЗОШЕДШИХ С НИМ В ТОМ ЖЕ ГОРОДЕ В ПОРУ ЕГО ПРИОРСТВА

[161] Много ещё чего достойного внимания произошло с бл. Бертраном в пору его приорства. Однажды ночью после утрени, когда он находился в хоре, творя молитвы, явилась душа некоего инока, который был духовником блаженного в юности его. Пока Людовик не стал настоятелем этот иннок обвинял его в невежестве, на что слуга Божий отвечал, что мол Люцифер знал много, а всё же был осуждён. Душа эта явилась, объятая пламенем, и молвила: «Прости меня, отче, за то, что я сказал тебе в такой-то день, ибо Бог не хочет, чтобы я взошёл на небеса, доколе ты не отпустишь мне той провинности и не отслужишь за меня одну мессу». Блаженный ответил, что охотно ему прощает, а после рассвета отслужил мессу. На следующую ночь он увидел ту же душу в сиянии славы, а когда спросил: «Отче, не знаешь ли, куда меня направляет Бог?», то получил ответ: «Просто старайся служить Богу, ибо божеское Величество горячо о тебе заботится».

[162] Однажды по какому-то поводу слуга Божий молвил отцу-магистру Франциску Алеману: «Не знаю, к чему бы это, но при виде некоторых я так радуюсь, что прямо обнял бы; при других же печалюсь до крайности». Причину этой особенности достохвальный магистр выяснил из опыта, ибо, когда в дверь келлии блаженного однажды постучался некий человек дурной жизни, тот внезапно встревожился и тут же выпроводил его, не дав никаких объяснений, почему. Так отец Франциск убедился, что слуга Божий знал подноготную того гостя.

Этому случаю сообразен и другой, рассказанный архиепископу неким валенсийским прелатом. Некий священнослужитель пришёл повидать бл. Бертрана, а тот его бесцеремонно выставил. Подумавши, клирик приписал причину такого отношения своему собственному греху, а когда смысл его сокрушением и исправился, вновь явился к святому, и уж тогда он принял его с весёлым лицом и довольно долго с ним дружески беседовал.

Это же подтверждает и другой случай, произошедший с неким доктором. Возвратившись с празднований некоего юбилея, во время которых он приступил к священным таинствам исповеди и причастия, он навестил блаженного, и едва вступил к нему в келлию, тот аж смолк ненадолго от удивления, а затем сказал гостю: «Смотри не меняйся, ибо ныне ты на правом пути».

[163] Доктор Родриго Кальседо получил конфиденциальное предложение вице-короля Валенсии поступить на королевскую службу в качестве ассессора при губернаторе Ориуэлы, на которое, посоветовавшись наедине с одним человеком, согласился. Но затем, вспомнив, что не посоветовался об этом с бл. Бертраном, пошёл к нему и [изложив всю суть дела,*] заклинал молить Бога[да явит волю Свою о том**], угодно ли Ему, чтобы Родриго принял эту должность[; но сам скрыл, что уже связал себя относительно этого обещанием***]. На что отец с улыбкой молвил: «Да полноте, разве не поздно?!» Услышав такие слова, доктор оцепенел от изумления, будучи уверен, что естественным образом блаженный о его решении узнать не мог.

В праздник святой девы-мученицы Екатерины (25 ноября. – прим. пер.) в присутствии бл. Бертрانا читали в келлии для некоего мужа житие оной святой. Внезапно блаженный поднял взор к небу и воскликнул громким голосом: «Ах! ах!» Чтец, испугавшись крика, спросил о причине. Людовик ответил ему со слезами на глазах: «Будет хорошо, будет хорошо...», но когда второй из присутствовавших стал настаивать на объяснении, сказал: «Я видел на небе свет великий, а из сего чудного и восхитительного сияния донёсся голос, сказавший мне, что хотя сейчас я живу во тьме, придёт время мне насладиться светом и сиянием».

[164] Затем в первый вечер Адвента Господня отец Гаспар Вальпедроса из Общества Иисусова вынужден был из-за проливного дождя переночевать в валенсийской обители братьев-проповедников, где с ним случился приступ какой-то болезни, из-за чего он не мог спать. Голова у него аж раскалывалась, и ему казалось, что он лишится зрения. По этой причине он попросил своего спутника отвести его в келлию к бл. Бертрану. Когда же при входе блаженный брат Людовик спросил его, как он себя чувствует, болящий в тот же миг почувствовал, что совершенно выздоровел. Сие отец-иезуит счёл великим чудом.

В субботу после Богоявления 1578 года Анхела Симарра, жена купца Хосе дель Кампо, пришла к бл. Бертрану с горячей просьбой, чтобы он навестил её тяжелобольную племянницу Беатрис, которую блаженный никогда прежде не видел. На что он молвил: «Вашу племянницу?» - и покачал головой, как бы говоря: «Ну приду я к ней, а что толку?» Намёк был так явен, что женщина сказала своей спутнице: «Моя племянница умерла». Тем не менее она продолжала умолять отца, чтобы он изволил посетить девушку, после долгих отговорок он, тронутый, наконец, её мольбами, навестил болящую вечером и утешал её мать, уверив её, что на то воля Божия, и то же повторил, прочитав вместе с её отцом Евангелие, как будто она уже умерла. Этим они были весьма удивлены и опечалены, потому что болезнь её еще не зашла так далеко и, хотя она страдала чахоткой, думали, что проживёт ещё несколько месяцев. Но на следующую ночь после внезапного обострения она перешла в иную жизнь; и тут женщина вспомнила, что когда она умоляла блаженного, чтобы, если он не сможет в этот день, навестить больную на следующий, он ответил, что если не сможет в тот же день, то будет поздно.

[165] Франсиска Феррер, жена благородного кабальеро Мигеля Бенейто во время беременности, причём незадолго до родов, несколько раз падала, из-за чего опасались, что роды у неё будут неблагополучны. Поэтому, когда внезапно начались схватки, это только увеличивало ей страх. Пока она так мучилась, вдруг пришёл бл.

Бертран, который утешил её пред лицом великой опасности и велел ей уповать на Бога, дабы благополучно родить. Когда же она попросила написать ей необходимые молитвы, он написал антифон «Матерь-Дева, мужа не зная...» (лауды Рождества. – прим. пер.) и велел держать в руке листок с этой надписью и зажженную свечу. Как только она это сделала, в тот же миг родилась девочка, но она так сильно пострадала от вышеупомянутых падений, что повивальные бабки и врачи сошлись во мнении о невозможности человеческими средствами сохранить ей жизнь и здоровье. Итак, её тут же крестили, а через два дня душа её упорхнула на небеса.

[166] В месяце феврале в валенсийской обители почти внезапной смертью скончался брат-конверз Пётр Льорет, и хотя накануне он укрепился Святым причастием, иноки оплакивали столь скоропостижную смерть, а паче всех – отец-приор.

[По прошествии месяца магистр Родриго Сальседо, доктор и член королевского совета, разговаривая с ним в зале капитула, заметил в его словах какое-то необычное оживление, и поэтому спросил, почему он так развеселился, хотя прежде грустил. Блаженный ответил, что в эту ночь явился ему в келлии брат Пётр, весьма весёлый и довольный своей участью, а во рту у него было нечто белое и чрезвычайно сладкое – всё это указывало на славу, которой он был удостоен.*]

Через месяц он с великой радостью молвил какому-то иноку, что хотя много дней скорбел о кончине брата Петра, однако теперь получил утешение от Бога; а другому ещё откровеннее сказал, что Бог явил славу одного брата некоему иноку в обители, т.е. самому бл. Бертрану, ведь в таких случаях он выражался именно таким образом.

В последний год его приорства аудитор Сальседо, вышедши из келлии слуги Божия, столкнулся с неким пожилым мирянином, который молвил ему: «Сеньор, будьте дружны с этим монахом; он – святой!», а будучи спрошен, откуда это знает, поведал, что однажды после полуночи, завершив умственное моление, усердно молился о брате Людовике, а когда в следующий раз посетил его, услышал от него: «Брате, я очень тебе благодарен!» На вопрос же «За что, отче?» последовал ответ: «За то, что ты молился за меня в такой-то час! Когда ты молился, ты держал свои руки простёртыми крестообразно. Да сегодня ты то же самое делал в хоре». А ведь это могло быть известно только Богу, так как [в первом случае] тот муж запирался в своей молельной.

* Antist, op. cit., p. 332

[167] В праздник св. Петра Мученика [29 апреля] 1578 года блаженный, возвращаясь в келлию после утрени, услышал сверхъестественный голос, сказавший ему: «Богу угоднее сердечная мука, сокрушение и скорбь, чем сладость, утешение и отрада». Позднее на вопрос одного своего друга, коему блаженный сие втайне поведал, огорчен ли он этими словами, ответил отрицательно; мол, напротив, почувствовал утешение в череде неприятностей и в меланхолии, которая тогда его в то время тяготила.

Брат-картезианец Варфоломей из Пеньяранды, будучи еще мирянином, три года служил цирюльником в валенсийской обители и в ту пору, исполняя свои обязанности, часто подновлял тонзуру бл. Бертрану, наблюдая при этом его

замечательное терпение, ибо иногда то из-за притупления бритвы, то из-за усталости руки он наносил ему лёгкие порезы, но блаженный никогда не показывал, что ему больно, но всегда позволял обращаться с собою чуть ли не как с распоследним из послушников (которых, очевидно, брили быстро и не церемонясь. – прим. пер.).

[168] Однажды тот же Варфоломей вошёл в келлию блаженного, и тот спросил, не желает ли он стать иноком. Тот ответил, что отнюдь не имеет такого намерения. Тогда блаженный с улыбкой сказал: «Ну смотри... Я-то знаю, что ты станешь иноком». И хотя он в то время вовсе не собирался принимать такой сан, однако вскоре Бог пробудил в его душе столь сильное к нему стремление, что он не успокоился, пока не облёкся в картезианский хабит.

Когда подошёл к концу трёхлетний срок его приорства, возрадовался слуга Божий, ибо давно желал избавиться от хлопот, чтобы наслаждаться покоем своей любимой келлии. Часто он также прашивал братию молиться Бога о нём, дабы не умер он в чине приора, но в попечении о душах. Он оставил этот монастырь (как и предыдущий) обогащённым духовными и земными благами, а иноков – обеспеченных всем необходимым.

ГЛАВА XXIV. О ДЕЯНИЯХ ЕГО ПО СЛОЖЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПРИОРА

[169] С того времени, как слуга Божий окончил приорское своё служение, он вёл себя как меньший из братии, не вмешиваясь ни в какие дела обители, кроме воспитания послушников, для чего, казалось, Бог его и создал. Он постоянно пребывал в своей келлии и почти не общался ни с кем, разве что после трапезы; однако нежная любовь к верным время от времени заставляла его нарушать это долгожданное уединение, часто вызывая его в исповедальню. И не было в городе, можно сказать, ни единого больного, кто бы не искал у него утешения, а чтобы доставить оное, блаженный читал перед ними Евангелие. То звали его, чтобы просить совета в трудных делах, то ради услаждения святой с ним беседою, ибо был он общим прибежищем и утешением страждущих.

[170] В торжество Воскресения Господня 1579 года по окончании обычного в сей обители шествия блаженный вернулся на рассвете в свою келлию, а немного позже сказал своему спутнику: «О брат мой, если бы ты присутствовал здесь, увидел бы нечто, что доставило мне величайшую радость, ибо оттуда (он указал пальцем на францисканский храм Братьев Иисусовых) прилетела стайка прекраснейших птиц, причём среди их множества несколько оказались такого вида, что в наших краях не встречается. О, если бы ты видел, что творилось над той обителью! Нет сомнения, что бл. Бертрану тогда было даровано некое видение ангелов или других небесных существ. [Позднее же, разговаривая с другим знакомым, он молвил, что среди тех птиц были похожие на ласточек, но отличные от обыкновенных, ибо у них были не белые животы и чёрные крылья, а наоборот.

В пасхальное время того же года блаженно и свято почил брат Варфоломей делла Коста, уроженец Альдеануэва, духовник отца Бертрана, а когда на следующий день брат Антоний Бальестер заговорил с блаженным о смерти одного брата Варфоломея, отец молвил: «Нынче утром, когда я сидел на этом ящичке, до ушей моих донеслись слова, полные утешения».*]

* Antist, op. cit., p. 335

[171] В том же году за два или три дня до праздника св. Франциска пришёл бл. Бертран к аудитору Сальседо, чтобы заступиться за каких-то заключённых, а когда зашла речь о чудесной святости св. Франциска, молвил: «Точно знаю, что случилось однажды с неким братом из Ордена проповедников: когда по завершении праздника св. Михаила он вышел с утрени, запев гимн «Тебя, Бога, славим», явились ему в клуатре святой отец Доминик и святой серафический Франциск. Пав к ногам святого Франциска, он облобызал ему рану на правой стопе, а Франциск обеими руками приподнял ему голову и погладил, а затем, нежно проведя ладонями по лицу его, велел ему надеяться на вечное спасение. После сего тот же брат склонился и к ногам св. Доминика, дабы облобызать их, а когда сей святой протянул ему руку, тотчас благоговейно приложился к ней устами. Слушатель, заподозрив по манере и эмоциональности речи, что Людовик и был тем самым человеком, кто удостоился сего видения, спросил: «Почему же, скажи на милость, тот отец несмотря на столь великие дары от Бога всегда скорбит?» «Именно благодаря им, – ответил блаженный, – он скорбит ещё паче прежнего». И хотя в тот час он не дал никакого объяснения сказанному, впоследствии причина скорби всё-таки стала понятна: [ему продлевалась земная жизнь*], дабы телесными тяготами стяжал он больше заслуг прежде обретения оногo высшего блага, на которое надеялся.

* Antist, ibid.

[172] Выходя из обители, Бертран увидел образ св. Франциска, и, задержав на нём взор на некоторое время, сказал тихонько: «Очень даже на него похоже», каковых слов аудитор Сальседо не понял. Откуда можно заключить, что ему наверняка являлись вышеупомянутые святые. На следующий день, поведав об этом патриарху-архиепископу Валенсийскому (Хуану де Рибере, титулярному патриарху Антиохии. – прим. пер.), ревизор Сальседо попросил его вызнать у бл. Бертрана, что ему было за видение, и на вопрос [видел ли он св. Франциска,] блаженный ответил: «Видел, владыка, так же ясно, как ныне вижу Ваше преосвященство».

Достохвальный аудитор Сальседо, навестив однажды бл. Бертрана, застал его в весьма радостном расположении духа, а на вопрос о причине оногo блаженный поведал: «Потому что Бог даровал мне сегодня особую милость: незадолго до рассвета, когда у меня в келлии было открыто окно, наш Искупитель явился мне на кресте – в том виде, как Он висел на горе Голгофе, что доставило мне величайшее утешение».

Когда отец-магистр бр. Пётр Саламанкский попросил слугу Божия рассказать что-то особенное, открытое ему Богом, тот сообщил, что в ночь на Воскресение Господне он встал с постели раньше остальной братии и долго был один в хоре. И вдруг, к ужасу своему, он увидел нашего Господа в таком величии, что по сравнению с оным весь мир представился ему не больше крошечного водяного пузырька. Похожий случай со св. Бенедиктом описывал св. Григорий (Собеседования, кн. 2, гл. 35).

[173] Картезианский священник дом Михаил де Вера сообщил, что бл. Бертран, беседуя однажды с человеком, много усовершенствовавшимся в служении Божию, по тайному повелению [свыше] с великой простотою сказал, что слышал голос: «Брат Людовик, прощены тебе грехи твои!» - и сразу затем увидел телесными очами узрел

голубя; тот вложил ему клюв в уста. Вышеупомянутый муж хранил сие в тайне до конца своей жизни.

В ноябре того же года Доротея Гарсия, супруга Кристобаля Переса де Альмасана, глубоко опечалилась тем, что не было новостей о её муже, находившемся в Сицилийском королевстве. Поэтому в поисках утешения она отправилась к бл. Бертрану, чтобы просить его помолиться Богу о здравии её супруга, но прежде чем она успела открыть рот, блаженный молвил: «Сударыня, молитесь за вашего мужа, ибо ему это нужно». Услыхав таковые слова, огорчённая женщина спросила: «Правда, отче? А может, он умер?» – «Нет, – ответил блаженный, – он вернётся в Валенсию, а вы вновь увидите его – живым и здоровым». Месяц спустя та же дама получила от мужа письмо, в котором он сообщал ей, как в плавании из Панормо в Неаполь едва не угодил в неволю к маврам, а сверх того пережил столь сильный шторм, что многие считали его мёртвым. Приметив же время, когда это письмо было запечатано, выяснили, что описанные события произошли в то самое время, когда отец молвил приведённые выше слова. Впоследствии вышеназванный гражданин вернулся в Валенсию, а через некоторое время, после смерти жены, он вступил в Общество [Иисусово].

[174] Некий человек, обычно часто навещавший бл. Бертрана, пренебрёг своим правилом регулярной исповеди и причащения по причине возникшей у него с кем-то вражды. И хотя некий доктор часто просил его вернуться к доброму навыку, он отказывался, пока по внушению Божию не посетил блаженного вместе с тем же доктором. Людовик уделил ему множество знаков искренней дружбы, но он умолчал о причине, по которой пришел. Затем к бл. Бертрану явился в гости инок ордена св. Иеронима, и он отпустил их обоих, а упомянутый муж, уже выйдя из келлии, вручил доктору реал, чтобы тот передал его блаженному, – за благодарственную мессу, которую тот должен был отслужить на следующий день. И вот, когда доктор вернулся и увидел, что блаженный продолжает беседу с отцом-иеронимитом, то передал ему реал, но не успел вовремя объяснить (а может быть, и забыл сказать), чей то реал и за что должна быть отслужена месса. Поэтому-то он и остался неподалёку [от келлии], поджидая возможности сообщить об этом блаженному. Когда тот вдруг вышел вместе с иеронимитом, доктор, подойдя к нему, молвил: «Отче, я забыл указать, за кого и за что нужно отслужить мессу». А он молвил: «Я уже знаю, что нужно воздать благодарение Пресвятой Богородице – за вашего спутника».

[175] В том же году, утром праздника св. Стефана, к бл. Бертрану пришёл весьма чтивший его доктор Космо Клементе с намерением попросить о молитве за свою жену, донну Херониму Сентельяс, которая, будучи на седьмом месяце беременности, начала страдать от болей, явно суливших, по мнению врача, опасные последствия. Узнав же, что бл. Бертран вот-вот начнёт свою мессу, он глубоко опечалился, так как хотел, чтобы она была отправлена именно в его намерении. Однако ризничий утешил его, объяснив, что в его полномочия входит решать, за что служится месса, так что эта, которую свершает Бертран, будет посвящена ему. Итак, доктор Клементе пошёл слушать её и со многими слезами молился Богу о спасении жизни своей жены. В мгновения же вознесения гостии доктор почувствовал огромное облегчение, из-за чего твёрдо уверовал, что его жена выживет. По окончании мессы доктор рассказал

о своей беде бл. Бертрану, который велел ему благодарить Бога и пообещал, что будет молиться за неё. Вернувшись домой, дон Космо обнаружил, что в то самое время, когда возносились Св. Дары, жена его родила мёртвого мальчика, причём (как свидетельствовала повивальная бабка) не без чуда, ибо казалось невозможным, что она вообще родит. Однако из-за предшествовавшей родам горячки женщина всё ещё находилась в большой опасности, по каковой причине муж её снова обратился к бл. Бертрану, который велел ему уповать на спасение её жизни, что вскоре после того подтвердилось.

[176] Зимней порою того же года, когда бл. Бертран смотрел через окно своей келлии на дождь, молвил ему Альфонсо Мануэль-и-Паломбо, камергер герцога Нахерского, вице-короля Валенсийского, что настало подходящее время для сева. На что получил ответ: «Отнюдь, урожай будет крайне скудным из-за многих грехов города сего». [Позднее дон Альфонсо] решил было, что это предсказание никак не сможет подтвердиться, так как погода неизменно благоприятствовала нивам, и ожидался обильный сбор. Но истинное положение вещей стало видно по итогам: зерна и винограда почти не собрали, ибо из-за недостатка влаги в апреле и из-за разлива рек в сентябре урожай был потерян.

В 1580 году городские власти Хативы, желая, чтобы слуга Божий провёл у них великопостные беседы, пригласили его через посланника, хотя блаженный, ссылаясь на свои немощи, отказывался, полагая, что не хватит сил произнести и трёх проповедей. Тем не менее, он не смог не уступить просившим его с таким глубоким благоговением и столь твёрдым настоянием, ибо они заверяли, что, коль иначе нельзя, им будет достаточно хоть один раз увидеть его на кафедре. Итак, он поехал туда, и Бог дал ему такую силу, что он проповедовал всю Четыредесятницу, не пропустив ни единой беседы.

[177] Во второй день месяца ноября вышеупомянутого года дон Хайме Феррер, наместник королевства Валенсия, пришёл в величайшее смятение, потому что некогда королевский совет доверил ему ларец, содержащий величайшей важности бумаги, и много лет спустя герцог Нахерский, вице-король Валенсии, потребовал списки с двух завещаний, хранившихся в этом ларце, а их никак не удавалось найти. От этого дон Хайме так опечалился, что предпочёл бы лишиться всего имущества, предвидя ущерб своему доброму имени, равно как и другие невзгоды. В этой беде, не поведав о случившемся никому другому, он обратился к бл. Людовику и открыл ему свою заботу, а тот велел крепко надеяться, что, молясь Богу, найдёт потерю, и сам также обещал усердно молиться. Помимо того блаженный поручил наместнику каждый день девятикратно читать гимн «Благослови, душа моя, Господа» в память о девяти месяцах, в течение которых Христос, Господь наш, был заключен во чреве Пресвятой Матери Своей Девы Марии. На следующий день он благоговейно исполнял оное [молитвенное правило], и тут вдруг пиसेц приносит оба вышеупомянутых завещания. В связи с этим дон Хайме пошёл поблагодарить блаженного, но, не найдя его в здании обители, стал ждать в клуатре, куда блаженный вошёл вместе с отцом Хуаресом и прежде, чем гость произнёс хоть слово, сказал спутнику: «Дон Хайме уже нашёл бумаги, которые искал».

[178] Некто, придя к бл. Бертрану по делу, обнаружил, что тот служит мессу, а перед алтарём выложен труп. После мессы гость спросил отца, кто этот покойник. В ответ

блаженный сказал, что отправлял мессу за усопшего. Однако в тот день в обители никого не хоронили; просто Бог явил образ трупа оной душе, за которую бл. Людовик Бертран свершал литургию.

Когда слуга Божий подносил Св. Тайны одному мирянину с длинными волосами, то увидел, что лицо его вдруг переменялось, а волосы ужасающе встали дыбом. Итак, отведя того человека в сторону, блаженный попросил его рассказать, что случилось. Мирянин ответил, что от святой гостии возблистало ярчайшее сияние, при виде коего душа его исполнилась чудесной радости, отчего он так и переменялся в лице.

[179] Однажды ночью блаженный увидел в духе, как на кладбище обители отверзается общая гробница братии, в которой виднеется много целых тел, и как некий человек, сойдя туда, весьма непочтительно ворочает их туда-сюда. И заметив, что ни один из этих трупов не смердит, дивился блаженный, что человек сей смеет так неподобающе обращаться с телами тех, что были такими совершенными иноками. Придя в себя, он с изумлением задумался, что бы значило это видение, а на рассвете спросил у привратника храма, открывали ли в те дни гробницу на кладбище. Получив отрицательный ответ, он приказал предупредить, если вдруг засобирается открыть её.

Через два дня случилось так, что там нужно было похоронить труп. Посему бл. Бертрана позвали; он пришёл и, встав на колени над дверью гробницы, заглянул, светя зеркальцем, внутрь, присмотрелся и увидел там трупы, многие из которых были целы, хотя помещение было весьма сыро, а во многих местах даже залито водою. Когда же попытались разместить там погребальные носилки, то не смогли из-за множества трупов, поэтому могильщик спустился в гробницу и, перенося целые тела иноков в другую часть помещения, молвил: «Надо же, тела целые, не воняют, и даже никакого неприятного запаха нет!» Тогда бл. Бертран сказал привратнику: «Вспомни-ка, сын мой, что я тебе недавно говорил! И поистине не нужно было там ставить носилок, коль не подобает так непочтительно обращаться с сими святыми мощами!»,- и блаженный обоснованно опечалился, ибо в том помещении находились мощи иноков столь образцовой и замечательной жизни, что заслуживали они быть положены в отдельных и почётных гробницах.

[180] Когда некий нотариус по имени Хирбау заболел, его жена пришла к бл. Бертрану просить его помолиться об исцелении своего мужа. Слуга же Божий в часовне св. Викентия увещевал её [мужаться], сказав, что никакое лечение её мужу не поможет (хотя он и не видал его), ибо он непременно умрёт от этой болезни. От этих слов женщину объяло горе, но блаженный утешал её различными доводами, и она подчинилась божественной воле, а через короткое время овдовела.

Анна Гутьеррес, жена нотариуса Хуана Кабрерисо, была до крайности опечалена смертью своего сына, на блистательную будущность которого возлагала надежды, поскольку он весьма прилежал научным занятиям и уже удостоился было звания магистра философии. Эта скорбь сильно вредила её здоровью, и всякий раз, как она заговаривала об этой утрате, казалось, что сердце её разрывается; притом даже в постели она не находила покоя, ибо не только не могла заснуть, но только больше мучилась. Наконец, не вынося скорби, она пошла к бл. Бертрану, но, не найдя его, попросила мужа самого спросить у него, что с ней происходит и не нуждается ли

душа почившего её сына в молитвенной помощи. Слуга Божий сказал ей, что сие ей причиняет бес, чтобы смутить её, а потому она не должна опускать своих обычных благочестивых упражнений, в частности, чтения розария, благодаря чему демон её более не потревожит. Поступив так, она течение нескольких дней полностью освободилась [от уныния].

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА I. О ЕГО ГЛУБОКОМ СМИРЕНИИ

[1] Хотя из того, что было сказано до сих пор, можно с лёгкостью сделать вывод о замечательных добродетелях бл. Бертрана, тем не менее, полезно рассмотреть их здесь по отдельности, начав со смирения, являющегося основой всех остальных добродетелей. Сие свойство проявилось у него в такой мере, что, по утверждению многих свидетелей на процессе, ни у кого из людей не видали больше смирения, а другие добавляют, что оно было ещё и высочайшим. В самом деле, все его усилия и все помыслы устремлялись к тому, чтобы стать незаметным; он называл себя величайшим в мире грешником и желал считаться таковым. Он искал презрения и старался заниматься чёрной работой. В своих делах он почитал себя распоследним и худшим из всего Ордена проповедников. Служа наставником послушников, он приказывал им указывать ему на его недостатки, а когда указывали, премного радовался и таковым подсазчикам отпускал заслуженные прежде наказания. Когда некий послушник, которого блаженный хотел наказать кнутом, сказал ему, что он слишком строг, Людовик ответил: «Правильно говоришь, сын мой!», - и отменил послушнику этому наказание за таковые слова.

[2] Он так радовался презрительному к себе отношению, что, по свидетельству досточтимого отца бр. Доминика Анадона, в таких случаях возвращался в свою келлию и, закрыв двери и окна, благодарил Бога за то, что показал, как низко его ставят. Поскольку же никто не обращался с ним так дурно, как ему хотелось бы, он сам осыпал себя оскорблениями, называя себя хромым, безумным, путаником, плевелом и причиной всех зол. Называл себя головешкой из пекла и говорил, что достоин пребывать среди бесов и вместе с Иудой. Однажды слышали, как он процитировал Теренция, сказав: «Я – Дав, который сам всё запутал» (ср. «Девушка с Андроса», ст. 601, пер. А. В. Артюшкова). Он также говаривал, что причина, по которой многие приходят к нему, состоит лишь в том, что его почитают кем-то вроде цыганки-гадалки, и что когда-нибудь он доболтается. Однажды, отправившись со своим товарищем, братом Иосифом Виудесом, на проповедь в Бетеру, он при приближении к этому селению сказал ему: «Если тебя спросят, кто собирается проповедовать, отвечай: глухой, слепой и страшный грешник».

[3] В обители св. Онуфрия на вопрос брата Антония Каталано: «Кто больший грешник, ты или я?» блаженный ответил: «Я, отче» и продолжил с горячностью: «Правда! Я – величайший грешник из всех, кто есть в мире», а затем ударил себя в грудь, сказав: «О горе тебе, глухой грешник! Поделом наложил на тебя Бог такое множество кандалов». Колодками и кандалами он называл свои недуги, которыми постоянно мучился, о чём будет сказано ниже.

Не раз он спрашивал братьев, верят ли они, что Бог простит его прегрешения и спасёт его, и тут же просил их молить. Ему было весьма досадны проявления

уважения от других, как, например, случилось, когда благородный кабальеро Франсиско Бланьес при встрече поцеловал ему руку и преклонил перед ним колени – в ответ он сам пал ниц у ног Франсиско и смиренно умолял его не делать этого, вопрошая, почему он так унижается перед столь негодным и закоренелым грешником. В равной мере он огорчился, когда к нему обращались по почетному титулу «Ваше преподобие», считая себя недостойным такой чести. Притом на должности приора он запретил (как было сказано выше) употреблять по отношению к нему этот титул, а если кто-то тем не менее делал это, укорял его. Он также запретил это посторонним на том основании, что был страшным грешником.

[4] Если блаженный когда-нибудь, как ему казалось, совершал какой-либо проступок, он без промедления его исповедовал, но если замечал, что его печаль служит дурным примером или причиняет кому-то досаду, тотчас же падал на колени и молил о прощении – как это случилось, когда он болел в Годелье, где патриарх Антиохийский, архиепископ Валенсии, собственноручно кормил его. Ибо, когда присутствовавший там отец-магистр бр. Пётр из Саламанки, пожилой человек, инок великой добродетели и выдающийся проповедник, тоже захотел подать чашечку воды бл. Бертрану, но из-за дрожи в руках пролил, блаженный пошутил, что рука у него подрагивает, как язык (ибо он был заикой), но испугавшись, что мог тем обидеть его, обнял магистра и просил прощения.

В другой раз бл. Бертран разговаривал с тем же магистром из Саламанки и заметил, что утомил собеседника – тут он снова так же, пав на колени, просил прощения, а славный магистр, приписав это простоте блаженного мужа, рассудил, что в таких извинениях нет нужды, и, не желая их слушать, удалился, чтобы избежать продолжения подобного.

[5] Однако на следующую ночь Бог сурово попенял магистру во сне за то, что он не пожелал слушать блаженного, а когда он проснулся и стряхнул сон, ничего делать не стал. Но, получив в последующие ночи такой же выговор во второй и в третий раз, он утром пошёл к слуге Божию и, преклонив колени, просил прощения; и хотя он и до того он считал блаженного слугой Божиим, однако в дальнейшем проникся к нему ещё большим почтением.

Однажды Бертран, выслушав исповедь дон Хуана Боиля де Ареноса, который обвинял себя в гневном чувстве, которое допустил в отношении некоего инока, что-то сказавшего о нём, замер в задумчивости и молвил: «Дон Хуан, скажи-ка мне искренне, не я ли тот инок, что тебя возмутил? Ведь я-то стар; может статься порой, сам не замечу, что творю, а потому и погрешаю». На что дон Хуан ответил, мол, вовсе нет, и никогда он не говорил о нём ничего подобного. И дивился таковому смирению блаженного мужа.

[6] Поскольку он был поистине весьма смирен, то не только охотно слушал речи любого проповедника, но также присоединялся к некоторым из них в качестве спутника, когда они шли проповедовать, пускай они были даже из младших, кого он сам назначил. Когда предмет проповеди его сильно увлекал, он забывал предупредить проповедника об истечении времени, а потом, заметив задержку, просил прощения. И никогда он не презирал ни одного проповедника, каким бы неучёным и малопригодным тот ни был, если не замечал в нём заносчивости и

самолюбования. Смирение его также подтвердилось во время болезни, когда он у многих, бывавших у него, просил руку для поцелуя, а если кто-то отказывался, сносил это с огорчением и продолжал упрашивать, чтобы всё-таки уступили, а также почитали ему Евангелие.

Когда прошёл слух, что один протест имеет обыкновение читать какие-то молитвы над больными, причём некоторые из них таким образом исцеляются, блаженного спросили, не привести ли этого человека, на что он смиреннейше согласился, и несколько дней, в течение которых тот мужик приходил к нему и читал свои молитвы, держался с ним чрезвычайно почтительно.

Если смотритель лазарета подавал ему плохо приправленную пищу, никогда не видано было, чтобы он из-за этого возмущался; наоборот, он всегда благодарил его за оказанные услуги и просил прощения за доставленные хлопоты.

[7] При откровениях, которых он удостоился свыше, он также являл глубокое смирение. В 1578 году он в своей келлии сказал трём или четырём инокам, одним из которых был отец-магистр брат Викентий Юстиниан Антист: «Не знаю, к чему это, но через это окно я видел все события Португальской войны». Один из иноков (Антист. – прим. ААСС) заметил: «Отче, это могло исходить от Бога, а могло и от дьявола, а потому тебе подобает в этом по мере сил положиться на Бога [и молиться Ему*]». Тогда блаженный, пожав плечами и подняв взор к небу, сказал: «Конечно, тут подобает положиться на Бога»; при этом он не только не возмутился словам инока, но смиренно подтвердил их, заверив, что, мол, так часто случается.

А в другой раз он втайне поведал отцу-магистру бр. Иерониму Баптисту де ла Нуса (ныне епископу Альбаррасинскому) о чём-то ином, что Бог изволил открыть ему, и упомянутый отец-магистр, исполнившись рвения, сказал: «Берегись, отец мой, как бы не оказалось это плодом твоего воображения, а не откровениями!». И таково было его смирение, что он ничуть оттого не огорчился и ни словом не возразил.

* Antist, op. cit., p. 345

[8] Когда друг в течение нескольких дней просил блаженного рассказать что-нибудь о милостях, которых он удостоился от Бога, он в итоге ответил: «Даже и не знаю, о чём рассказывать, кроме как о грехах», а когда тот возразил, что хотел бы о том услышать, чтобы предать записи для потомков, слуга Божий сказал: «У них есть Моисей и пророки» (Лк. 16:29), то есть «у вас уже есть Евангелие, учение и примеры святых; этого будет вам достаточно, и ничего другого от меня узнавать не нужно». И добавил: «Люцифер знал больше, чем я, а был низвержен с небес; и Иуда был апостолом и творил чудеса, а потом повесился, чрево его разорвалось, и погрузился он в преисподнюю»; что не раз говаривал ему. Друг возражал: «Пускай это хотя бы мне послужит [в наставление], ведь я-то лишь начинаю служить Богу». «А ты больше ничего не желаешь? – молвил блаженный. – Тогда поди-ка поклонись в ноги Иисусу Христу распятому! Обещаю рассказать тебе больше, чем можешь представить, но знай, что дивные тайны, которых ты жаждешь узнать, мало принесли мне пользы, ибо так и не знаю, угоден ли я Богу или нет. Скажу лишь, что удивительные вещи случаются со мной каждый день, но это меня не заботит, поскольку неизвестно, от какого духа они исходят; мало того, я знаю, что, если Бог не одарит меня Своей

благодатью, то буду осуждён. Да ниспошлёт мне божеское Величество ту милость, чтобы смог я, приняв святыя таинства Святой Церкви, смиренно умереть».

[9] Сверх того, он заверял, что каждый раз, читая или слыша слова св. Павла о «всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины» (2 Тим. 3:7), он неизменно чувствовал в сердце кинжальный укол страха, как бы не оказаться одним из таковых. Помимо того, он утверждал, будто, едва ему хотелось порадоваться дарованной от Бога милости, он чувствовал, как сердце содрогалось от ужасного страха перед проклятием и в то же время он наяву видел, как земля разверзается у него под ногами, а преисподняя поглощает его, ибо Бог, словно бы натягивая удила во рту норовистого коня, устремившегося в пропасть, и нанося сильные удары хлыстом, [отвращал его от падения]. И хотя Людовик весьма ценил этот рабский страх, считая его особым даром Божиим, защищающим от многих грехов гордыни, и уповал превратить его в сыновнюю любовь, всё-таки именно от сего страха происходила его обычная печаль и грусть.

[10] Слуга Божий не довольствовался собственным смирением, но, пока был настоятелем, склонял к сей добродетели и подначальных, а ради этого старался оказываться ниже всех, и ему доставляло радость общение с людьми смиренными и пренебрегаемыми, а также с детьми, и говаривал он, что желающему стать совершенным монахом надлежит занять следующие четыре качества: «Spernere se, spernere nullum, spernere mundum, et spernere sperni» – «Презирать себя, не презирать никого, презирать мир, а также презирать чужое к себе презрение». Он молвил, что нам необходимо всегда ступать по земле с сердечным трепетом, почитая себя убогими и хрупкими, ибо если нынче мы хороши, завтра можем испортиться, подобно св. Петру, ведь он с таким дерзновением и самоуверенностью говорил, что даже если ему предстоит быть убиту, не откажется исповедать Христа и никогда не соблазнится, хотя бы и все остальные соблазнились (ср. Мф. 26:35), а тем не менее немного позже трижды отрёкся от Него и даже божился, что не знает Его (ср. Мф. 26:74). Благодаря этому Пётр так основательно узнал себя, что, когда Христос трижды спросил его, любит ли он Его больше других, огорчился и отвечал смиренно, не смея превозноситься над другими (ср. Ин. 21:15-17).

ГЛАВА II. О ГЛУБОКОЙ ЛЮБВИ К БОГУ

[11] В любви к Богу бл. Бертран достиг такой высоты, что временами казался другим Илией по своей ревности о чести божеского Величества; если до слуха его доходила весть о каком-либо нарушении божественного закона, он до крайности огорчался, а если это допускали его подначальные, сурово наказывал. Эта ревность проявлялась в некоторых случаях, когда в Валенсии совершались некие жуткие преступления против Бога, а он тогда молвил, что есть воля Божия на то, чтобы строго наказать грехи, и возбудил в себе такой святой гнев, что, обратив к небесам лицо и воздев руки, сказал, вторя словам св. Павла из 1 Кор. VII: «Думаю, утверждая сие, я имею Духа Божия» (ср. 1 Кор. 7:40).

Говорил он только о Боге, никогда не вмешиваясь в разговоры о мирских вопросах. Не в его обычае было обсуждать новости или слушать их. Все беседы его склонялись к тому, чтобы направить слушателя к служению Богу и к покаянию в грехах, а для этого он приводил примеры из «Житий святых» и много отрывков из Священного

Писания да грозно увещевал беречься, как бы не впасть в руки разгневанного Бога (ср. Евр. 10:31).

[12] Казалось, он весь горел божественной любовью; и когда однажды он пошел с одним своим другом к роднику близ Русафы, расположенному на поле одного земледельца, по имени Педро Химено, то как по дороге туда, так при возвращении всё время говорил о Боге с таким пылом, что свидетелям сего явилось нечто необычайное, ибо его тело вместе с его душой представлялись небесным пламенем.

Этому сообразно и то, что он самолично при случае сказал одному своему другу: мол, часто случалось так, что, когда любовь к Богу в нём остывала, то стоило лишь принять Св. Таин, он чувствовал такой внутренний жар, что ему казалось, будто тело и душа оказались в распалённой печи. Поэтому-то его слова и проповеди чудесным образом возбуждали благоговение, как было сказано выше в Кн. I, гл. VII, и многие свидетели утверждали, что, возвращаясь с его проповеди, всякий раз чувствовали новые побуждения к служению Богу (в частности, досточтимый отец бр. Иоанн Аларкон, умерший, овеянный славою великой святости). Это стремление служить Богу и всё сильнее любить Его он часто подбадривал в себе такими словами: «Будем служить Богу (ср. Евр. 12:29), ибо Господь благ к нам (ср. Пс. 134:3)».

[13] Когда брат Людовик Примо возвестил ему, что некий брат-послушник Пётр-Иоанн из Сарагосы 29 апреля 1581 года принесёт иноческие обеты, блаженный воскликнул: «Ох, вот бы стать теперь послушником, как этот брат, и снова принести обеты, и начать служить Богу, ведь я ещё и не начал!»

Всю жизнь свою он горячо желал мученичества и каждый день на мессе, вознося святую гостию и чашу, произносил молитву св. Петра Мученика: «Дай мне, Господи, умереть за Тебя, как Ты изволил умереть за меня!» Часто твердил также слова непобедимейшего Викентия (Сарагосского, пам. 22 янв.), произнесённые во время пыток: «Вот то, чего я всегда желал! Вот то, чего я изо всех сил добивался!» Говоря это, бл. Бертран взирал на образ сего мученика и не раз даже плакал при этом. В другой раз он молвил: «О, если бы удостоились мы счастья пойти в темницу ради Иисуса Христа и в цепях брести по этим улицам! Тогда бы мы испытали, как сладостно страдать за Христа, тогда бы основательно уразумели, что писал св. Лука об апостолах, когда они были изгнаны иудеями из своего синедриона: «Пошли апостолы из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (ср. Деян. 5:41). «Но мы, – добавлял блаженный, – не достойны такой милости, как эта».

[14] Однажды он сказал одному из своих друзей: «Я недостойн мученичества, но если бы Бог даровал мне эту милость, я бы с величайшей готовностью принял её и молился бы о том, чтоб подвергнуться величайшим во всём мире пыткам (тут он подражал отцу своему св. Доминику); нет сомнения, что тогда я бы с радостью умер за Него и за Его Церковь Римскую. Точно-точно-точно, без малейших сомнений! Полагаясь на Бога, я говорю это, ибо себе совсем не доверяю, но Бог укрепил меня изнутри твёрдой и прочной верой». Это внушило ему такую пламенную жажду мученичества, что он оставил свою родину, знакомых и обитель, где его все так любили, и отправился в Америку, хотя здоровье не позволяло ему столько путешествовать. Ни кроткие отговоры братии, ни препятствия, чинимые иноками,

не смогли удержать его; мало того, уже после возвращения оттуда он выказывал великую скорбь, что Богу не было угодно дать ему умереть от яда, (как было сказано в другом месте), ведь, по его мнению, то был случай умереть за проповедь Евангелия и ради спасение индейцев от тьмы неверия, и тогда он был бы настоящим мучеником. Но хотя он и не принял там мученической кончины, тем не менее доказал свою необыкновенную любовь к Богу, претерпев величайшие тяготы от холода, зноя, наготы и прочего ради обращения стольких тысяч душ, которые благодаря чрезвычайнейшему своему рвению привёл к познанию Бога.

[15] Когда в Валенсию пришла весть о том, что в Иерусалиме претерпела мученичество женщина, которая перед паломничеством исповедовалась бл. Людовику, он возликовал сверх меры, и хотя был тогда при смерти, сердце его, казалось, прыгало от радости. И сказал он: «О счастливая женщина, которая, если правду написали о ней, стяжала столь славную милость от Бога! А я, грешный, не заслуживаю такой благодати!» С неменьшей радостью он воспринял известие о мученической смерти, которую отец бр. Михаил Арандига Валенсийский из Ордена рыцарей Девы Марии из Монтесы с великой решимостью претерпел 18 мая 1577 года в Алжире.

ГЛАВА III. О ЛЮБВИ К БЛИЖНЕМУ

[16] Любовь бл. Бертрана к ближнему была такова, что он с величайшей нежностью старался утешить каждого и всех стремился обратить к служению Божию. Поэтому часто он выслушивал исповеди утром и вечером, до и после мессы. Услышав о чьём-либо грехопадении, он не только скорбел и плакал, но даже бичевал самого себя, предстательствуя [пред Богом] за проявивших неверность [Ему].

Вот пример. Когда одна женщина из порядочного семейства, охваченная страстью к некоему мужчине, позорно согрешила с ним, он жутко сёк себя до крови, так что совершенно изодрал себе плечи. О преступлении этой женщины, хоть и свершилось оно втайне, он узнал из божественного откровения и однажды вечером пошёл навестить её, где и застал того мужчину, а женщина удивилась его приходу, потому что блаженный не имел обыкновения хаживать к ней в гости. И велел Бертран тому мужчине уйти, потому что, мол, ему есть о чём перемолвиться с этой сеньорой. После того, как он вышел, блаженный разрыдался с такой искренней горечью, что изумленная дама стала расспрашивать его о причине слёз.

[17] Некоторое время он молчал, не в силах слова вымолвить из-за рыданий, а когда наконец овладел речью, молвил, что причина в грехах, которые она творила там с только что вышедшим мужчиной – он указал пальцем на место, где было совершено преступление, прибавив, сколько раз согрешили они. «А чтобы ты увидела, – продолжал он, – как много это значит для меня, обрати сюда свой взор», – и немного оголил свои плечи. Едва женщина узрела, как он из-за неё себя истерзал и услышала его описание своего преступления, которое слуга Божий так горько оплакивал и так жестоко за него себя самого наказывал, разразилась бурным и безутешным плачем и, выказав истинно покаянный дух, молила Бога о прощении слабости своей. Блаженный же ободрил её, велел возложить надежду на Бога, Который поможет ей в дальнейшем никогда не впасть в подобный грех, добавив: «Только позаботься о том, чтобы отслужили мессы, которые ты обещала заказать, если Бог выведет тебя из

этих грехов». Услышав это, она оцепенела от изумления, потому что об этом обете было ведомо только Богу, и испытала такое сердечное сокрушение, что в дальнейшем жила очень даже по-христиански, оправдав утверждение блаженного, что она никогда вновь не падёт.

[18] Нечто почти такое же свершил он и в другой раз. Обручённая девушка, которой настойчиво домогался некий мужчина, по прошествии нескольких месяцев наконец решила уступить ему. И вот как-то ночью она послала ему весточку, чтобы пришёл, и прождала его у окна три часа, поскольку в другие ночи он обычно приходил, но как раз тогда не явился, не желая угодить в ловушку. Она упорствовала в своём нечестивом намерении до утра, когда блаженный навестил её дома и молвил: «Да простит тебе Бог, сеньора безумная, за то, что заставила меня бодрствовать всю ночь и молиться, чтобы ты не пала!» Юная дама весьма удивилась сему и, раскаявшись в содеянном, впредь старалась служить Богу.

Точно так же он был сострадателен к ближним в их нуждах и помогал, сколько мог. Подтверждалось это, прежде всего, тем, что он раздавал милостыню, где бы ни был. Так, например, помимо уже сказанного выше, находясь в обители св. Анны в Альбайде во время чумы, он, несмотря на крайнюю бедность того монастыря, приводил в монастырь, казалось, всех нищих, кого только ни встречал на улицах. Когда бр. Иоанн Перес, изумившись сему однажды, спросил у него, почему он это делает, прекрасно зная нужду братии, блаженный ответил с большим волнением: «Да неужели, брате, нам мало Бога?!» Кроме того, он ходил по улицам и горам, высматривая умерших от чумы, чтобы похоронить их (о чём уже было сказано), не обращая внимания на опасность [заражения].

[19] Что же касается больных, то его милость к ним была весьма велика, ибо помимо частых его посещений больницы ещё до вступления в Орден (о чём было сказано выше), он никогда не отказывал в просьбах прийти утешить недужных, и тем охотнее, чем тягостнее ему было покинуть милую келлию. Он читал над ними Евангелие, молитву св. Викентия и ещё несколько полюбившихся ему молитв. Молитва была такая: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: ...возложат руки на больных, и они будут здоровы (Мк. 16:17-18). Иисус, Сын Мариин, спасение мира и Господь, к вере католической привлекий тебя, да сохранит тебя в ней и наделит блаженством, а по заступничеству Пресвятой Девы Марии и святого Доминика, отца нашего, и блаженного Викентия, и всех святых, избавит тебя от сего недуга!» Притом его присутствие и молитва оказывали такое действие, что многие исцелялись, как будет сказано ниже в гл. X.

[20] Сия милость святого мужа к недужным особенно проявилась при болезни отца-магистра Франциска Алемана (инока, наделённого редчайшими дарованиями, высоко чтимого в Ордене за вежество своё и далеко превосходившего ораторским мастерством всех, кого прежде в течение долгих лет слышали в Валенсии, где он девять Четырёхдесятниц год за годом проводил великопостные проповеди, последнюю из которых принимали с таким же восторгом, как и первую), которому пришлось так тяжело, что доктор Кольядо, известнейший знаток врачебного искусства, велел помазать его святым елеем и, обратившись к своим ученикам, вполголоса скажет: «Этот отец, считайте, уж покойник». Однако бл. Бертран, застав его при посещении без сознания, немедленно отслужил за него мессу, а по её

окончании вернулся весёлый с мощами св. Петра Мученика и молвил болящему на латыни: «Ne metue, non morieris (Не страшись, не умрёшь)» (ср. Суд. 6:23). По этих словах с больным случилось нечто такое, отчего подумали, будто он уже испустил дух, но случилось обратное: горячка тотчас прекратилась. Поэтому врач, увидев произошедшие с ним изменения, велел ему встать с постели, потому что Бог сотворил чудо. Через несколько дней, когда он уже совершенно выздоровел, блаженный при взгляде на него дважды прослезился, а на вопрос о причине, ответил: «О если бы ты знал, отче, как дорого ты мне обошёлся! Знай, что когда я во время твоей болезни служил за тебя мессу, то, держа в руках Св. Тайны, понял, что тебе должно умереть, и поэтому попросил Бога принять мою жизнь за твою, и когда я многократно повторил свои молитвы, мне было сказано, что ты будешь жить, как я и сообщил тебе, принеся те святые мощи».

[21] Блаженный сильно грустил всякий раз, как слышал о вспышках разногласий, и трудился изо всех сил, чтобы унять соперничество. Так он поступил в Альбайде, когда между двумя иноками разгорелась вражда, которая, как считали, могла привести к огромной беде, и не было никакой надежды надлежащим образом всё уладить, но слуга Божий со свойственной ему любовью и благоразумием вернул их к согласию, и всякая угроза грядущих бед исчезла.

Также и заключённым в тюрьмах он помогал со свойственной ему любовью и защищал их, особенно когда им выпадало пострадать несправедливо или по сомнительным причинам.

Узнав как-то раз, что судья намеревается приговорить некоего знатного мужа к отсечению головы, причем дело уже зашло далеко, блаженный, не будучи нечего должен [обвиняемому], кроме долга любви (ср. Рим. 13:8), так занялся его делом, что судья из почтения к блаженному отсрочил приговор, а узник даже вышел на свободу.

Когда вели на казнь преступника и для того, чтобы он выдавал сообщников, часто прижимали ему к горлу нож, блаженный, вспыхнув праведным гневом, сказал, что таким образом ему не один раз причинили смерть, а тысячекратно; и сказал он это с таким воодушевлением, что судьи, будучи благочестивы и не желая оскорблять Бога, велели вернуть преступника в темницу, а в итоге и даровали ему жизнь.

При подобных заступничествах перед судьями, как церковными, так и светскими (когда преступления не были гнусными или не доказанными должным образом), он проявлял ту же беспримерную братскую любовь [к осуждённым], что и к [обычным] несчастным людям, – и спас многих.

ГЛАВА IV. О ЕГО ГОРЯЧЕЙ МОЛИТВЕ

[22] Среди прочих выдающихся добродетелей, украшавших бл. Бертрана, на поистине героической высоте находилась и постоянная молитва его, которой он прилежал день и ночь с таким усердием, будто больше ничем другим ему не приходилось заниматься. Непрестанно молиться Богу – то было для него самым желанным времяпрепровождением и излюбленным занятием. Каждый день он проводил четыре часа в мысленной молитве: два утром и другие два вечером, а ещё полчаса в послеобеденное время ему требовалось на размышление о семи радостях

Пресвятой Богородицы. Болея, он упрашивал служителей лазарета не пускать к нему посетителей в определенные часы утром и днём, чтобы они не нарушили его молитвенного правила. Но когда они входили к нему в келлию, то, как правило, заставляли его молящимся. Ночами он по многу часов бодрствовал в церкви, как с наступления темноты, так и после полуночи, когда, совершив утреню, он иногда оставался там до службы Первого часа, и часто слыхивали, как он плачет.

[23] Брат Иоанн Перес заметил, что когда бл. Людовик шёл к утрени, он едва держался на ногах, а от усталости и немощи двигался, держась за стену, но возвращаясь из церкви, был бодр и укреплен дарованными ему силами.

Молитвы свои он творил то на коленях (от чего они у него покрылись мозолями), то простёршись на полу, согнувшись к коленям и лицом уткнувшись в землю; а то и просто стоя – он всегда искал новый способ молиться. Канонические часы он вычитывал преблагоговейно, а каждый из них предварял антифонами о той или иной тайне Страстей Христовых, которые он разделил таким образом, что каждый из Часов предварялся определенной тайной. Взяв breviарий в руки, он говорил:

«Царю Христе, всемилостивый,
возобладай над сердцами нашими,
дабы хвалы достойные,
Тебе всегда воздавали мы!»

В течение всей своей жизни, несмотря на многочисленные занятия, он никогда не менял времени чтения Службы часов, но всегда совершал её по точно установленному расписанию.

[24] Он был так сосредоточен на молитве, что иногда казался рассеянным и не в себе, причём часто случалось, что, когда его спрашивали о каком-либо деле, он давал ответ совсем невпопад. Нечто в том роде случилось с одним иереем, одним из величайших отшельников и образцовейших мужей того края, когда, навещая блаженного горе Альбайда, он приветствовал его и, обняв, спросил о здоровье, а Людовик, чьё сияющее радостью лицо было обращено к небесам, ответил: «Ах! мы можем быть детьми Божиими!» Из этого иерей уразумел, что блаженный погружен в глубокое созерцание, но, как свидетельствовал отец бр. Андрей Кабрерисо, это часто случалось и при других. Так, замечали, что несколько раз он не только приходил в экстаз, но и само тело его поднималось от земли, что случилось по его возвращении из Монкады в тот же день, когда он проповедовал там.

[25] Ибо, оставив позади слугу, который вёл его лошадь, он зашёл на поле, заросшее высокой пшеницей, в которой спутник не мог бы его видеть. Там он погрузился в столь глубокое созерцание, что его тело поднялось в воздух выше всех колосьев. Между тем мимо проходил некий житель Монкады по имени Батиста Феррер и спросил слугу, что он здесь делает. Тот ответил, что ждёт Бертрана. Услышав это, человек, движимый любопытством, захотел поглядеть блаженного и, взобравшись на возвышение с краю дороги, увидел его в воздухе над пшеничными колосьями.

То же самое наблюдали некоторые индейцы в Тубара, которые, случайно заглянув в хижинку, где его разместили, увидели его на высоте примерно пол -локтя от земли, как было сказано выше.

Св. Лука говорит о преображении нашего Господа: «Когда Он молился, вид лица Его изменился» (ср. Лк. 9:29), то есть лик у молившегося Христа просиял, как солнце (что должно было подтвердить святость молитвы). Так и от лица блаженного, когда он молился или говорил о Боге, могло исходить лучезарное сияние; и бывало так довольно часто.

[26] Пустынник из Кульеры по имени Михаил Понс, прибыв в Валенсию, пришёл навестить бл. Бертрана, с которым был связан близкой дружбой, и постучал в дверь его келлии. Когда блаженный отворил, пустынник увидел лицо его, сверкающее ярким сиянием, что вызвало у него изумление и одновременно страх. По утверждению Крестобала Феррера (валенсийский нотариус, сорок девятый свидетель на процесса, начатом по велению Сикста V), часто случалось так, что, подходя к келлии блаженного и желая зайти к нему, он бывал вынужден отступить и не смел войти, заметив ярчайший свет. То же самое в той же обители испытал на собственном опыте отец бр. Михаил Эррера. Однако в другое время лицо у Бертрانو было бледно и землисто, как свойственно людям, утомлённым работой. Подобно тому и в Монкаде, когда он облизывал языком язвы Эсперансы Асенси, тотчас же впал в экстаз, и лицо его точно так воссияло, о чём будет сказано ниже (гл. IX, п. 90. – прим. пер.). В монастыре св. Анны в Альбайде досточтимый отец бр. Иоанн Аларкон часто замечал сквозь дверные щели сверхъестественный свет, сиявший от него.

[27] Франсиска Феррер, жена кабальеро Мигеля Хуана Бенейто, в среду Страстной недели за год до смерти бл. Людовика, придя к нему на исповедь, в тот миг, как склонялась у стоп его, увидела такое сияние от его лица и рук, будто он был святым, сошедшим с небес, и почувствовала сладчайшее благоухание, исходившее от его одеяния, а потому после исповеди уходила оттуда в полноте радости и будто бы встав от ног святого, уже облечённого славою.

Другой подобный опыт пережила Хуана Маракилья в то время, когда бл. Людовик лежал в больнице товарищества Св. Марии Девы, заведовал которой её брат дон Херонимо. Донья Хуана пришла дать блаженному какое-то лекарство, а с нею была горничная, несшая в руке горящую свечу, потому что в той комнате были закрыты все ставни и света не доставало. Когда свеча погасла, а помещение погрузилось в густую тьму, служанка вышла зажечь её, и в тот же миг там вспыхнуло такое яркое сияние, что всё стало отчётливо видно; и сияние это продолжалось до тех пор, пока горничная не вернулась с зажжённой свечой.

[28] Также, когда в Вознесение Господне 1573 года блаженный читал проповедь в валенсийской церкви св. Михаила, некий врач узрел, что его лицо и одежда сияли, а сам он поднялся над кафедрой.

В американском селении Момпос капитан Фердинанд де Бентакур вошёл однажды ночью в хижину, где размещался бл. Людовик Бертран, не имея при себе ни факела, ни свечи, но увидел свет как бы от множества горящих свечей и блаженного на коленях перед своим алтариком да двоих мужей при нём, о чём упоминалось выше (кн. I, гл. XVII, п. 112, где, однако, капитан назван Бернардом. – прим. пер.).

Слуга Божий вошёл вместе с блаженным братом Николаем Фактором в келлию св. Викентия Феррера, и когда оба они сосредоточились на молитве, озарил их великий свет, да так, что находившиеся там о. Лука Портинья, настоятель кафедрального собора Валенсии, а также спутник бл. Николая подбежал, чтобы увидеть великолепие, и увидели, однако, двоих упомянутых блаженных, прежде чем это сияние прекратилось, [рассмотреть не могли].

[29] Хотя то, что было рассказано доселе, и так убедительно доказывает молитвенный пыл его духа, наипаче он всё же благоговел перед Святейшим таинством алтаря; из-за блаженства, каковое он получал от мессы, никогда не пропускал служения её, за исключением случаев, когда ему препятствовала тяжёлая болезнь. Величайшую радость он испытывал в день Рождества Христова, когда разрешалось отслужить три мессы, как и в день Всех усопших, когда отцы-проповедники во всей провинции Арагон по особому разрешению Юлия III тоже трижды литургисают.

Бл. Бертрану было прописано утром и вечером принимать определенные снадобья против глухоты, которые, как надеялся врач, должны были поглотить в нём ядовитые, как бы разъедающие влаги, однако он не переставал литургисать. А когда никакое лечение не помогло, предположили, что, возможно, ему до поры до времени вредно служить обедню, однако он желал продолжать, заявив, что состояние здоровья его не заботит, пока его достаточно, чтобы служить её. И хотя силы его ослабели настолько, что после мессы он не держался на ногах, а иногда даже падал наземь, он всё-таки не хотел лишаться этого священного утешения. Когда ему препятствовали чрезмерные обострения недуга, он каждый день вкушал святую Евхаристию, а чтобы с должной чистотою душевной принять Св. Тайны, исповедовался и накануне вечером, и повторно утром.

[30] А литургисал он с таким благоговением, что вдохновлял им даже окружающих, и плакал большую часть мессы, особенно от мига освящения Даров до причащения. Брат Иоанн Перес часто помогал ему во время сего святого Жертвоприношения, и он утверждал, что, пока длилась месса, лицо было блаженного весьма сияло. Также и Херонимо Абелья, часто здесь упоминаемый, при посещении его месс в обители св. Анны в Альбайде, наблюдал, что бл. Людовик, когда в церкви не было никого, кроме Абельи и его пажа, обычно на добрую четверть часа замирал со Святейшим Таинством в руке, прежде чем принять оное в уста, и всегда плакал при этом, а лицо его становилось как хрусталь, и вокруг Святейшего Таинства и головы блаженного виднелся большой сияющий круг. По этой причине, когда тот же Абелья возвратился из Бельхиды, паж его (а было ему тринадцать лет, и звали его Мелькьор Маньес) однажды сказал: «Видели ли вы, сударь, каким сиянием было окружено лицо отца бр. Людовика, когда он плакал со Святейшим Таинством в руке?» «Молчи, – ответил дон Абелья, – и ничего не говори о том, что видел».

Тот самый Мелькьор Маньес, впоследствии оставивший службу у упомянутого Абельи, два года служил отцам в монастыре св. Анны, где иногда в то время помогал бл. Бертрану при литургии и часто видал, как на него, когда он держал в руке Святейшее Таинство, сходило белоснежное облако и образовывало некие светозарные своды, подобные пылающему лику.

[31] О. Иоанн-Марк Корбера, настоятель церкви св. Иоанна-при-Рынке в Валенсии (ныне больше известна под названием Церкви святых Иоаннов (Крестителя и Богослова). – прим. пер.), пришёл в обитель св. Онуфрия, когда приором там был бл. Бертран, с целью совершить генеральную исповедь, каковую и исполнил. На следующий день (а то была Масленица), прежде чем уехать, он решил сослужить блаженному на мессе, которую тот должен был совершить у главного алтаря. И случилось так, что когда в руке у Бертрана было Святейшее Таинство, лицо его весьма ярко сияло, и от него исходили какие-то светозарные лучи. Настоятель в изумлении поднялся на ноги, чтобы посмотреть, что там за свет и откуда может исходить это сияние. Но не обнаружил ничего, кроме двух алтарных свечей, да и то отстоящих далеко от блаженного. Когда он убедился, что в церкви из-за закрытых ставен темно, то увидел, что это лик блаженного, подобно луне, распространяет вокруг себя тот великий свет, а сам блаженный, устремив взоры на Святейшее Таинство, нежно улыбается. Увидев сие, священник изумился и сказал себе: «Воистину, этот человек видит Бога своими глазами!»

ГЛАВА V. О ЕГО СУРОВОМ УКРОЩЕНИИ ПЛОТИ

[32] Хотя Бертран получил величайшие милости от небес, однако он никогда не оставлял усвоенной суровости покаянного подвига, потому что, как было сказано выше, одновременно он проникался смирением, и эти самые милости заставляли его ещё ниже ценить себя и считать себя ещё более тяжким грешником. Из-за этого он всегда жил в жутком страхе перед своим осуждением, и потому его покаяние было до необъяснимости суровым и чрезвычайным, причём длилось не просто какое-то определённое время, но до конца его жизни.

С юных лет он начал томить своё тело постами и бдениями, и таково было его постничество, что представлялось невероятным, как человеческое тело могло поддерживаться столь малым количеством пищи. Ему было недостаточно постов его Ордена, которые держат в течение семи месяцев от праздника Святого Креста в сентябре месяце до Пасхи Воскресения Господня, а кроме того, всех пятниц и других некоторых особых дней, но он постился всегда, довольствуясь тем, что позволял Орден, а это очень мало, причём из своей доли ещё и откладывал часть для раздачи нищим, как уже говорилось.

[33] Чтобы не потакать своему вкусу, он ел пищу без соли, а часто также spryskival её алоэ, а когда его спросили, что делает, молвил, якобы это для него полезно. Когда однажды он какому-то мирянину сказал, что тошнит его от еды, и помимо тех хлебцов, что ему дают, не проглотил бы и кусочка; то получил ответ: «Кто мог бы отведать пищи Вашего преподобия, коли вы spryskivaete её алоэ?!» Услышав это, блаженный понял, что его секрет известен, страшно застыдился и умолк.

Во время болезни он не желал никаких лакомств, и если ему их давали, то отправлял в лазарет, а сам ел то, что предоставляла обитель. Однажды в пору чтения им великопостных проповедей в Монкаде за обедом в доме Хосе дель Кампо подали некую морскую рыбу, но блаженного никоим образом не удалось склонить её отведать: он ссылался на то, что несправедливо было бы, проповедуя воздержание, самому есть пагель (так называется эта рыба).

Так же он поступал и в других случаях, принимая только овощи и травы.

[34] Бдения его были продолжительны до чрезвычайности, потому что большую часть ночи он проводил в молитве, поздно ложился, вставал весьма рано, обязательно посещал утреню, после которой часто оставался в церкви до утра, а если и возвращался к себе в келлию, то посвящал время работе или, если уж сонливость не позволяла, коротенько отдыхал, обычно стараясь встать пораньше.

Его кровать представляла собой скамейку или ящик с двумя книгами вместо подушки, а в [настоящей] постели он никогда не лёживал, но всякий раз растрёпывал её, будто бы лежал в ней – именно так он поступал тогда, когда ночевал вне обители, уйдя на проповедь. Более того, сочтя, что спать на ящике слишком мягко, он сделал себе из грубой и жёсткой ткани перевязь всю в узлах и обмотался ею, из-за чего ему было больно, в какую бы сторону он ни повернулся. Когда врачи заставили его лежать в кровати раздетым из-за тяжёлой болезни, он даже в раздетом виде изыскал способ покаянного подвига, не давая своему бедному телу вкусить отдыха.

[35] Незадолго до смерти блаженного отец бр. Иоанн Лескано, навещая его, просил протянуть для поцелуя руку, которую бл. Бертран держал под покрывалом, а тот из скромности отказался. Тогда упомянутый брат упрямо сунул руку под нагрудник и обнаружил кирпич, который блаженный вложил себе под плечи между голой плотью и рубашкой. По этой причине бр. Иоанн воскликнул в изумлении: «О отец мой, брат Людовик, что ж ты творишь – ты же болен!» – «Отче мой, – отвечивал ему святой муж, – уже близится день, и скоро тебе должно будет преставиться на небеса; однако заклинаю тебя не открывать сего никому из людей, живущих в мире.»

Вдобавок к вышеописанным умерщвлениям плоти он носил власяницу, и хотя тщательно это скрывал, но когда отдавал в стирку рубашку, в ней всегда находили застрявшие щетинки. К тому же иногда он опоясывался чрезвычайно колючей железной цепью, а когда он отправился в Америку, открыли ящичек, находившийся у него в келлии, и обнаружили большой запас кнутов и других орудий покаяния, которые всегда были у него под рукой.

Как-то на упрек своего друга, зачем, мол, он так сильно себя высек, блаженный ответил с веселым видом: «Ну а чего ты ещё ждал от такого дурня?» Таким образом он отражал всякое тщеславие, которое грозило подкрасться к нему из-за [вышеописанных подвигов].

ГЛАВА VI. О ЧИСТОТЕ И ЦЕЛОМУДРИИ ЕГО

[36] Так как Бертран с детства всегда ходил в великом страхе Божиим и жизнь вёл ангельскую, то легко заключить, какова была чистота его и целомудрие, ибо он никогда не говорил ни о чём, кроме небесных предметов. Поэтому он был не просто целомудрен, но и девствен. Никогда не исходило из уст его слово хоть сколько-то неприличное, а когда он вёл беседу о целомудрии, то с таким пылом склонял к ней слушателей, что поневоле обнажал целомудреннейший дух свой. Всё это засвидетельствовал Лоренсо, нотариус из Перпиньяна, который знал блаженного с пятилетнего возраста и поддерживал с ним знакомство как до, так и после того, как

он принял иночество, и был его спутником во многих путешествиях. Он был уверен, что блаженный в день своей смерти оставался таким же девственником, каким явился на свет. Но также и другие, восхищаясь его замечательной чистотой, почитали его скорее за ангела, чем за человека.

[37] Он был так необычайно стыдлив, что даже если у него возникала какая-нибудь болячка, он никому не позволял коснуться своего тела рукой. Он никогда не поддерживал близкого знакомства с женщинами, а когда разговаривал с ними, то делал это либо для того, чтобы дать душевное утешение в беде, либо чтобы наставить их на пути служения Божия. Да и в таких случаях он был настолько сдержан, что после нескольких слов удалялся; если же они возражали, прося поговорить ещё, он молвил: «Ступай, дочь моя; я не забуду молить Бога за тебя», и отпускал. Особенно строго он придерживался этого правила в Америке, где он никогда не принимал к себе на службу женщин, хотя в тех краях верующие индианки помогали катехизаторам и приходским священникам. Кроме того, многие из уважаемых лиц утверждают, что никогда не беседовали с человеком более скромным, в котором бы ярче сияла душевная чистота и искренность, по каковой причине он пользовался исключительным почтением и слыл святым.

[38] Замечательное тому доказательство мы находим в том случае, когда он противостал диаволу, живя среди индейцев. Ибо они в Тубара, наблюдая непорочную жизнь благого отца и его любовь к уединению, захотели испытать его честность и подослали лукавую и хитрую женщину, которая подстрекала его оскорбить Бога [прелюбодеянием]. Когда она хитро вызвала его наружу и с дьявольской ловкостью пыталась подбить на грех, блаженный, сорвав с себя пояс, отогнал её ударами. Тогда женщина молвила: «Прости меня; я затеяла это не по своей воле – принудили меня силой». - и объяснила, как индейцы подговорили её на такой бесчестный поступок. Впрочем, это событие подействовало на них так благотельно, что его добрая слава среди них не только утвердилась, но и возросла.

[39] Другой случай описан архиепископом острова Св. Доминика в «Мексиканской истории Ордена проповедников». А именно: когда бл. Людовик проповедовал в Новом королевстве Гранады, некто из видных мужей, весьма чтивший его, восхищавшийся его святостью и любивший общение с ним, воспытал недолжной страстью к некоей достопочтенной женщине, чья крепкая твердыня чести непрерывно подвергалась терпеливой и продуманной осаде, и в конце концов пронырливый ухажёр, наобещав золотых гор, подбил её на грех, в котором оба и закоsnели. Бертран, сверх всякой меры уязвленный этим делом и стремясь исполнить свой долг, смело укорил блудника, но он, как бы с головой погрузившись в море сих похотей, отмахнулся от слов блаженного. Поскольку же тот, исполнившись ревности, вновь обращался к нему и повторял упрёки, сначала мягко, потом резче, блудодея взяла досада, и так далеко зашло его ослепление, что вместо того, чтобы согласиться с блаженным и исполнить его здравые советы, он внял внушениям диавола и попытался осквернить святость целомудреннейшего отца.

[40] С этой целью он дал приличную сумму какой-то распутной девке, чтобы та гнусными своими ухищрениями попыталась запятнать чистоту целомудреннейшего инокa. Она была красива, на удивление привлекательна и пышно наряжалась с прихотливым изяществом, внушая надежду, что благодаря своим дорогим платьям

добьётся большего и менее подвергнется осуждению, ведь в любом случае она покажется дамой высокого положения и как особа достаточно важная сможет запугать блаженного, заставив молчать о греховных делах [блудника]. Наглая бабёнка пришла в то время, когда блаженный пребывал в полном одиночестве, около полуночи, и, обнаружив, что ворота убогой обители, где он жил, закрыты, позвонила в колокольчик. Человеколюбивый отец бодрствовал и, исходя из позднего часа, предположив, что его вызывают, чтобы исповедаться, или по какому-нибудь другому срочному делу, поспешил со светильником ко воротам, но прежде чем отворить, спросил, кто, мол, там и от кого. Ну она и поведала ему о своей нечестивой цели, расписав её в самых привлекательных красках.

[41] Услышав это, бл. Людовик до глубины души утрашился, несколько раз перекрестил себе лоб и сердце и, попрочнее заперев ворота, вернулся в церковь, где бичевал себя сурово и с необыкновенной жестокостью, отчего удары звучали с такой яростной звонкостью, что любопытная женщина, еще не до конца лишившаяся надежды, была привлечена шумом и попыталась подсмотреть, в чём дело. Для этого она подошла к церкви и, внимательно всмотревшись сквозь щель, увидела причину шума, а также и то, как отец, после долгого самобичевания не менее долго молился, чтобы (как он сам позже утверждал) Бог избавил его от дьявольских ухищрений. Говорят также, что после самобичевания блаженный, обессилев, распростёрся на земле, и явились ему Мария Магдалина и Екатерина Александрийская, и укрепляли его, что это видели спутники женщины, и что они опознали святых по их атрибутам.

[42] По прошествии трех часов отец, вернувшись к воротам обители, нашёл ту же женщину, и насколько прежде она была упряма во зле, настолько же сильно изменилась теперь и прониклась таким страхом, что не смела вернуться домой. И молвил ей отец: «Ступай, дочка, с миром, и берегись, не покушайся в дальнейшем ни на что подобное, чтобы Бог не наказал тебя, когда ты меньше всего будешь этого ожидать!»

Ну а сам вдохновитель злодеяния погрузился в такую скорбь, что на следующий день, припав к ногам отца, в слезах молил о прощении и заявил, что готов исполнить любое повеление. Блаженный отец принял его с обычной своей кротостью и дал ему здравый совет, а он в сердечном сокрушении послушно исполнил епитимию. Таким образом бл. Людовик отвоевал две души и оставил нам достойный пример своего целомудрия.

[43] Другим подтверждением девства бл. Бертрана является сверхъестественное благоухание, которое источало его святое тело не только после смерти, но и за много лет до неё; сей милостью Бог почтил многих святых и целый ряд девственниц. Об отце нашем св. Доминике написано, что некий студент, пытаясь поцеловать ему руку, почуял нежный запах и благодаря оному был избавлен от чувственного искушения. Общеизвестно, что св. Викентий Феррер, св. Фома Аквинский, св. Екатерина Сиенская и многие другие святые, которые были девственны, являли сию благодать – так же и наш бл. Бертран, причём не раз и два, но чрезвычайно часто и много лет, прежде чем он умер, а уж тем более после смерти. Бесчисленно множество тех, кто свидетельствует об этом благоухании.

[44] Брат Антоний Каталано из монастыря св. Онуфрия молвил, что от рук блаженного исходил необычайно приятный запах, такой же, что и поныне источает казула, которую надевал святой Викентий Феррер, доселе хранимая в Альканьисе.

Франсиска Феррер, часто ходившая к бл. Людовику на исповедь, уверяла, что чуяла от него и от его рясы какой-то райский аромат, о чём будет также говорится в главе о молитве блаженного. Виоланта Гинкар после исповеди у него, выходя из исповедальни, ощутила сладостнейший запах. Отец бр. Мельхиор де Морелья утверждал, что всегда в его присутствии обонял тот же благовонный запах, который его чрезвычайно бодрил; и часто во время общего пения антифонов с молитвою «Славься, Царица», опустил взор долу, чувствовал по тому же запаху, когда мимо проходил блаженный. Первым из иноков, кому прислуживал брат Пётр-Иоанн Сарагоса (ныне ректор коллегиума Ориолы) во время своего послушничества, был бл. Бертран, и когда тот разоблачался в ризнице, было заметно, что от его священных одеяний исходит приятнейший запах.

[45] Также и ухаживая за блаженным в келлии в течение полугода, когда он страдал своей последней болезнью, названный брат обонял тот же самый запах, который прежде ощущал в ризнице, и возобновлялось это всякий раз, как прикасался к его одеждам и книгам.

Очень похожее свидетельство дал и брат Иоанн Бага, утверждавший, что с первого раза мог угадать по запаху, что он исходит от бл. Бертрана, поскольку не был похож ни на один из земных запахов. Точно так же врачи Луис Кольяпо и Хосе Регуарт, которые обычно посещали его, свидетельствовали, что, несмотря на свои недуги, от которых он должен был бы вонять, он дивным образом благоухал, в чём они убеждались всякий раз, когда подходили к его постели, чтобы пощупать пульс; так что Регуарт, чтобы выяснить причину, внимательно осмотрел одеяла и белье на кровати и был очень удивлен необыкновенным оттенком запаха, не похожим ни на цветочный, ни на мускусный, ни на амбровый.

[46] Помимо того, сие благоухание чувствовалось не только при его жизни, но и по смерти, что известно от бесчисленных свидетелей, один из которых, благородный кабальеро Франсиско-Луис Бланьес сказал, что обонял тот запах при жизни Людовика, но, к удивлению своему заметил, что аромат стал гораздо сильнее, тотчас когда блаженный испустил последний вздох. А прежде чем труп облачили, кабальеро лобызая из великого благоговения стопы ему, изумился тому, как усилился сладостный запаха; даже стал озиаться в поисках возможного источника благовоний, но, не обнаружив ничего подобного, тем паче удивился, ведь от тела бл. Бертрана должен был бы исходить, наоборот, [смерд], поскольку голени у него были покрыты гнойниками, да и пролежал он больным в постели очень долго.

То же самое утверждали и разные люди; например, Филиппо Фусет, гражданин Валенсии, который также заходил в келлию блаженного после его смерти, и другие, [приблизившиеся] к телу, когда оно лежало непогребённым в церкви; в частности, Гаспар Гари, субдиакон, который, лобызая ему руки, вновь обрёл чувство обоняния, утраченное им более тридцати лет до того, и вдохнул сладчайшее благоухание, о котором ещё пойдёт ниже.

[47] Сверх того, то же самое благоухание ощущалось в день перенесения его мощей в гробницу, где они покоятся и поныне, равно как и сразу при вскрытии гроба, где он был положен сначала, чему, в частности, были свидетелями Хосе Монлеон, студент, дон Энрике Феррер и Франсиск Васьеро, нотариус.

Из всего этого явственно следует, что бл. Бертран был целомудрен и девствен. Есть ещё кое-что в сильное тому подтверждение, а именно то, что он сам, живя в Америке, сказал одной даме, бывшей у него на таинстве исповеди, что сохранил своё девство по милости Божией и что он так же девствен, каким вышел из чрева матери.

ГЛАВА VII. О ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ, КАКОВЫЕ ЕМУ ПРИШЛОСЬ ПРЕТЕРПЕТЬ

[48] Богу угодно упражнять друзей Своих в добродетели терпения, и с этой целью Он ослабляет узды бесов, чтобы они могли досаждают им неприятностями и преследованиями, посредством коих добродетель сия может проявиться и просиять во всём мире и на все века. Поэтому бесовские нападения многополезны рабам Божиим, дабы они паче и паче очищались и украшались славными победами, вызывающими в людях удивление, а в ангелах ликование, да прибавляющими славы божескому Величеству.

Бл. Бертран не достиг бы такой высокой степени святости, если бы не устраивал ему диавол ловушек и не нападал на него, ибо оружием покаяния и молитвы в открытой войне против самого диавола блаженный, подобно новому святому Антонию, одерживал тайные победы. Кстати, он сам сказал одному другу: «Ты бы удивился, брате, если бы знал, какие неприятности мне причиняют бесы. Иногда они выбрасывают меня из помещения, где я сплю, и вынуждают защищаться руками; однажды даже поколотили меня палками; ещё пытаются устрашить меня ужасными видениями, чтобы помешать молиться; однако по милости Божией они всегда в итоге отступают постыжённые».

[49] Ещё одному человеку он рассказал, что, проходя ночью через церковь в валенсийской обители, он увидел беса со свирепым лицом подле кропильницы со святою водой, который стоял там, видимо, для того, чтобы помешать прикоснуться к этой воде, ненавистной ему.

В Америке на него жестоко нападали бесы, ибо часто, когда он восходил на какую-нибудь гору ради молитвы и самобичевания, они осыпали его ударами, причём некоторые люди, тайно следившие за ним, слышали, как он сетует, говоря: «Оставьте меня, предатели!»

Колотили они его и в Тубара, в его маленькой хижине, как было говорено выше; и там же он перенёс от них тяжелейшие неприятности за обращение в христианство и крещение одного из первенствующих мужей, старого и больного.

[50] И будто мало было бесам самим так свирепствовать против него, они ещё и людей подстрекали чинить ему неприятности. Среди людей же были такие, что, завидуя славе его святости, клеветали на него, распространяя оскорбительную ложь: мол, он лицемер, обманщик и невежда; а блаженный всё это переносил с величайшим терпением и без малейших проявлений каких-либо чувств. В Чипакоа, когда он был в церкви вместе с Франсиско Риберой, к нему подошла некая особа, который в порыве гнева обрушилась на него с бранью, на что слуга Божий с

исключительной кротостью и радостью ответил, что она всё правильно сказала, и попросил прощения, потому что, мол, он тяжко грешен. Но когда Рибера попытался защитить блаженного и обратить все оскорбления и проклятия, обрушившиеся на него, на голову клеветника, Бертран воспротивился и помирил споривших.

[51] Когда блаженный в Валенсии не счёл полезным принять нескольких родовитых кабальеро, они, возмущившись и жаждая мести, договорились, что один из них притворится тяжелобольным и велит позвать к себе в некий дом (скорее всего, публичный. – прим. пер.) слугу Божия. Добившись задуманного, они, позабыв свою родовитость, стали там с недостойными ужимками дразнить его и оскорблять словесно, называя недостойным монахом, которому любо шастать по таким-то и эдаким домам. На это блаженный ответил со свойственной ему кротостью и обычным терпением: «Я-то, господа, был в своей келлии – это вы привели меня сюда. Что же до сказанного о моём нечестии, то в этом меня никто лучше вас не понял». И так, охотно пострадав от них, он вернулся в свою обитель.

[52] Дьявол старался, сколько мог, его обесславить, чтобы погубить плоды его проповедей. Капитан Санчес свидетельствовал, что некий клеветник обвинял его в том, что прижил двоих сыновей от двух неверных индианок, и тот капитан якобы воспитывал их в своём доме. Страшно прогневавшись на ту клевету, упомянутый капитан велел позвать к себе её измыслителя под предлогом обсуждения дела великой важности, но тот не захотел прийти. И сказал ему Санчес: «Трус, откуда у тебя столько наглости клеветать на столь святого мужа?!», - и тут же ткнул его мечом в лицо, ранив. Услышав о том, блаженный весьма глубоко огорчился и сетовал при нём, обвиняя себя в том, что на самом деле он ещё грешнее, чем говорят.

[53] Подобным же образом побудил бес клеветать на блаженного некую индианку по имени Маринитта. Она была наложницей одного испанца, от которого у неё были дети; и вот, чтобы избежать наказания, которое мог наложить на него следователь, посланный от епископа, испанец тот убедил её приписать вину бл. Бертрану. Дурная молва разошлась по всему тому краю к огорчению для всех добрых людей, имевших об отце самое высокое мнение. Можно предположить, и он сам проведал об этой неправде, но утешался вместе со Христом распятым. Впрочем, Богу было угодно, чтобы после расследования открылась истина; когда же алькальд вознамерился наказать прелюбодея того, слуга Божий вступился за него и выпросил для него прощение, а когда спутник блаженного убеждал его, что нужно позволить злого этого клеветника покарать, возражал: «Молчи, любезнейший брат мой; не во всяком случае должно поступать по строгой справедливости, а подобает немножко потерпеть да из любви к Богу и пострадать». Мало того, что блаженный простил клеветнику обиду, но после отмены наказания постепенно сблизился с ним, а потом между ними даже завязалась тесная дружба.

[54] Был и другой случай, ещё раз показавший, как глубоко был привержен блаженный евангельскому учению, которое повелевает добротворить врагам своим. Он упрекнул двух человек в кое-каких пороках, а они в отместку обмазали нечистотами дверь дома, где гостил блаженный, как это обычно делается, чтобы кого-либо опозорить. Даже это он снёс терпеливо и с радостным сердцем; однако Бог, Который заботится о чести Своих, наказал негодяев, попустив, что один из них внезапно умер, а по смерти выглядел чёрным как смоль; другой же, быть может,

менее виновный, впал в недуг и несколько лет тяжело мучился; его приходилось держать за руки и ноги, ибо он дошёл до того, что даже в здравом уме сам себе обмазывал лицо нечистотами, как прежде – двери Бертрана.

ГЛАВА VIII. О ЕГО ПРОПОВЕДЯХ

[55] Слуга Божий весьма радел о спасения душ, способствуя тому не только увещаниями наедине, но и прилюдными речами, которые он произносил непрерывно (если только ему не препятствовало нездоровье) во всех местах, где жил, ибо благодаря доброй славе о его добродетели и святости блаженного охотно слушали и ради духовных плодов радушно принимали во всех церквях.

Соответственно, он часто читал проповеди в кафедральном соборе Валенсии, в приходях и в своей обители. Он также некоторое время проповедовал в детском доме св. Викентия Феррера, разъясняя христианское учение. Помимо того, инквизиторы просили его держать речь во время публичного акта инквизиции, но он смиренно отказывался. Однако следовало сделать это хотя бы раз, и он уступил. И хотя тогда по причине многочисленных недугов грудь его была полна мокроты, а горло охрипло, он даже несмотря на большие размеры площади и огромное количество слушателей был хорошо слышен всем, как свидетельствовал доктор Хайме Эрнандес де Эриа, прокурор Священной канцелярии, утверждавший, что таким образом Бог тогда изволил вознаградить заслуги блаженного.

[56] Он не имел привычки загодя приглашать своих слушателей на [предстоящую] назавтра [проповедь], ибо по смирению своему то и дело называл себя не проповедником, а убогоньким глухим. Хотя он и не прибегал к риторическим украшениям для услаждения слуха, ему всё же внимали, потому что слово Божие, исходившее из уст его, производило чудесные действия. Он настойчиво убеждал (подражая славному отцу св. Доминику) молиться на розарии и, как правило, обязательно приводил какие-нибудь примеры замечательных милостей, которые Матерь Божия даровала тем, кто читал Розарий, чему он был чрезвычайно привержен. Также с сыновней нежностью просил творить молитвы за души, томящиеся в чистилище.

Не менее настоятельно он призывал слушателей творить покаяние и избегать поводов ко греху, что приносило обильные плоды, ибо сам он был бледен и весь истощён, изнурён и обессилен, являя живой образ покаяния.

О содержании предстоящей речи он советовался с Богом и в своей келлии перед проповедью, и в ризнице храма, где должен был молвить слово, а оттуда выходил с таким ясным ликом, что несколько раз видали, как оно излучает сияние, о чём упоминалось выше.

[57] Он был суров в обличении грехов, особенно если они совершенны против общественной нравственности, и некоторые воспринимали это с таким раздражением, что даже грозили ему смертью, но святой муж не пугался угроз, напротив, тем паче выказывал непобедимый дух и отвечал, что охотно претерпит за Иисуса Христа любые невзгоды от них, но не прекратит говорить, что думает.

Когда он возглавлял обитель св. Анны в Альбайде, в одной проповеди, обличающей общественные грехи, он уязвил провинившегося знатного мужа, возвестив о нём

некоторые подробности. И вот, когда блаженный вышел из церкви в сопровождении слуги по имени Франсиско Мора, чтобы отправиться в гости к некоему человеку по имени Мотон, указанный дворянин через одного из своих подручных сообщил Бертрану, что уничтожит его, если он прилюдно не откажется от своих слов, сказанных в проповеди; причём объявлено это было в присутствии упомянутого Мора и других лиц.

[58] Блаженный с обычной своей кротостью ответил, что почтёт за счастье для себя и блаженство, если ему доведётся умереть за то, что проповедовал, ибо таким образом он станет мучеником и обретёт особую милость Божию.

На следующий день блаженный, а с ним всё тот же Франсиско Мора, возвращались в обитель из селения, находившегося от него на большом расстоянии, и увидели знатного того мужа, скакавшего галопом им навстречу с пистолетом в руке. Мора в полном ужасе уговаривал блаженного уклониться от встречи, настойчиво стараясь спасти как отца, так и тем паче себя самого, но тот, уповая на Бога, бесстрашно продолжал свой путь. Вельможа, приблизившись, с перекошенным от ярости лицом и охрипшим голосом разразился такими словами: «Нахальный монах, как ты смеешь меня упрекать?!» И тут же, обратив ствол к груди невинного инока, он взвёл курок, чтобы убить его.

[59] А Бертран без малейшего признака постыдного страха, поднеся десницу к стволу, осенил его крестным знаменем, и вот – адское орудие тотчас сломалось, гораздо серьезнее, чем обычно, как показалось кабальеро, который, взглянув на пистолет, увидел (чудо так чудо!), что тот принял образ распятия. Потрясённый неожиданным оборотом событий и сокрушившись сердцем, он спешил, вернее, бросился с коня, весь трепеща и заливаясь горькими слезами, и пал к ногам блаженного, смиреннейше прося прощения. А слуга Божий по обычному своему милосердию утешил его и отпустил. Затем же, обратившись к Море, большим пальцем правой руки прочертил у него на груди крестное знамение, повелев никому не рассказывать о случившемся, пока он жив. «Впрочем, – добавил, – тебя не будут спрашивать об этом раньше, чем через тридцать лет». А что всё так действительно и было, означенный Мора засвидетельствовал, когда его в первый раз вызвали на процесс в 1598 году, чтобы подтвердить своим свидетельством столь чудесный случай. В этом блаженный оказался пророком, а не только святым.

[60] Двое высокопоставленных мужей к общему возмущению упорствовали в бесславном сожительстве, и блаженный неоднократно увещевал их поначалу наедине, а затем также несколько раз в публичных проповедях, порицая оный грех вообще, но ничего не добившись, решил публично обличить их (как того требуют общественно-важные проступки) с кафедры, что и сделал в весьма жестких выражениях. А случилось это так: поднявшись на возвышение, блаженный услышал то, что предстояло сказать, у себя в сердце, и каждое слово запечатлелось у него в памяти. Поэтому с великим воодушевлением и решительной волей, уподобившись св. Иоанну пред Иродом, он начал обличать этих разрушителей общественных нравов, и одного из них охватил столь неукротимый гнев, что он решил было сбросить проповедника с возвышения, но увидел, что того окружает пламя, и это помешало ему. Дрожа от страха, он поспешил домой и поведал своей сожительнице, что случилось. Она же, исполнившись в равной мере ужаса, беспромедлительно

побежала к блаженному и, преклонив колени, оплакала своё преступление. Утвердив её в добром намерении, бл. Бертран отправил её обратно в отцовский дом. Другой соучастник прелюбодеяния, объятый таким же гневом и ослеплением, решил жесточайше убить слугу Божия. Блаженный стоял около церковных дверей и, увидев, как тот приближается в дурном расположении духа, мог бы скрыться в церкви, но не только не сделал этого, а, восплавав желанием умереть за истину и справедливость, встретил его и, ласково поприветствовав, спросил, не хочет ли он чего-нибудь от него. А тот внезапно переменялся в духе и, став перед ним на земле на коленях, просил прощения за своё безрассудное и нечестивое намерение.

[61] Когда блаженный проповедовал в некоей полевой церкви, одному человеку, облечённому известной властью, крепко захотелось узнать, скажет ли проповедник что-нибудь против его нечестивого поведения, и для этого договорился с тремя людьми (с каждым отдельно, чтобы один не знал ничего о другом), взяв с них клятву, что они доложат ему, если блаженный что-нибудь скажет против него. Случилось так, что, поскольку церковь находилась далеко от села, двое из той тройки, жившие дальше всех, нагнали третьего, и всех их тут же пронзила страшная грусть, однако ни один из них не смел высказать своего горя. Наконец один из них молвил так: «Друзья, мы все грустим, и я подозреваю, что грусть у всех имеет одну и ту же причину. Заклинаю вас жизнью вашей, скажите, отчего вы грустите?!» Двое других ответили: «Нам горестно оттого, что послали нас соглядатаями против этого святого мужа». «В том же причина и моей печали», – заключил третий. Между тем они добрались до церкви, когда проповедь уже началась, и услышали, как блаженный произносит такие слова: «Фарисеи отправили на Христа всего лишь одного Иуду, а тот, кто мне желает зла, отправил на меня троих». При этих словах все трое оцепенели от изумления, и хотя у них ещё раньше сложилось хорошее мнение о бл. Людовике Бертроне, теперь они в нём ещё более укрепились.

[62] Однажды, когда он возвращался в обитель с сумою, полной поданного ему в милостыню хлеба, напали на него двое убийц, посланных кем-то, кого он обличал. Но вышло так, что, когда они увидели его лицо, такой пронзил их трепет, что, лишившись силы и мужества, они не смогли исполнить кощунственный приказ.

Он часто в проповеди высказывался против одной прелюбодейки, которая, тем не менее, не желала отступить от греха. Но однажды ночью, будучи одна, она неожиданно проснулась и увидела в комнате своей великое сияние, а посреди него – бл. Людовика, целиком светившегося, грозно указывавшего ей пальцем в лоб. Это настолько перепугало её, что когда любовник позвал её, сообщила ему, что не желает более оставаться с ним в сей греховной связи, а потому и он тоже, раскаявшись в содеянном, вернул женщину мужу.

ГЛАВА IX. О ДАРЕ ПРОРОЧЕСТВА И РАЗЛИЧЕНИЯ ДУХОВ, КОИМ ОН БЫЛ НАДЕЛЁН

[63] Из целого ряда событий ясно следует, что Бог сообщил бл. Бертрану дух пророчества, и в дополнение ко многим, уже приведённым выше подтверждениям этого, упомянем в этой главе ещё кое-что.

Святая Тереза, основательница Ордена босых кармелитов, в первые годы, когда только орден её только учреждался, советовалась относительно своих замыслов с

различными духовными особами. Писала она, в частности, и бл. Бертрану, объясняя своё намерение и причины, побудившие её взяться за дело такой большой важности, которое было сопряжено со столькими затруднениями и беспокойствами. Получив это письмо, благословенный вверил это дело Богу и через три или четыре месяца направил ей следующий ответ.

[64] «Матушка Тереза, я получил твоё письмо, и, поскольку дело, о котором ты просила моего совета, имеет непосредственное отношение к поклонению Богу, я решил сначала вверить его божескому Величеству в моих теплохладных молитвах и Жертве [мессы]; такова причина, почему я замедлил с ответом. Ныне же говорю тебе от имени Господа: наберись духу и приступай к сему делу, поскольку Бог поможет тебе и посодействует; и от Его же имени заверяю тебя, что не пройдёт пятидесяти лет, как твой орден станет одним из самых прославленных в Церкви Божией... и т. д.

Писано в Валенсии и т. д.»

Получив такой ответ, святая Тереза успешно продолжила своё боговдохновенное дело, а истинность предсказания признал и признаёт весь мир, поскольку названный орден весьма приумножился и принёс обильные плоды в Церкви.

[65] Прибыли как-то в Валенсию трое иноков одного ордена, из которых двое посетили бл. Бертрана, а он отвёл их в келлию св. Викентия Феррера и, оставив там, вернулся к себе, где провёл [в одиночестве] три часа (и всё это время, по-видимому, молился). После сего, возвратившись к ним, он сел вместе ними – посерединке, а сидевшему справа молвил: «Отче, ваше преподобие – Вениамин, сиречь сын десницы», - а тот удивился сказанному, поскольку этим именем его называл отец-приор. Продолжив речь, блаженный добавил: «Не трое ли прибыли в этот город? Почему же вы пришли сюда только вдвоём?» Они ответили: «Третий, отче, не захотел идти с нами». Тогда слуга Божий молвил: «Не найдётся ли у вас пера и чернил, чтобы написать то, что я собираюсь сказать? Я вижу там дерево с тремя ветвями, первая из которых, если получит влаги, останется бесплодна, а потому будет срезана и помещена в закрытое место. Вторая принесёт плод, но горький, а потому скоро будет отрезана, и вот я, кажется, вижу её в могиле. Третья принесёт сладкий плод, и поэтому сохранится».

[66] Сказав это, он внезапно велел им молчать о сказанном им, сославшись на слова Христа к апостолам после Преображения в 17-й главе Матфея: «Никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых» (Мф. 17:9). Затем на их вопрос, правда ли, что сей образ Богородицы, находящийся здесь в келлии, говорил со святым Викентием, блаженный ответил, что, мол, правда, и что Она ещё разговаривала с неким братом, который жил здесь же в обители. Но когда они сказали: «То были ваш преподобие», возразил, что ему не позволено говорить, кто то был.

Позднее один из вышеназванных иноков стал вести себя так нелепо, что, потеряв разум, содержался взаперти всю оставшуюся жизнь. Второй, хотя и был хорошим иноком, проявлял, тем не менее, угрюмый и тяжёлый нрав, а вскоре и умер. Третий, муж образцово добрый, провёл в своём ордене весьма благочестивое житие.

[67] Дон Хуан Боиль де Аренос в разговоре с блаженным обмолвился, что некий благородный кабальеро высокого положения без причины создаёт неприятности некому прелату, и это у многих на виду. «Да не удивится ваша милость, – заметил блаженный, – коли Бог накажет его». Через несколько дней упомянутый кабальеро сам угодил в большие неприятности; и дон Хуан не усомнился, что это и есть божественное наказание, о котором поведал блаженный. Правда, этот человек вышел из них с честью. Обратив на это внимание, Хуан засомневался, не ошибся ли блаженный, но через несколько дней истинность пророчества стала очевидной, ибо того благородного кабальеро внезапно унесла смерть, причём рядом не оказалось священника и даже не хватило времени призвать имя Иисусово.

[68] Когда единственная дочь дона Хайме Феррера, губернатора Валенсии (она впоследствии стала вице-герцогиней Сельв), сильно страдала от оспы, он умолял бл. Бертрана навестить её и помолиться о ней. Блаженный пришёл и сказал донье Бланке, матери болящей и жене дона Хайме, которая страшно тревожилась: «Мужайтесь, сударыня, и уповайте на Бога, ибо ваша дочь исцелее и будет жить; а вам божеское Величество подарит сына, который будет столь же благополучен». И вот, болящая поправилась, а через год у той дамы родился сын, который жив по сей день, а зовётся доном Луисом.

[69] Донья Рафаэла Фернандес де Эредиа, незамужняя девица, горько печалилась тем, что ей долгое время не было писем от брата, проживающего в Неаполе; она боялась, как бы он не умер, иначе бы уж получила весточку, ведь раньше он обычно писал ей каждый месяц. За утешением пришла к блаженному, и тот велел ей нисколько не бояться, ибо, мол, брат её не только здоров, но и очень даже благополучен, и нынче же она получит письмо с подтверждением этого, а сверх того некоторое денежное поможение. Дама вернулась домой счастливая и из-за уверенности, которую у неё вызвали слова бл. Бертрана, отказалась что-либо есть, пока не получит письма от своего брата. Его доставили за три часа до полуночи; в нём сообщалось о его благополучном состоянии, а к письму прилагался чек на девяносто эскудо, которые он посылал ей.

Та же Рафаэла попросила слугу Божия отслужить за неё мессу, а по завершении оной хватилась, что не взяла с собой денег на пожертвование, отчего, огорчившись, не смела подойти, чтобы поцеловать ему руку. Он, однако, сам подошёл к ней и велел ей удалиться в исповедальную, где, прежде чем она успела промолвить хоть слово, сказал: «Не беспокойтесь из-за меня, сударыня, ибо я не хочу жертвования за мессу». Услышав сие, она удивилась и изумилась тому, что он узнал её мысли.

[70] Однажды, когда Бертран ещё был приором обители св. Онуфрия, сказал он, выходя из келлии, брату Андрею Кабрерисо, товарищу своему: «Видишь того инок? Слишком тяжёл ему хабит, а потому он его снимет, и приключатся с ним самые беды и невзгоды тягчайшие. Запомни, что я тебе сейчас говорю, и убедишься, что я сказал правду». Много лет спустя упомянутый инок снял хабит и жалким образом боролся с неблагоприятными обстоятельствами.

Тому же брату Кабрерисо блаженный о некоем другом иноке этой обители сказал, что ему предстоят великие испытания, ибо он весьма небрежен. Это показалось Кабрерисо невероятным, но, как потом выяснилось, было совершенно верно.

Донья Анна де Кастельво, жена знатного мужа Кристобаля де Пертуса, обитавшая в Мусеросе, в ночь на Рождество Господне пришла с другими дамами на утреннюю службу в церковь обители св. Онуфрия. По окончании богослужения блаженный Бертран приветствовал их всех, когда они выходили из церкви, но при обращении к упомянутой донье Анне он добавил: «Сударыня, ваша милость нынче ночью пришли навестить Роженицу. Крепитесь! Она в свою очередь придёт побыть с вами при вашей кончине, которая скоро последует». И вот через две недели её одолела такая немощь, что в четыре часа она перешла к лучшей жизни.

[71] Когда сын дон Хайме Сентельяса страдал от такой тяжёлой горячки, что врачи уже отказались от него, отец верхом помчался в обитель св. Онуфрия, чтобы просить молитв бл. Бертрана о болящем, а не найдя его там, направился в церковь св. Марии в Альбуйсеке, где блаженный в тот день проповедовал, и, трепеща от отцовской любви, умолял его заступиться за умирающего сына. Помолившись, блаженный ему радостно молвил: «Ступайте, дон Хайме, ибо сын ваш не умрет от этого недуга» - и, вернувшись в Валенсию, Сентельяс нашёл больного вне опасности. Еще одну подобную милость слуга Божий оказал тому же дону Хайме, когда заболела его жена, донья Франсиска Меркадер.

У Анхелы Байарри из Мусероса блаженный, выслушав её исповедь, прежде чем дать отпущение спросил, есть ли у неё что-нибудь ещё, что стоит упомянуть, а когда она ответила отрицательно, заметил, что надо бы вспомнить грех, который она на днях совершила в карете. Тогда она, несколько призадумавшись, вспомнила, что, едучи несколько дней тому назад в карете с другими знатными женщинами, она допустила дерзкое суждение. Когда она в этом призналась, блаженный уделил ей прощение. По этой причине она сказала ему, что он великий пророк, а он с замечательной и святой простотой, слегка улыбнувшись, возразил, что он не кто иной, как великий грешник.

[72] Брат Антоний Каталано, будучи послушником в монастыре св. Онуфрия, отчаялся от тяготы орденового устава и решил сбежать, так сказать, в чём был. Однако подошёл туда, где он стоял, бл. Бертран и ему молвил: «Братец Антоний, дошли до меня слухи, что ты хочешь уйти, а всё еще носишь хабит. Осторожно, это великое бесовское искушение!» Этим и другим словам его послушник внял, но всё не мог надивиться, каким образом это могло дойти до сведения блаженного, ведь он никогда и никому о том не сообщал.

В другой раз, уже после принесения обетов, тот же брат в праздник святого Онуфрия помогал на кухне и в сильном возмущении захотел уйти на гору, решив, что там ему будет спокойнее жить и что там некому будет упрекать его. Блаженный вошёл в кухню и сказал ему: «Я знаю, что творится у тебя на душе; ты прямо сейчас проходишь великое искушение. Я ещё вернусь – утешить тебя». Что и случилось; он обрёл душевный покой и окончательно убедился, что даже тайные его помыслы бл. Бертрану открыты.

[73] Дону Хуану Вальтерре часто доводилось терпеть неприятности от домашних и посторонних, отчего он однажды пришёл к бл. Бертрану за утешением. Тот же рассказал ему в точности всё, что случилось, и по какой причине, и с кем. Хуан тем более удивился этому, что точно никогда и никому не говорил об этом ни слова.

В валенсийскую обитель пришло сообщение, что отец-магистр бр. Викентий Феррандес, муж всячески уважаемый за своё благочестие и учёность, чадо этой обители [воспитанник отца Бертрана*], профессор университета Таррагоны, в тамошней городской обители, где занимал должность наставника, весьма тяжело занемог. В то время бл. Бертран спросил своего товарища, брата Франсиско Палау, что слышно об отце-магистре Феррандесе, и тот ответил, что говорят, будто ему получше. «Это не может быть правдой, – возразил блаженный, – ибо он уже умер, и я видел его мёртвым вон над тою аркой». Через несколько дней сообщили, что отец Феррандес ушёл из мира живых – как раз в тот день, когда сказал бл. Бертран.

* Antist, op. cit., p. 329

[74] Когда Висенте, сын нотариуса Франсиско Васьеро, заболел, врачи и прочие ухаживавшие за ним, высказали мнение, что он вне всякой опасности. Тут как раз мимо [по улице*] проходил бл. Бертран, и его попросили зайти проведать Франсиско и почитать из Евангелия. Войдя в комнату, он сказал болящему: «Мужайся, сын, ибо Бог тебя призывает к Себе и изволит возвести тебя на небеса». Утешив таким образом его самого и родителей, блаженный удалился, а спустя несколько дней Франсиско умер от болезни.

Иоанна-Анна Марко, блаженная из Третьего ордена св. Доминика, из-за тяжёлой и опасной болезни была прикована к постели. Блаженный, видя сие, спросил, согласна ли она умереть от этой немощи, а она ответила, что ничего другого не хочет, как только угодить Богу. Тогда Бертран заявил, что она не умрет от этого недуга, но через несколько дней в праздник св. Фомы Аквинского выздоровеет и пойдёт в церковь. Что и случилось.

[В том же году, в праздник вознесения Богородицы на небеса, когда блаженный с прочей братией обители готовился в часовне свят. Людовика [Тулузского] к крестному ходу, его попросили навестить донью Исабель Кастильона Васьеро, жену дона Херонимо Паскуале, ныне ассессора правителя сего королевства, у которой была страшная горячка, от которой она впала в бред, а затем в такой глубокий обморок, что её сочли мёртвой. Слуга Божий подошёл к ней и прочитал над ней Евангелие, а затем, подняв взор к небу, совершенно переменялся [в лице] и стоял, плача, как бы в экстазе; потом же, опустив голову, сказал матери страдавшей горячкою женщины, по имени Беатрис Байарри и сестре её, звавшейся Томасой Бонавентурой Васьеро, и другим присутствовавшим там женщинам: «Радуйтесь, ибо по милости Пресвятой Богородицы, праздник Которой мы нынче справляем, она не умрёт!»

Сказав это, он сел и немного с благоговением поговорил о святой Деве Марии, а болящая тем временем не произносила ни слова, но оставалась в обмороке. А когда он выходил из комнаты, женщина пришла в себя и воскликнула: «Отче, отче, ради любви Божией, возвратись!» Тогда он вернулся и положил руку на голову болящей к великому её облегчению.

После того, как святой отец всё-таки ушёл, она со скорбью молвила: «Как же тяжко я согрешила, что не поговорила со столь великим святым!» На следующий день случился ещё один приступ горячки, и снова подумали, что она умрёт, так что уже начали причитать над нею, а некоторые засомневались в обещаниях святого отца.

Но через некоторое время она совершенно выздоровела, и было признано, что отец сказал правду.

В том же году тяжело захворал Франсиско Васьеро, нотариус, отец вышеупомянутой больной, и отец Бертран, навестив его, приказал ему ободриться, поскольку, мол, он не умрёт от этого недуга. Так и вышло: отец и дочь живы до сего дня**.]

* Antist, op. cit., p. 336

** Ibid.

[75] Дочь Сальвадора Переса, девица на выданье, решила принять образ иноческий и усерднейше добивалась осуществления этой цели. Когда блаженный был у её семьи в гостях, сказал ей, что всё, что могла, она для этого уже сделала, и добавил, что монахиней она не станет, а выйдет замуж и в этом браке она претерпит много неприятностей. Все слышавшие решили, что это невозможно, и всё же вышло так, как предсказывал блаженный.

Он велел сестре дона де Анталы Эсперансе Вальес, в чьём здоровье врачи уже отчаялись, возложить на Бога надежду, что не умрёт от своего недуга, и в то же мгновение болезнь стала легчать, и вскоре женщина выздоровела.

Некий старик по имени Франсиско Мари привёл к бл. Бертрану девятилетнего мальчика по имени Херонимо Альменара, чтобы тот исповедал его, что блаженный и сделал, а затем, внезапно поднявшись со своего места, сказал тому самому Франсиско: «Да защитит Бог этого мальчика и соделает его иноком нашего ордена!» В то время, как блаженный трудился в Америке, тот юнец облачился в доминиканское одеяние, потом стал выдающимся наставником и проповедником, и умер в святости, а в день его смерти бл. Бертран увидел яркое сияние над его келлией.

[76] Магистру Иордану, клирику, доброму слуге Божию, когда был он при смерти в деревне Алькой, что шести днях пути от Валенсии, один из его родственников сказал: «Неужто, сударь, не осталось на земле средства, которое вашу милость могло бы спасти?» «Думаю, осталось единственное, – ответил он, – если бл. Бертран помолится о моём исцелении». Услышав такое, немедля послали к бл. Бертрану гонца, пообещав тем большую плату, чем скорее он доставит ему письмо. Письмоноша помчался со всех ног и доставил письмо, взяв которое и даже не распечатав, блаженный сказал: «Возвращайся, брат; средства нет». Когда гонец попросил распечатать письмо, Людовик ответил, что в этом нет нужды, но в итоге, поскольку тот умолял хотя бы засвидетельствовать письменно, в котором часу он прибыл к нему, с готовностью это сделал. А оказалось вот что: магистр Иордан умер за несколько часов до того, как гонец доставил письмо блаженному.

[77] Некая служанка нотариуса Хуана Марко, звали которую Эсперанса, добивалась вступления в иноческий чин. Дело уже близилось к завершению, на когда бл. Бертрана, проходивший мимо, спросили, как оно продвигается, ответил, что Эсперанса никогда не станет монахиней. Так и случилось: вышеназванная служанка через несколько дней после этого заболела, и прежде чем успела облачиться в иноческий хабит, распрощалась с жизнью.

Когда врачи отчаялись в возможности спасти жизнь нотариуса Сальвадора Переса и заявили, что смерти ему не избежать, домашние послали [слугу] к бл. Бертрану с просьбою молиться о нём, а поскольку тот не мог с ним тогда поговорить, посыльный попросил привратника передать блаженному эту весточку. Вернулся привратник с ответом, что болящий отнюдь не умрёт от нынешнего своего недуга. Так и случилось: он быстро поправился.

Когда в опасности оказалась земная жизнь Хосе де Кампоса, мужа Анхелы Симарра, она послала к бл. Бертрану свою служанку с просьбою помолиться за него, а поскольку блаженный тогда чувствовал себя плохо, эту просьбу передал ему один инок. Ответ был таков, что дон Хосе скоро выздоровеет. Что оказалось правдой, ибо врач Аснарес, навещая его утром, нашёл, что он не просто вне опасности, но и почти полностью излечился, хотя прошлой ночью уже отчаялся было в том, что он выживет.

[78] О. Иоанна Пельехьеро, смотрителя кафедрального собора Валенсии, часто посылали к блаженному с извещением о том, какие проповеди ему нужно подготовить для прочтения в этой церкви. Когда он приходил к блаженному, то не успевал даже объяснить причину своего прихода, как слышал от него: «Знаю, какую проповедь ты собираешься мне поручить», и оказалось, что он в точности знал и день, и тему предстоящей речи, хотя иногда оставалось еще около двух месяцев до того времени, когда она должна была быть произнесена. Однажды блаженный спросил его, сколько ему лет и, получив ответ, заметил: «Смотри, держись хорошо, ибо у тебя осталось ещё много лет жизни». Свидетельство это о. Иоанн давал в шестьдесят четыре года, а с тех пор, как блаженный предсказывал ему это, прошло более двадцати лет.

Когда Катарина Педрос была беременна, бл. Бертран, с которым она не была знакома, проходил мимо её дверей, но услышав от своих домашних, что это слуга Божий, она выбежала на улицу и поцеловала ему руку, а он молвил ей: «Сударыня, вы носите двойню, и Бог дарует вам благополучные роды». Через несколько дней она благополучно родила мальчика и девочку.

[78] Блаженный проповедовал в местечке Катарроха и, узнав, что приехала туда некая женщина из Кастилии, сказал, что, если только она не будет изгнана оттуда, одна из почтеннейших женщин этого края впадёт в грех; что и случилось.

Франсиска Гарсия, имевшая обыкновение довольно часто приступать к Св. Тайнам, горячо желала, чтобы ей позволили ежедневно принимать святую Евхаристию; и когда однажды она исповедовалась бл. Бертрану, то хоть и пришла с намерением испросить у него разрешения, но не осмелилась спрашивать. Тут блаженный и молвит по своему почину: «Даю тебе позволение, сестра, исповедоваться и причащаться каждый день».

После того, как донья Фелисиана де Реболай, жена дона Луиса де Романо, изложила блаженному свои грехи на исповеди, он спросил её, почему она не обвиняет себя в некоем грехе, который она совершила в карете, и добавил, с кем она был тогда в карете, и какой это был грех. Женщина изумилась, потому что дело это было тайное и не было известно никому, помимо тех, с кем она находилась в карете.

[80] Катарина Эспина, девица лет шестидесяти, которая обычно исповедовалась Бертрану, незадолго до Рождества попросила его отслужить за неё три мессы, которые принято отправлять в день этого торжества. Блаженный ответил, что так и сделает, но пусть она вместо жертвы за то купит себе пару башмаков, в которых весьма нуждается. Такой ответ поразил женщину, ибо о нужде своей она никому не рассказывала.

Той же Катарине Эспине блаженный подарил розарий, которым она паче всего дорожила, поскольку он был получен от него, и когда его взял один инок из обители Иисуса, до крайности огорчилась. Но когда та же женщина потом пришла к Людовику, то прежде чем заговорила, блаженный спросил её, почему она так грустит, а поскольку Катарина не хотела признаваться, молвил: «Ну же, успокойся! Я исцелю тебя, дав другой розарий», что и сделал, сказав, что именно в этом причина её печали.

[81] Когда бл. Бертран лежал больной в обители товарищества св. Марии, навещала его Виоланта Хункар вместе с братом своим, доном Херонимо, и рассказала между делом, что наняла себе служанку из Арагона. Блаженный заметил, что очень хотел бы её увидеть, и как только увидел, сообщил, что не стоит держать её у себя. Но поскольку Виоланта не хотела согласиться с блаженным, он при случае заметил, что эта девица будет стоить ей многих хлопот. События подтвердили предсказание, ибо девица жила дурно и в итоге погубила себя.

Когда та же Виоланта в другой раз после исповеди попросила его помолиться за некую особу, находящуюся в плохом состоянии, блаженный спросил, кто она такая, а поскольку дама возразила, что, мол, ей не позволено называть имени, он сам сообщил, что зовут её так-то и состояние её такое-то. Затем, отходя, Виоланта почувяла сладчайший запах.

[82] В 1573 году, в праздник святого отца нашего Доминика, после обеда бл. Бертран в глубокой скорби сказал брату Людовику Примо, товарищу своему: «Брате, мне сказали сегодня, что король Португалии мёртв, а войско его погибло; и ты убедишься, что я говорю правду». После этого он и другим инокам сказал, что видел через окно своей келлии сражение войск короля Португалии, смерть короля и рассеяние войска. Через десять дней после того, как он сказал это, прибыло сообщение о гибели и разгроме одного короля в Африке, в королевстве Фес.

Когда дон Франсиско Борха оказался в угрожающем жизни состоянии из-за сильной горячки и изнеможения, его врач Аснарес предупредил его сына дона Хуана, что его отец, несомненно, умрёт, а поэтому нужно позаботиться о том, чтобы он подготовил свою душу и составил завещание. По этой причине дон Хуан хотел было сам привести духовника, но, вернувшись домой, обнаружил, что бл. Бертран уже пришел навещать больного, и услышал, как тот убеждает его надеяться, что не умрёт от этой болезни, а будет жить и ещё увидит свадьбу двух своих сыновей. Он действительно выздоровел и увидел то, что было предсказано.

[83] Некому учёному из королевского совета блаженный сказал в своей келлии: «Крепко держитесь, крепко держитесь!» «Чего держаться, отче?» – ответил тот. «Дела, – сказал слуга Божий, – которое обсуждалась сегодня в таком-то составе совета». Так как обсуждение проходило в полнейшей тайне, учёный,

преисполнившись изумления, спросил, как и кто рассказал ему об этом. На что блаженный ответил: «Он», - указав на распятие, стоявшее у него на столе.

В 1580 году, когда вице-король Валенсии герцог Нахерский, как и раньше часто бывало, навестил блаженного в его келлии, тот спросил его, какие у него новости о здоровье короля (тогда правил Филипп II). Герцог ответил: «Весьма хорошо». «Напротив, весьма плохо, – возразил блаженный, – нужно молиться за Его величество». Через несколько дней со двора было доставлено сообщение, что король крайне тяжело болен, что его уже оставили врачи и придворные, и что ему даже лицо накрыли, как принято делать с умершими. За несколько дней до того, как это письмо о болезни короля, а также и о том, что он пошёл на поправку, было доставлено вице-королю, бл. Бертран дал понять ему, что король не умрёт от этой болезни, и твёрдо заверил его, что по молитвам одного слуги Божия он чудесным образом исцелился. «Этот слуга Божий, – заметил вице-король, – я полагаю, были Ваше преподобие?» Это замечание сильно смутило Бертрана, который огорчился всякий раз, когда его хвалили и приписывали ему подобные свершения...

[84] В том же году, в канун праздника св. Дионисия Блаженного (Парижского, пам. 9 окт.), собираясь вместе с отцом-магистром бр. Петром Саламанкским выйти в город, чтобы утвердить в вере некоего мавра, приговорённого к повешению, но ещё находясь в клуатре, блаженный сказал своему спутнику: «Не знаю, почему именно меня, невежественного и грешного, позвали на подобное дело; впрочем, в следующем году уже не позовут, потому что я буду мёртв».

Донью Анхелу Диас Феррандо, жену дона Хайме Феррера, блаженный уговаривал сторониться некоего человека, которого он даже назвал по имени, потому что он будет её злейшим врагом; и случилось так, как он предсказывал.

[85] В декабре месяце 1580 года заболел дон Мигель Вике, каноник кафедрального собора Валенсии, и, хотя ему стало лучше, да и врачи сказали, что он вне опасности, бл. Бертранд, навестив его за три дня до Рождества Христова вместе с братом Антониом Бальестером, мягко и ласково уговаривал приготовиться к смерти, ибо святки ему предстоит отпраздновать на небесах, а соответственно нужно принять святое Напутствие и уладить дела. Каноник, исполнив святой совет, через три дня, в самый день Рождества, преселился в иной мир. Узнав всё это, брат Антоний Бальестер спросил у блаженного, каким образом он предузнал смерть этого каноника, а тот ответил, что уже три дня тому назад видел его в своей келье мёртвым. И на другой вопрос брата Антония, как из этого одного он угадал время грядущей смерти дона Мигеля, блаженный молвил: «Да будет тебе ведомо, сыне, что Бог часто, являя что-нибудь нашему разуму, также уделяет свет, с помощью коего мы можем точно понять, что это значит».

[86] Когда у доньи Франсиски де Кастельво, жены Херонимо де Ихара, кабальеро из Монтесы, заболел сын четырнадцати лет, она попросила отца бр. Иоанна Лескано из Ордена проповедников, чтобы он убедил бл. Бертрана помолиться за него. Он, однако, получив весточку, ответил: «Пусть ваше преподобие скажет этой даме, что ей следует терпеливо вынести предстоящее и подчиниться божественной воле, которая направляет этого кабальеро на небеса». И он исхищен был из мира живых за два дня до бл. Бертрана.

Некто в течение многих лет претерпел множество таких страшных искушений, что ему грозило умопомешательство. Бл. Бертран, взглянув на него, сказал, что его мучает бес, и в дальнейшем этот несчастный после долгого общения с блаженным избавился от всех напастей.

Присмотревшись к прохожему, блаженный сказал своему спутнику: «Видишь его? Его сопровождает бес». Вскоре после того он был передан священной инквизиции и наказан как еретик.

[87] Некий друг блаженного во время трёх месс, которые тот служил по умершим в день Всех Верных, горячо молился Богу, чтобы сохранил сего блаженного от его духовных врагов и даровал ему святую кончину. По окончании мессы блаженный сказал ему: «Ты был на моих мессах и молился за меня».

Как-то раз, возвращаясь из Грауса, он сказал своему спутнику: «Посмотри на этого глухого калеку (он имел в виду себя), но в конце концов он умрёт, и тогда увидишь, что будет». И добавил к сказанному, что в день его смерти другой человек умрёт по несчастью. Почил блаженный в день святого Дионисия, и в тот же день с неким человеком в Валенсии случился смертоносный несчастный случай.

Когда брат Антоний Бальестер сказал блаженному, что видел в часовне Пресвятой Девы Марии монастыря Матери Божией Неустанной Помощи множество приношений и обетных даров и что ему очень понравился порядок, в каком они были размещены, тот молвил ему: «Когда-нибудь доведётся увидеть много иных, а брат Антоний примет их и возрадуется». Блаженный сказал это потому, что после его смерти прибыло много приношений и даров, которые упомянутый брат Антоний, кому поручено было заниматься украшением церкви, принимал и развешивал в подобающем порядке. Исполнял он это с большим удовольствием, потому что всегда глубочайше почитал слугу Божия, как при жизни его, так и после смерти.

ГЛАВА X. О ЧУДЕСАХ, КОТОРЫЕ СВЯТОЙ СОВЕРШИЛ ПРИ ЖИЗНИ

[88] Когда бл. Бертран возглавлял обитель св. Анны в Альбайде (точнее, это событие могло произойти в августе-сентябре 1558 или 1559 года), пастушки, стерёгшие свой стада в полях Альбайды, развели, как обычно, костёр на холме, и вдруг порывистый ветер так раздул пламя, что возникла опасность, как бы огонь не уничтожил окрестные сады и виноградники, причём наибольшей опасности подвергались те, что принадлежали обители, ибо пожар стремительно приближался к ним.

Получив о том известие, бл. Бертран поспешил туда со братией, и чем больше они скорбели о грядущем ущербе, тем спокойнее он держался, так что, казалось, был превосходно осведомлён об исходе событий. Придя на место, они увидели, что там, где был зажжён костёр, было много сухих деревьев, которые ветер порывами сносил в сторону виноградников. Тогда бл. Бертран, взглянув через очки на небо и подняв правую руку, совершил крестное знамение в направлении огромного того пожара, который в тот же миг погас и больше там не вспыхивал; осталась только чёрная полоса, как бы очерченная линией, каковое обстоятельство привело всех в великое изумление.

[89] Во пору служения приором в обители св. Онуфрия блаженный однажды, пока не миновало обычное время трапезы, приказал отцу Иосифу Гасету, субприору, подать знак к обеду звоном колокольчика, ибо уже поздно. Субприор поручил это смотрителю трапезной, но тот ответил, что хлеба пока маловато, однако он ждёт, что его вот-вот (как ему кажется) доставят из пекарни в Мусеросе, куда повезли тесто для выпечки и где, как он думал, его задержали из-за дождя. Однако субприор, желая посмотреть, сколько есть хлеба на месте, чтобы доложить настоятелю, обнаружил, что в ящике ничего нет, кроме семи кусков, в то время как обычно требовалось ещё семьдесят хлебцов. Он сообщил об этом приору, который, несмотря на недостаток хлеба, приказал звонить в колокольчик. Иноки вошли в трапезную и сели за стол, причём в первой смене за столом их оказалось более тридцати. Благословение прозвучало, когда у них не было иного хлеба, кроме этих семи кусков, и ели все (Мф. 15:37) их, как во время оно, вдоволь, да притом осталось и для других братьев, пришедших к столу во второй смене.

[90] В 1577 году бл. Бертран читал великопостные проповеди в Монкаде, и в один из праздничных дней, пообедав в гостях у Хосе дель Кампо, говорил по своему обыкновению о небесных предметах. Тогда Анхела Симарра, супруга того Хосе, молвила, что дома у них находится девица Эсперанса Асенси, приходящаяся им племянницей, у которой вся шея была покрыта золотушными язвами, и уже прошло девять лет с тех пор, как её водили к королю Франции (по распространённому поверью французским королям был дан дар исцелять золотушных прикосновением. – прим. пер.), но лучше не стало; а что ужаснее всего, когда стали пользоваться лекарственными снадобьями, ей стало ещё хуже. «Поэтому, – с поклоном попросила Анхела, – прикоснитесь к ней и прочтите ей из Евангелия; надеюсь, что так она исцелится!» Блаженный смиреннейше отказывался, утверждая, что он жалкий грешник, но, говорят, в Сарагосе есть кто-то, лечащий такие болячки, – к нему и нужно обратиться.

[91] Но, побеждённый их неоднократными настойчивыми мольбами, он велел привести больную, усадил при окне и велел снять повязки и пластыри с золотушных язв, на которых было столько сукровицы и смердящего гноя, что никто не мог подойти к ней ближе, да и сама девица в итоге сказала, что смрад для неё невыносим. Тем не менее слуга Божий осенил её крестным знаменем и языком вылизал все ранки, причём работа потребовала некоторого времени, а он не прерывался, пока не осушил весь гной и не очистил все ранки. После чего он снова ознаменовал её крестом – и тут словно бы лишился чувств и погрузился в экстаз, причём язык его был немного высунут изо рта, но лицо продолжало ярко сиять. Его посадили в том же месте, где он стоял. Все присутствующие оцепенели от изумления при столь необычайном зрелище и плакали от благоговения. А как только блаженный пришёл в себя, он продолжил прерванную беседу о божественных предметах, ну а вышеназванная девица с того мгновения избавилась от всякого смрада и нагноений.

Через восемь дней, когда блаженный снова проповедовал в том же селении, его попросили повторно навестить девицу, но он, даже не поглядев на неё, молвил, что это совершенно не обязательно. А уже через неделю она полностью выздоровела.

[92] В 1574 году, когда Бертран проповедовал во время Великого поста в Бурриане, некий батрак Хайме Рока упал с оливкового дерева и так сильно ударился, что тут же лишился речи и сознания, поэтому решили, что он вот-вот умрёт. Принесли его в дом отца его Бартоломе и позвали vicария, чтобы посмотреть, не может ли он хоть как-нибудь принять у него исповедь, хотя бы знаками; но не получалось никак. Призвали также и Бертрана, и едва блаженный заговорил с Хайме, тот открыл глаза свои и в тот же миг вернулся к нему дар речи. Он исповедал грехи свои и был укреплен святейшим Напутствием, после чего, снова потеряв способность говорить, почил. Бертран утешил его родителей, до крайности опечаленных скоропостижной его смертью, заверив их, что эта душа находится на пути к вечному спасению.

[93] За несколько лет до смерти бл. Бертрана жена Антонио Маттео, гражданина Валенсии, так тяжело захворала, что все домочадцы оплакивали её, как будто она умерла. Позвали отца-магистра бр. Петра Саламанкского, а он привёл с собою бл. Людовика. Подойдя к кровати, блаженный громко воззвал к ней: «Сеньора, сеньора!» В ответ она открыла глаза, чтобы посмотреть, кто к ней обращается. Слуга Божий продолжил: «Не бойся, ибо теперь ты не умрёшь; наоборот, скоро будешь здорова!» Очнувшись, женщина поняла, что перед нею бл. Людовик и стала умолять его почитать ей из Евангелия. Из смирения он отказался, заявив, что это дело отца-магистра из Саламанки, но сам магистр и другие были так настойчивы в своих мольбах, что в конце концов он подчинился. И в тот самый миг, когда он, возложив руки на голову болящей, кончил чтение, она освободилась от всякой горячки и всякого недуга.

[94] За четыре или пять лет до смерти блаженного донья Херонима Вивес, жена доня Франсиско Вальтерры, заболела острой лихорадкой, которая яростно терзала её в течение четырнадцати дней. Бл. Людовик навестил её и в присутствии преподобного Луки Порсины, духовника доньи Франсиски Вивес и других лиц, пощупав её пульс, молвил, что лихорадка у неё сильная, но, уповая на Бога, она сможет скоро исцелиться. И вот, возложив ей руку на голову, он прочёл отрывок из Евангелия, и в тот же миг она исцелилась. Это произошло в пятницу, а в следующее воскресенье она отправилась в церковь Проповедников, чтобы исповедоваться в своих грехах и приступить к Божественной Трапезе.

У девицы Эсперансы Монтон, служанки доньи Виоланты Милан-и-де-Круильес, на шее появились какие-то заполненные весьма зловонным гноем прыщички, которые постепенно разрослись и распространились на грудь – хирурги сочли это заболевание золотухой. Она уже четырнадцать месяцев лечилась без какого-либо изменения к лучшему, когда Франсиска Феррер и сеньор де Бенейто пришли в церковь проповедников и, выслушав мессу бл. Людовика, попросили его оказать девице милость. Итак, он почитал ей Евангелие и коснулся её рукой; и сыпь стала подсыхать, гноя так убывало, что больше почти ничего не вытекло. Ну а на следующий день она полностью выздоровела и больше не страдала от этого недуга.

[95] Уже четыре недели пылал от сильной горячки Хуан Висенте Пелличчайо, и уже четыре раза по этой причине ему пускали кровь, а когда занудилось пустить её снова, начались поносы, страшно ослаблявшие больного, врачи на это не решились, но сочли его состояние в итоге безнадежным. Его отец, по имени Хуан, смотритель кафедрального собора, видя, как чахнет сын, прибегнул к помощи бл. Людовика,

упросив его навестить болящего. Блаженный исполнил просьбу и, положив руку на голову Хуана Висенте, велел ему возложить надежду на Бога, ибо он быстро выздоровеет; и вот, когда ему стало лучше, он отправился в часовню св. Викентия в церкви Проповедников и тут же поправился.

Донья Анна Белуис безмерно страдала от болезни сердца и уже пятнадцать дней ни уснуть не могла, ни отдохнуть. Она обратилась к бл. Людовику, который подарил ей розарий, сказав, что привёз его из Америки. Когда же она взяла чётки в свои руки, всякая боль покинула её и больше не возвращалась.

[96] У Хуана де Уэрта Канделаро на шее выросла огромная опухоль, которая, по суждению врачей и хирургов, была золотушной. Не веря, что лекарства принесут ему пользу, он решил обратиться королю Франции, но некий инок по имени брат Морено убедил его похлопотать о том, чтобы его коснулся бл. Людовик и чтобы он прочёл ему из Евангелия, с уверенностью заявляя, что он вылечится, ибо, по народной молве, блаженный при подобных недугах совершил много чудес. Уэрта отправился в Годелью, где блаженный пребывал вместе с владыкой патриархом, и нашёл их обоих сидящими у некоего окна, а когда они спросили, чего он хочет, ответил, что пришел сюда, дабы Людовик прикоснулся к нему и помолился за него. Тогда патриарх попросил блаженного утешить сего человека, а слуга Божий стал отказываться, оправдываясь тем, что лучше, мол, пускай Его преосвященство уделит ему благословение. Но после повторного повеления подчинился и усердно помолился о болящем, прибавив к обычным молитвам свои. Вмиг без какого-либо промедления опухоль спала, Уэрта выздоровел и потом никогда больше не страдал подобным недугом.

[97] Когда Виоланта Хункар, девица сорока пяти лет, мучилась тяжелейшей горячкой, из-за которой ей уже семь раз пускали кровь, врач велел ей укрепиться таинствами Церкви, потому что она непременно умрёт. Поздним вечером, уже после того, как она исповедалась и вкусила Святой Евхаристии, её проведаль бл. Людовик и, обнаружив, что болящая не может говорить из-за крайне тяжёлого состояния, поднял руки и взор к небу, а затем сказал ей: «Не сомневайся, что Бог поможет тебе», и тут же она и ещё раз исповедалась. Блаженный же повелел ей, когда выйдет из дому, чтобы снова приняла Святую Евхаристию. Итак, на следующий день она была здорова.

Та же Виоланта, заболев другим очень неприятным недугом, обратилась за советом к блаженному Людовику, который ответил, что ей следует попросить о лечении у такой-то особы. А когда из этого ничего не вышло, она вернулась к блаженному, который, ознаменовав больное место Крестом, тотчас же исцелил её.

[98] Однажды, когда блаженный Бертран остановился вместе с патриархом в местечке под названием Торренте, что в одной лиге от Валенсии, вечером, идя со братом Михаилом Эрреро через поле к источнику, он встретил крестьянина по имени Лука Бласко, с которым по своему обычаю ласково заговорил. В ответ тот пожаловался блаженному на страшную засуху из-за шестимесячного бездождия, принесшего огромный ущерб земле, по каковой причине во всём королевстве Валенсийском было проведено множество процессий. Он сообщил, что, если дождь не пойдет как можно скорее, последует большой неурожай, и, наконец,

присовокупил просьбу к блаженному – молить Бога о милости для этого королевства. Бертран сжалился над таковою нуждой и, возведя взор к небу, молился столько, сколько времени потребуется человеку, чтобы дважды прочитать Апостольский символ веры, и, осенив небосвод крестным знаменем, со слезами сказал: «Уповайте на нашего Господа, да подаст Он нам воду». Хотя небо тогда было ясным и без единого облачка, однако через несколько часов стало пасмурно, затем пошёл мелкий дождь, и, наконец, всю ночь и на следующий день лил такой ливень, что оросил землю как раз ко времени.

[99] В том же местечке Торренте есть источник, в котором во время засухи воды обычно убывает, а иногда она даже иссякает полностью. Бл. Бертран испил из него в связи с вышесказанным и благословил его; с того времени и до сих пор источник никогда больше не иссякал, а всегда струился водою, даже во время полной засухи, когда иссякали другие источники.

Франсиско Васьедо, нотариус, сильно мучаясь острой лихорадкой и оказавшись под угрозой смерти, послал попросить бл. Людовика навестить его, уповая исцелиться по его заступничеству. Он пришёл, сжалившись, и, вступив в комнату больного, повелел ему крепко надеяться, что Бог сохранит ему жизнь и здоровье, дабы он смог позаботиться о своих детей. По прочтении же Евангелия нотариус вскоре поправился, погулял на свадьбах детей, а потом жил ещё много лет.

[100] Кастильянка Васьеда, жена доктора Херонимо Паскуале де Бонанса, представителя короля в королевском трибунале Валенсии, обессилела так, что врачи прекратили лечение, а она лишилась чувств. Её отец Франсиско отправился к бл. Людовику, намереваясь попросить его навестить её. В день празднования торжества Взятия Богородицы на небеса он вошёл в кафедральный собор незадолго до начала крестного хода и поведал блаженному об отчаянном состоянии своей дочери. Слуга Божий ответил, что придет по окончании молебна, а Франсиско тем временем пускай попросит позволения у отца-приора. В итоге блаженный посетил больную и, почтав из Евангелия, сказал: «Ныне праздник Успения Богородицы, Которая вымолит тебе жизнь и здоровье». Сказав это, он положил женщине руку на голову, и в то же мгновение она открыла глаза и пришла в себя, а через некоторое время смогла поесть и полностью выздоровела.

Девушка Луиса Панес в сопровождении Анны Марко привела своего племянника, страдавшего горячкой и золотухой, к бл. Людовику, который, войдя в церковь, почтав из Евангелия и прикоснувшись к мальчику. В тот же день прошла горячка, а вскоре и золотуха.

[101] Когда один из придворных маркизы Наваррской получил смертельную рану и умирал, она послала клирика по имени Лука Порсина к донье Херониме Вивес с просьбою ссудить один из тех поясов, что носил бл. Людовик (это случилось за три-четыре года до его кончины). Когда его приложили к голове больного, тот сразу же почувствовал себя лучше, а через несколько дней совершенно поправился.

Когда Мария-Хуана Боиль заболела злокачественной лихорадкой и оспой, её сын Викентий Фолькес обратился к досточтимому отцу бр. Николаю Фактору из ордена Святого Франциска, умоляя его навестить мать. Тот ответил, что вместо того лучше позвать бл. Людовика Бертрана, а если станет отказываться, то умолять его именем

Божиим и от имени Николая. Бл. Бертран пришёл к недужной и, почитав по своему обыкновению из Евангелия, положил также руку ей на голову, а когда убрал, больная (не зная, чья это рука) громко закричала, прося оставить её, потому что ей от этого полегчало, и наверняка это не кто иной, как св. Викентий Феррер. С той поры она пошла на поправку и в итоге выздоровела.

[102] Фелипе Фолькес, обморозив себя потайные части тела, занемог, но когда блаженный внимательно помолился за него, прочитал за него несколько [установленных] молитв и велел ему крепко надеяться, что болезнь не усилится, горячечный жар сразу начал уменьшаться, и тогда он пошёл на поправку, а вскорости выздоровел.

Альфонс Лопес де Виктория, семь лет страдавший золотухой, не мог решиться покинуть свой дом и отправиться к королю Франции за исцелением и излечением. Тогда подумал, что стоит попросить отца бр. Людовика Бертрана отслужить мессу во здравие при алтаре Розария, и попросил смотрителя храма похлопотать об этом, а сам обетовал Матери Божией серебряное ожерелье. Бл. Бертранд отслужил мессу, почитал из Евангелия и прикоснулся к нему, болезнь тут же ослабла, а вскоре последовало полное выздоровление.

Анхела Баярри попросила у бл. Бертрана немного белого вина, чтобы омыть голову девушке, страдающей заразной болезнью, и после омовения она полностью исцелилась.

[103] Агустин Навес, мастер-золотильщик аж два года страдал от болезни, которую называют «аль-якран» (желтухой. – прим. пер.), и прямо на глазах чахнул постепенно, не надеясь на излечение. Он обратился к бл. Бертрану с просьбой о заступничестве и, застав его у алтаря, дождался окончания мессы. Затем, хотя доселе он никому не сказал ни слова, блаженный подозвал его, велел преклонить колени, излил несколько молитв, прикоснулся к нему и благословил его. После этого он почувствовал, что свободен от недуга, хотя в предыдущие два года напрасно перепробовал множество лекарств.

Как-то раз бл. Бертран встретил на улице некоего серебряных дел мастера по имени Альфаджари (очевидно, морриска. – прим. пер.), совершенно слепого, и велел ему верить божескому Величеству и явиться в обитель Проповедников. Слепой пошёл туда, и после того, как блаженный, прочитав [установленные] молитвы, коснулся его глаз, к нему внезапно вернулось зрение.

[104] У девицы Херонимы-Агустины развилась странная тяга к поеданию корок от стеной побелки, а когда услышала от одной подруги, что это смертный грех, стала было воздерживаться. Однако диковинная тяга не исчезла, и девица стала настолько слаба и уродлива, что вызывала тошноту у тех, кто её видел. Подруга отвела её к бл. Бертрану, который принял у Херонимы исповедь и утешил её, сказав, что будет молить Бога об избавлении её от столь странной тяги; и в тот же миг она освободилась от этой страсти и вернулась домой совершенно здоровая.

У Хуана Каса, мясника, было трое детей: два мальчика и одна девочка - и все они заразились золотухой. Мать привела их к бл. Бертрану, чтобы он уделил им своё благословение. И вот, отслужив мессу, он прикоснулся к ним и почитал из Евангелия,

что повторил и на следующий день. На третий же день, опять коснувшись их, он сказал, что больше нет нужды их приводить. И вот, его послушались, вскоре они совершенно выздоровели.

[105] Когда у Эсперансы Бернардо умерло от золотухи двое сыновей, а у двоих выживших стали проявляться явные признаки того же заболевания, она привела их к бл. Бертрану, чтобы он прикоснулся к ним. Один из них выздоровел при первом прикосновении, другой – при втором. По этой причине она возымела к нему такое благоговение, что впоследствии, при другой болезни, когда у неё распухла шея, а блаженного уже не было в живых, она добилась позволения приложить к больному месту обрывок одежды его – и болячка сразу же сошла.

Из-за кровотечения Барбара Абарка четырнадцать месяцев пролежала в постели и была истощена до такой степени, что целыми днями не могла есть. Ей даже уделили последнее помазание. Бл. Бертран посетил её и велел надеяться, что не умрет от этого недуга; и через четыре дня она исцелела.

Исабель Абарка, отроковица четырнадцати лет, страдавшая золотухой, вместе со тётёй своей Барбарой посетила бл. Бертрана, находившегося в то время в гостях у Братства имени Господа нашего. Он повелел ей преклонить колени, а после чтения молитв и прикосновения к шее она почувствовала себя лучше и через несколько дней совершенно выздоровела.

[106] Брат Иаков Ордоньес из Ордена проповедников аж восемнадцать месяцев мучился от таких острых ишиатических болей в правом бедре, что не только был не в силах ходить, но не мог ни есть, ни спать. Намучившись, он упросил брата Иоанна Лескано, ухаживавшего за блаженным, чтобы, прежде чем слуга Божий умрёт (а это происходило в тот самый день, когда он переходил к лучшей жизни), предоставил ему возможность прикоснуться к нему, ибо твёрдо веровал, что тем исцелится. Итак, брат Лескано взял больного под руки и, приподняв покрывало с кровати, на которой лежал Бертран, придвинул больную часть Иакова к голням блаженного. Иаков незамедлительно почувствовал, как успокаивается боль, а затем чувствовал себя всё лучше и лучше, пока в течение трёх дней после того не поправился настолько, что никогда в дальнейшем не испытывал приступов ишиаса.

ГЛАВА XI. О СВИДЕТЕЛЬСТВАХ, ДАННЫХ НЕСКОЛЬКИМИ СЛУГАМИ БОЖИИМИ О ПРОЯВЛЕНИЯХ ЕГО СВЯТОСТИ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ СРЕДИ ЖИВЫХ

[107] Магистр Наталь де Мена, доктор богословия, который был ректором в Торренте, муж великой добродетели и вежества, состоял в тесных дружеских отношениях с отцом-магистром бр. Иоанном Миконом и делился с ним своими соображениями. Будучи моложе своего друга, он всё колебался: пойти в белое духовенство или в иноки? Выслушав его соображения на этот счёт, отец Микон ответил, что следует молить Святого Духа о вразумлении, а на предложение изложить свою точку зрения, спросил магистра, советовался ли он отцом бр. Людовиком Бертраном. На это де Мена ответил: «Нет, отче – он ведь молод (тогда блаженному было около двадцати семи лет и он служил наставником послушников), а дела такого рода следует обсуждать с мужами зрелыми и опытными». «Обещаю тебе, – возразил отец Микон, – что, хотя брат Людовик кажется тебе молодым, в будущем он здесь, в Валенсии, станет вторым святым Викентием Феррером – вот

увидишь!» С тех пор магистр Наталь неизменно высоко ставил бл. Бертрана и делился с ним историями из своей жизни. Увидев также последовавшие за его смертью чудеса и наслушавшись повсеместных разговоров о них, он признал, что сказанное отцом Миконом было правдой – сущим пророчеством.

Тот же магистр Микон, уже при смерти, видя, как иноки оплакивают потерю столь благого отца, казал: «Утешьтесь, возлюбленные братья; ибо у вас есть святейший муж, брат Людовик Бертран, новый святой Викентий Феррер».

[108] В то время, когда бл. Бертран жил в альбайдской обители, посетил его старый отшельник, который в пустынном месте в десяти лигах от упомянутого монастыря св. Анны, проводил житие святого, ибо, раздав всё имущество нищим, он ходил босиком, одевался в один хитон, а в руках носил бревиарий и четки. Подойдя же к воротам обители, где жил блаженный, он поклонился до земли, чтобы облобызать ноги того, кого никогда прежде не видел, и воскликнул громким голосом: «Ангел Божий ты, брат Людовик Бертран, ангел Божий! О, какое место, какую славу Бог уготовал тебе!» После этого, беседуя с ним о духовных предметах, отшельник оставался там три дня, каждый день исповедуя свои грехи и укрепляясь Святой Евхаристией. Когда же Херонимо Абеля спросил Бертрана, что он увидел в этом отшельнике, тот ответил: «Я видел человека сурового подвига, многотрудной молитвы и крайней нищеты».

[109] Когда бл. Людовик исполнял обязанности приора в обители св. Онуфрия, пришёл к нему из Кастилии другой отшельник, привлечённый молвой о его святости, и преклонил колени облобызать ноги ему, что и блаженный сделал в ответ. Отшельник стал говорить ему, что он великий пророк, второй св. Викентий Феррер, а когда блаженный попытался объяснить, что он не таков, как тот говорит, отшельник ответил: «Да, ты сам по себе пророк, а не повторение», - и встал на ноги. В конце беседы бл. Бертран молвил присутствовавшему там брату Кабрерисо, что всё сказанное отшельником, было пророческим.

Блаженный отец бр. Николай Фактор, чья святость и чудеса широко известны в королевстве Валенсийском и по всей Испании, так высоко ценил и почитал бл. Бертрана, что часто, когда к нему приходил кто-нибудь тяжело больной, он направлял такового к нему, утверждая, что Людовик – муж великий пред Богом; и в разных случаях, помимо тех, о которых мы уже рассказали, он давал свидетельства о его святости.

[110] За два года до кончины бл. Бертрана блаженный отец бр. Николай посетил его в его келлии, где в присутствии Гаспара Хуана Переса, канатного мастера, двое сих слуг Божиих вели святую беседу, при которой бл. Николай провёл в экстазе три четверти часа, а затем, придя в себя, с великой радостью сказал бл. Бертрану: «О брат Людовик, Бог уготовал Вашему высокопреподобию место среди Серафимов!», а Бертран с величайшим смирением сказал, что его не следует величать «высокопреподобием», так как он наименьший из братьев и великий грешник.

Когда бл. Бертран в одной публичной речи, произнесённой в кафедральном соборе Валенсии, рассуждая об экстазах и восхищениях духа, сказал, что, хотя такие восхищения в своё время иногда бывают благими, однако есть и такие их виды, каковые не служат очевидными признаками святости, и что они могут иметь

естественное происхождение и даже содержать нечто ядовитое. При этом он ссылаясь на то, что св. Викентий Феррер в 12 главе «Трактата о духовной жизни» высказал мнение, что многие восхищения в своё время происходили с помощью бесовской. Когда, повторю, блаженный вещал сие, нашлись такие, кто подумал, будто он хотел обесценить тот самый экстаз блаженного брата Николая – и сообщили об этом ему.

[111] Но он по своему смирению нисколько за то на бл. Бертрана не обиделся, но приехал навестить его и провёл с ним всю вторую половину дня, после чего блаженный удержал его, чтобы проводить в трапезную и отужинать вместе с иноками. Тем не менее, было заметно, что б. Бертран не выказывал бл. Николаю обычных знаков дружбы и не был так приветлив, как прежде. По этой причине бл. Николай, вернувшись в свою обитель, 18 августа, в канун св. Людовика (Тулузского. – прим. пер.), епископа серафического ордена св. Франциска, написал Бертрону письмо, в котором дал замечательное свидетельство о его святости, назвав его святым и ангелоподобным.

«Моему многолюбезному отцу и брату Людовику Бертрону, в обитель Проповедников.

Иисус, Мария.

Святой ты мой в ранах Иисус-Христовых!

Благодать, и любовь, и милость Святого Духа да пребудут в душе вашего преподобия, и да пылает любовью к Иисусу сладчайшему сердце сие ангельское! Я как раз читал св. Антонина (скорее всего, «Сумму истории» св. Антонина Флорентийского. – прим. пер.), моего любимого историка – то место, где говорится о даре воспарения духа и экстазах ангельского доктора св. Фомы Аквинского, – когда мне представилась возможность передать тебе весточку через этого гонца, и вот я говорю, отче мой, о дружеском приеме, недавно оказанном мне в той обители, куда, Бог мне свидетель, я пришёл в том же простодушном настроении, с каким всегда навещал ваше преподобие, и не питал я ни малейших подозрений против моего Бертрона, как не было у меня на душе вообще ничего, что могло бы меня смутить.

[112] По этой причине я не жаловался и не выказывал ни малейших признаков недовольства тобою ни пред владыкой патриархом, ни перед кем другим, ведь я ни в малейшей степени не поверил тому, кто сообщил мне, что ты проповедовал против меня, ибо, даже если бы это было правдой, то могло бы послужить мне духовным упражнением. И поскольку я говорю это вашему преподобию, значит, я в дружбе с Богом; и когда я вышел из вашей святой обители, то воспылил ещё большим благоговением, чем при приходе. Мне было бы приятно, если бы ты уделил мне благословение мощами св. Викентия, но меня предупредили, что ваше преподобие меня явно избегает. И мне легко поверить, что ангел мог избегать такого беса, как я, нет, даже хуже, чем бес, и гнуснее. Хотя ваше преподобие несколько суховато со мной обращались в той священной трапезной, вкушая ту рыбку голову, впоследствии мне было явлено утешение от отца моего св. Доминика и святого Викентия, причём далеко не малое.

[113] К вящей славе Божией говорю (ср. 2 Кор. 11:23) [том явлении], а было ли оно в разуме или в телесном зрении, Бог знает (ср. 2 Кор. 12:3). Отче, отче, отче, кого ты боишься? Не страшись, отче; у нас есть Бог и Его истина; бояться нечего. И кто может сказать, что душа, помышляющая о Боге и хранящая постоянную память о Нём, дурна? А подозрительность Богу не угодна. Ваше преподобие католик и слуга Божий. Давай молить божеское Величество, да сохранит Он тебя и под божественной дланью укроет! Что до меня, то, прошу, моли Бога, чтобы Он соделал меня слугой Своим, и можешь возвещать, что я бес. Благодарю Бога за это, хотя отец-магистр пять раз заклинать меня будет св. Франциском, а мой дражайший Бертран будет меня избегать. Но если бы ныне святой мой Викентий Феррер не сжалился надо мною и не оказал мне доверия, то куда бы мне было податься? Уповаю, что владыка мой св. Викентий не окажется мне неблагодарен, ибо святые не таковы.

[114] Отче, отче, отче, почему ты меня покинул? (ср. Мф. 27:46) Почему избегаешь меня? Но я-то могу приходить каждый день, чтобы видеть тебя и добиваться сей милости, а коли не получится, то тут есть святые врата, от которых отец-привратник меня, как нищего, не отгонит, и, когда меньше всего можно будет предположить, увидят, как я ем среди нищих, что доставляет мне величайшую радость. Сегодня я принёс Богу в дар жизнь Иисуса Христа в ударах моих, и эту жертву Бог изволил приять. Великую радость я испытал, трапезуя среди стольких ангелоподобных существ, что живут в сей святой обители. Виделся мне сатана среди сынов Божьих (ср. Иов. 2:1). Моли Бога о мне, святой Людовик Бертран. Завтра – твой святой, и мой тоже. В одном будь уверен: когда я приду к тебе в гости, первым делом исповедую свои грехи.

Твой в Господе Иисусе Христе распятом,

гнусный дракон преисподней –

Брат Пётр-Николай Фактор».

[115] По письму можно заметить, что блаженный брат Николай, всецело охваченный пылом духовным, что-то недоговаривает. Намёк на св. Доминика и св. Викентия Феррера относится к тому, что, когда он ужинал в вышеупомянутой обители, то видел, что за столом вместе с другими иноками сидят и трапезуют двое сих славных святых (как он сам рассказал бл. Людовику и его брату дону Хайме Бертрану), коих он чрезвычайно почитал, особенно же св. Викентия. Что касается исповеди, то перед тем, как навестить бл. Людовика, он её заранее предвкушал, ибо, по его собственным словам, так глубоко почитал блаженного, такое высокое мнение имел о его способности прозревать помыслы, что всякий раз, когда, собираясь подойти к нему, сперва исповедовался (в этом он тоже сам признавался – владыке патриарху и другим). Под принесением в дар Христовой жизни он имеет в виду, что нанёс себе тридцать три удара (молясь тем временем за бл. Бертрана) – по числу лет, которые Христос прожил среди нас на земле.

[116] В другой раз тот же бл. Николай, навещая бл. Людовика, дал ещё одно замечательное свидетельство его святости. Вот как. Направляясь к Проповедникам, на равнине перед их обителью он встретил своего друга – клирика Луку Порсину, которого взял с собой. Когда, вступив в обитель, они подошли к воротам из клуатра в дормиторий, то столкнулись с бл. Людовиком, который как раз направлялся

встречать бл. Николая. Там после обоюдных объятий, исполненных великого дружелюбия и любви, бл. Людовик сказал: «Отче, брат Николай, ваше преподобие как раз вовремя! Я-то писал проповедь, которую должен буду произнести перед народом в следующее воскресенье, и как напал на мысль, показалось мне, что идёт ваше преподобие – ну я вышел встретить». После этих слов Людовик попытался поцеловать руку Николаю, а тот – ему, и когда ни у того, ни у другого не получилось, они оба преклонились наземь, чтобы облобызать ноги, и после непродолжительной неразберихи, зашли, наконец, в келлию святого Викентия, где, преклонив колени, предались молитве в присутствии означенного клирика и спутника бл. Николая, которого звали братом Петром. Оба наблюдали, как слуг Божиих осиял яркий свет, который покрыл их так, что свидетели уже не могли их видеть.

[117] Проведя там немного времени в таком состоянии, они пошли в келлию бл. Бертрана, где говорили о небесных предметах, и блаженный Николай, как обычно, был восхищён духом и провёл в экстазе два часа, а бл. Людовик в это время беседовал с клириком, описывая преславные деяния бл. Николая и восхваляя его как выдающегося слугу Божия, и заверил, что он достоин почитаться святым в этом городе и королевстве. Придя в себя, бл. Николай попросил позволения уйти, потому что уже было поздно. Бл. Людовик пошёл провожать его, и когда они проходили перед келлией св. Викентия, бл. Николай сказал ему: «Не так уж много лет пройдёт, и мы увидим в этом dormitorio другую столь же почитаемую келлию – вашего высокопреподобия». Тогда бл. Людовик, порозовев от возмущения и опустив взор долу, сказал: «Ваше высокопреподобие говорит это, чтобы унижить сего великого грешника, так что, когда ваше высокопреподобие будет завтра утром исповедаться, пускай и в этом себя обвинит». Пророчество это оказалось как нельзя более верным, ибо через несколько лет после кончины бл. Людовика его келлия была превращена в молельню, в ней служились мессы, и её посещали с благоговением, как и келлию бл. Викентия.

Сверх того, в другой раз в публичной проповеди бл. Николай ясно высказал следующее: «Я-то не святой, но брат Людовик Бертран – безусловно.» А после смерти бл. Людовика он сказал прекрасную речь о его несравненной святости и славе, о чём мы расскажем ниже в главе XIX.

ГЛАВА XII. О МНОГИХ НЕМОЩАХ, КОИМИ ОН СТРАДАЛ

[118] Видно было, что Бог не изволил даровать блаженному брату Бертрану крепкого здоровья ни на один день, чтобы тем большую награду снискало его терпение на небесах, и мог он вместе со св. Павлом хвалиться немощами своими (ср. 2 Кор. 12:9). С самого детства он недуговал, а в ордене, где правила куда жёстче, чем некоторым думается, приходили всё новые немощи. Он был весьма близорук и слабо слышал и, пытаясь лечиться, испробовал множество лекарств и великие перенёс мучения. Долгие годы он страдал от болезненной язвы на ноге; мучился от сильных головокружений. В течение последних двух лет жизни его беспокоили постоянные поносы, и никакие лекарства не помогали, потому он был всегда слаб и бледен, глаза имел изрядно запавшие, но так был исполнен духа, что, когда чувствовал себя хоть чуть-чуть получше, возобновлял обычные в ордене упражнения, и телесные подвиги, и многое другое, что сам добавил к ним, а из-за этого быстро заболел снова.

[119] Чтобы вылечить эти недуги, его родственники и друзья призывали многих врачей, и они использовали необычные лекарства, но всё это в итоге ни на что не годилось, принося ему лишь мучения. Поэтому он несколько раз говорил со слезами: «Ах, позвольте же Богу действовать, и пусть свершит Он волю Свою!» При этом Бог действовал так, что на диво многие явно веровали в него и приходили исцеления, хотя сам он его так никогда и не удостоился. Впрочем, ничего нет особенного в том, что он даровал другим то, чего не получил для себя, потому что давал он не от своего имени, но от имени Иисуса Христа, источника всякого здоровья и всех благ. Обычно он прочитывал над болящими молитву, которой пользовался и св. Викентий (мы привели её выше) и которой многих исцелил, о чём тоже говорилось. Но когда дело шло о его собственном выздоровлении, он повторял известное речение св. Августина: «Господи, здесь жги, здесь руби, лишь бы в вечности пощадил!». Или ещё он молвил так: «Господи, не щади здесь, лишь бы в вечности пощадил!» Бог удовлетворил его желание, из-за чего (как было сказано выше) он не провел ни одного дня в совершенном здравии, а за несравненное терпение, которое он всегда проявлял в своих недугах, Бог даровал ему благодать исцелять других.

[120] В начале 1581 года, после того, как по просьбе магистра Ордена Монтесы (наследовавшего традиции ордена Храмовников, откуда, по-видимому и название церкви ниже. – прим. пер.) и его жены, маркизы Наваррской (выше магистр Михаил Арандига назван священником, и Антист не называет маркизу его женой. – прим. пер.), глубоко почитавших его, он в Богоявление проповедовал в Большой церкви крепости [св. Георгия], а на следующее воскресенье в церкви Храма, отчего прежние недуги слуги Божия настолько обострились, что он оказался совершенно не в силах читать проповеди, о которых договорился на следующую Четыредесятницу с церковью св. Стефана, в которой был крещен, а по этой причине попросил своего отца-магистра бр. Викентия Антиста заместить его, на что согласился, положившись на молитвы блаженного, которые, кстати, ему очень помогли.

Во время Четыредесятницы болезни его настолько обострились, что отцы его обители решили уделить ему священного Напутствия, что и совершили в присутствии владыки Иоанна де Риберы, патриарха Антиохийского, который нежно любил его и часто навещал. Кроме того, присутствовали владыка Михаил де Эспиноса, епископ Марокко, и губернатор дон Хайме Феррер, а также другие выдающиеся мужи и высокопоставленные особы. Прежде чем принять Святейшее Таинство, Бертран сначала долго повторял свои обеты, произнёс исповедание святой католической веры и всего, во что верит Святая Римская Церковь, и со многими слезами просил милости у Бога ради страстей Иисуса Христа и по заступничеству Его Матери, Приснодевы Марии.

[121] Призвал помимо того хоры ангелов, апостолов, мучеников, исповедников и дев. После того с сугубой торжественностью вверил себя святому отцу Доминику и всем святым братьям своего Ордена, пребывающим на небесах, поименовав, в частности, св. Петра Мученика, св. Антонина (Флорентинского, пам. 10 мая), св. Фому Аквинского и св. Викентия Феррера. Затем, немного помолчав, добавил: «Отче святой Викентий, «отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его!» (4 Цар. 2:12)» Потом призвал св. Раймонда [Капуанского], св. Екатерину Сиенскую а затем – св. Франциска и всех святых братьев его, св. Августина, св. Бенедикта, св. Бруно и

всех святых мужей и жен их орденов, а наконец – всех блаженных духов небесных; и молил Бога не отзывать смертного приговора его телу. Сие и подобное бл. Бертран произносил с таким жаром, что все присутствующие были доведены до слёз.

Уделив ему Евхаристию, патриарх обнял Бертрана и ловко снял у него с пальца костяное кольцо, который он носил по причине своих недугов.

[122] Когда слуга Божий был прикован к постели столь тяжким недугом, донье Исабель, дочери славного дона Хуана Бойля де Ареноса, [после выкидыша, перенесённого за несколько дней до того*] вдруг стало так плохо, что, по заявлению врачей, ей оставалось жить не более четырех часов. Ввиду угрозы смерти больной, которая неизбежно серьёзно нарушила бы мир и покой в семействе, её отец [без единого слова оставил врачей и**] решил обратиться к бл. Бертрану и просить о помощи в столь великой беде. Он прибыл в обитель за три часа до полуночи, и хотя он знал, что слуге Божию хуже некуда, и уже уведомили его, что он ни с кем не может говорить, отыскал отца-магистра бр. [Петра] Саламанкского, который, уразумев крайнюю срочность его дела, привел его в келлию бл. Бертрана, который лежал с распятым в руке, повернувшись к стене лицом, и мучился.

* Antist, op. cit., p. 346

** Idid.

[123] Заслышав шум, он обернулся и увидел дона Хуана, который сказал ему: «Отче мой, прости за поздний приход, страшная беда, нависшая надо мною, вынуждает меня к такой назойливости». И когда он начал вкратце излагать свои прискорбные обстоятельства, блаженный велел ему сесть и так спокойно, будто вовсе не был болен, расспросил о ряде обстоятельств, а затем сказал: «Дон Хуан, пускай ваша милость будут спокойны душою, и знайте, что ваша дочь не умрёт от этой болезни: Бог дарует ей исцеление», - и велел ему ещё раз исповедаться и принять святую Евхаристию в благодарность. Договорив, он снова повернулся лицом к стене, и его предсмертные муки возобновились. Дон Хуан, сообразив, что он больше ничего не ответит, облобызал ему руку и отправился обратно домой.

Он еще не дошёл до покоев, где лежала больная, как ему возвестили, что его дочери стало лучше, и она может говорить. Вступив в комнату, он сказал: «Смелее, дорогая дочь! Ты не умрёшь от этой болезни!» – и поведал остальное. Ну а она вскоре окончательно выздоровела.

[124] Немного лучше стало и блаженному, и он стал подниматься с постели, так часто, как позволяли ему скудные силы, чтобы отслужить мессу в часовне св. Винсента; и хотя несколько раз случалось, что по окончании мессы он терял сознание, всё равно не воздерживался из-за этого от служения на следующий день. Один инок увещевал его оставаться в постели, ибо, вставая, он приближает свою смерть, на что блаженный возразил: «Брат мой, таинства Церкви никого не убивают, но содействуют здравью – не только тела, но также и духа, когда так нужно для спасения души». В середине мая его болезнь настолько ужесточилась, что он питался только наваристым бульоном. Его терзали мучительнейшие боли во всём теле, а он сносил их терпеливо и весело, говоря, что хотя и чувствует, будто грудь у него

разрывается, кости дробятся, ноги членятся, однако это ему дороже всего мира, потому что сие великая милость и дар, предназначенный ему от Бога.

[125] Однажды владыка патриарх услышал, как блаженный рыдает, а то, как корчилось его тело, указывало на великие муки, и сказал ему: «Отче, брат Людовик, ты не доволен тем, что Бог посылает тебе? Он изволил дать тебе немножко причастился тех многих мук, которые Он претерпел за тебя, чтобы ты ушёл из этого мира более чистым!» «На самом деле, владыко, – ответил Бертран, – я не променяю эти страдания ни на какие земные блага; и стыжусь, что Господь наш дарует мне, великому грешнику, столько незаслуженных милостей!» – и он присовокупил своё обычное изречение: «Господи, здесь жги, здесь руби и т. д.». Умилительно было видеть, как он не только каждый день исповедует свои грехи и принимает Святую Евхаристию, но и два часа – один утром, а другой вечером – посвящает молитве. Впрочем, он просил смотрителей лазарета никого в это время не пускать, чтобы ему не мешали, и увещевал их, чтобы [и у них самих] ни один день не проходил без молитвы, потому что это трапеца души и способ приращения всех добродетелей.

[126] Смотрители больницы заметили, что после излияния молитв ко преславной Деве Марии, чей образ всегда был при нём, блаженный обычно призывал многих канонизированных святых и многих иноков, умерших в его обители в предыдущие годы, в частности, блаженного мученика и реформатора брата Доминика Монтемайорского, досточтимого отца Микона, брата Михаила св. Доминика, брата Лаврентия Лопеса, брата Варфоломея Павию, брата Варфоломея де ла Коста, своего духовника, и брата Карла де Менкос, уроженец Тафальяды, которого незадолго до его смерти в возрасте двадцати лет бл. Бертранд назвал ангелоподобным и сказал о нём: «Господь избавил его (ср. Пс. 17:1), дабы злоба не изменила разумения его».

Иногда друзья приглашали музыкантов, надеясь развлечь его, и тогда он, чтобы лучше сосредоточиться на небесных созерцаниях, закрывал лицо своё [покрывалом*], а когда оное стягивали, лицо его оказывалось увлажнено слезами.

* Antist, op. cit., p. 347

[127] В течение многих дней он страдал от сильного голода и нестерпимой жажды, потому что врачи не разрешали ему пить и есть, разве что весьма умеренно, потому что болезнь его была необычайна, и они считали, что следует действовать с величайшей осторожностью. Поскольку же его томил внутренний жар, полностью поглощавший влагу, он так оголодал и изжаждался, что просил отца-магистра бр. Юстиниана Антиста ранами Христовыми заклинать врачей, чтобы позволили положить несколько кусочков хлеба ему в бульон. Это вызвало удивление: как это вдруг человек, который всегда обращался со своим телом так грубо, теперь столь униженно, словно милостыни, выпрашивает ничтожного такого облегчения*. И действительно, оказалось, что бл. Бертран больше всего нуждался именно в том, чего просил, ибо после того, как он принял пищу, ему сразу же настолько полегчало, что просто диво. После этого он постепенно немного выздоровел.

* Антист: «Пришли мне тогда на память слова Христа, просившего на кресте пить». – Antist, op. cit., p. 348

[128] Однако, дабы ускорить выздоровление, брат Людовика дон Хайме добился разрешения перевезти его в лазарет для клириков при Братстве Господа нашего, которое сам возглавлял. Гостя там, блаженный утешался не только тем, что к нему несколько раз приходили отцы его обители, дабы принять исповедь и укрепить его святым причастием, но и тем, что он сам иной день мог облачиться в собственные одежды и отслужить в лазарете обедню с согласия патриарха, который по-прежнему часто посещал его, никому не уступая в этом первенства, равно как и в том, какие полезные подарки он ему посылал.

Через некоторое время врачи решили, что ради перемены климата (aëris) слуге Божию стоит покинуть Валенсию, пока не нагрелся самый зной. Услышав об этом, патриарх настоял на том, чтобы блаженный поехал в село под Годельей, где и сам тогда пребывал [, потому что климат там был в высшей степени здоровым, а местность весьма живописная*].

* Ibid.

[129] Поехал туда бл. Бертран и гостил там около двух месяцев, в течение коих патриарх являл благой и в высшей степени достохвальный пример, ухаживая за блаженным с величайшей искренностью и простотой, ибо он даже трапезу ему подносил собственноручно, не иначе, как если бы перед ним был новый св. Викентий Феррер. Вот только слуга Божий чрезвычайно смущался, когда ему предлагали всякие угощенья и лакомства, и поэтому ни сей святитель, ни один из знатных членов его свиты не осмеливался предлагать ему ничего, кроме самой простой пищи, из опасения навредить его здоровью.

Он часто с величайшим душевным волнением повторял: «Разве мне, великому грешнику, причитается такая забота и милосердия? Я прекрасно понимаю, зачем Бог побуждает Ваше высокопреосвященство осыпать меня милостями: Он делает это, чтобы, всё больше и больше Ему обязанный, я начал, наконец, служить Его божескому Величеству!»

Какая бы высокопоставленная особа ни находилась у патриарха, в тот самый час, когда бл. Бертрану было пора есть, он оставлял посетителя и шёл ухаживать за больным: благословлял трапезу, ломал хлеб, а иногда даже нарезал немного мяса на мелкие кусочки.

[130] Закончив есть, блаженный, который при этом всегда молчал, просил у патриарха руки для поцелуя, и целовал её. После обеда оба располагались у некоего окна, где рассуждали о небесных предметах. Блаженного радовал вид небес – и не зря, ведь сие было его грядущим жилищем.

Врачи, не упуская ничего из того, что помогло бы слуге Божию совершенно выздороветь, сказали, что ему весьма пойдёт на пользу немного поупражнять тело, прогулявшись по горам. Сего ради патриарх распорядился соорудить паланкин, который должны были нести двое, и таким образом 4 августа Людовик перебрался в Бурхасор, село в нескольких лигах от Валенсии. Там, приняв Святую Евхаристию и разглядев, что церковь благоустроена, блаженный спросил находившегося там о. Иоанна Пельехеро, одного из главных смотрителей кафедрального собора Валенсии, кто так прекрасно украсил её. Тот ответил, что это сделала Мария Пальярес, жена

Бернардо Симо, местного гранда, и добавил: «Отче, моли Бога о ней, потому что она очень больна». Тогда блаженный молвил: «Хуан, скажи ей, что Богородица вскоре воздаст ей за то, что она пожертвовала церкви, ибо она скоро умрет, а немного позже и я». Так и случилось, ибо она скончалась в праздник Взятия Пресвятой Девы Марии на небеса, а он 9-го октября после этого, о чём мы скажем в своё время.

[131] На следующий день бл. Бертрана отвезли в обитель отцов-августинцев в деревню Рокафорт, где, прежде чем он принял Святую Евхаристию, обнаружили, что его скапулярий испачкан, и по этому случаю отец-магистр бр. Григорий Сатор одолжил ему свой, а когда позже получил его обратно, почувал, что от него исходит такое обильное и необычное благоухание (которое продержалось восемь дней), что просто диву дался.

На праздник Взятия Пресвятой Девы Марии на небеса патриарх отправился в Валенсию с проповедью, а поскольку там служили только торжественную мессу, которую бл. Бертран не мог посетить из-за своей немощи, он встал очень рано утром и позаботился о том, чтобы блаженного отвезли в Рокафорт, где упомянутый магистр бр. Иоанн выслушал его исповедь и укрепил его святым причастием, после чего Бертран вернулся в Годелью.

Блаженный выказывал явные признаки сильного евхаристического голода, ибо, чтобы принять причастие, из последних сил каждый день ходить в церковь, хотя она и располагалась далеко от жилья. Поэтому владыка патриарх, чтобы уделить ему Св. Таин, время от времени сам литургисал в его присутствии.

[132] Окружённый в патриаршем доме столь дружеской заботой, слуга Божий настолько поправился, что врачи надеялись на его полное выздоровление, однако сам он неизменно настаивал на том, что ему было дано свыше откровение о смерти. Когда патриарх сказал ему, что врачи при всех своих обещаниях, что он будет жить, всё-таки опасаются того, что он год назад возвестил брату Петру Саламанкскому, блаженный ответил: «Владыко, я точно помню тот день, когда сказал ему это, и готов: да свершит Господь Бог обо мне Свою волю!»

Когда однажды блаженный ради Святого Причастия пошёл в церковь Годельи, дул сильный ветер. Людовик простыл, и болезнь его так обострилась, что его пришлось отвезти в Валенсию в лазарет для клириков, где, как было сказано, обитал его брат.

ГЛАВА XIII. О НЕСКОЛЬКИХ ЧУДЕСАХ, СЛУЧИВШИХСЯ ПЕРЕД ЕГО СМЕРТЬЮ

[133] Там болезнь его стала ещё тяжелее, да настолько, что отцы из его монастыря, опасаясь, как бы он не умер за стенами обители и в отдалении от братии своей (что доставило бы им крайнее огорчение), умолили отца-приора магистра Франциска Алемана, чтобы он добился возвращения блаженного в монастырь, и это случилось к великой радости и удовольствию для слуги Божия, которого поместили в [отдельную] келлию в монастырском лазарете, где он провёл один месяц до своей смерти.

Поскольку святость Людовика Бертрана была широко известна, многие стремились увидеть его и пообщаться с ним, особенно же потому, что были уверены в его грядущей смерти в праздник святого Дионисия 1581 года. Стало же это общеизвестно, потому что даже сам блаженный говорил о том год назад, а часто и в

текущем году – и соответствующий слух дошёл до многих; в частности, его высокопреподобие Лаврентий Самора, картезианец, приор монастыря Врата небесные, услышав это пророчество от патриарха, по возвращении в монастырь записал следующее: «Откровение. В 1581 году брат Людовик Бертран умрёт в праздник святого Дионисия».

[134] Эту бумажку он сложил, скрепил монастырской печатью и надписал: «Тайна, которую следует раскрыть в праздник Всех Святых 1581 года», - и повелел отцам, имевшим ключи от общего ларца, не открывать этой бумаги без его позволения до праздника Всех Святых, но сразу же после кончины бл. Бертрана, зная, что пророчество уже исполнилось, он сказал монахам, что теперь они могут её прочесть. Сделав это, они чрезвычайно удивились, что бл. Бертран предсказал свою смерти так задолго и настолько точно. Эту бумагу отцы-картезианцы отдали отцу-магистру Викентию Юстиниану [Антисту], который первым из всех написал житие бл. Бертрана.

[135] Когда по Валенсии разошлись слухи о скорой смерти бл. Бертрана, к нему стали стекаться множества желавших повидать его и получить его благословение, так что от зрителей лазарета требовались мужественные усилия, чтобы отгонять от его келлии огромные толпы людей всех сословий. Те, кто не смог добиться свидания с блаженным, довольствовались, когда им удавалось хотя бы прикоснуться розарием к его одеялу ил простыне; те же, кому довелось с ним повидаться, считали себя счастливейшими из людей, причём многие из высокопоставленных особ почитали для себя исключительной милостью, если им позволялось преклонить колени перед ложем блаженного. Среди множества славных мужей, удостоенных высоких званий, то и дело посещавших бл. Бертрана, был магистр Ордена Монте-Сы дон Педро Луис Гальсерано де Борха, сын герцога Гандийского, дон Хуана – он тогда был вынужден отлучиться из Валенсии и, опасаясь, что по возвращении не застанет блаженного в живых, просил у него благословения и, преклонив колени перед кроватью, целовал ноги его с великим благоговением и слезами.

[136] Бл. Бертран был весьма недоволен этим и от всего сердца молвил: «Невыносимо, как Ваша светлость ведёт себя при худшем из грешников!» Так же поступил и дон Хуан, командор-майор Монте-Сы, подражая своему смиренному отцу; Бертран же, который был не в силах шевельнуться, изо всех сил пытался их отговорить своим слабым голосом. Достойное это было зрелище: оба в слезах; один – от нежности, другой – от смирения.

Поскольку желание [видеть его] было общим, горело оно и в сердцах женщин; но по причине запрета для них входить в клуатр, они собрались в церкви, чтобы постоянно узнавать от мужчин, что делается у блаженного.

[137] В канун св. Дионисия смотритель лазарета, заглянув к бл. Бертрану, услышал, как тот с изумлением горестным вопрошал: «Как сюда проникают женщины?!» Смотритель удивился, прекрасно зная, что это невозможно, и когда пришёл патриарх, чтобы по своему всегдашнему обычаю поухаживать за блаженным, рассказал слышанное. Патриарх же, войдя, спросил блаженного, как он себя чувствует. Тот сказал: «Как сюда проникают женщины?» «Какие женщины?» –

молвил патриарх. Блаженный ответил: «Такие-то женщины, что прибыли нынче утром». Ну а на вопрос патриарха, что они говорили, блаженный сказал: «Ничего», чему предстоятель подивился.

На следующий день сестра Ангела Агульона из Ордена св. Франциска, инокиня великой святости, сказала патриарху: «Вчера утром, когда я усерднейше молилась за брата Людовика Бертрана, которого жаждала увидеть, Господь наш уделил мне сию милость, и я смогла облобызать ноги отца». Патриарх тотчас же вспомнил, что говорил ему накануне сам блаженный, и спросив монахиню, не говорила ли она сама что-нибудь блаженному, получил ответ: «Ничего», но, мол, ей было позволено спешно облобызать ему ноги.

[138] В эти месяцы в Торренте прибыл болящий владыка Пётр-Ангел Цернович, князь и герцог Сабиаки (sic), деспот Болгарии (возможно, речь идёт каком-то ныне не известном члене семейства Черноевичей (или Црноевичей), династии, правившей княжеством Зета до XVI в. – прим. пер.), тяжко мучившийся оттого, что ему предстояло умереть в расцвете сил и в краю, далёком от его родины. Но после того, как он исповедал свои грехи и принял Святое Причастие от магистра Наталя, настоятеля тамошней обители, он, по-видимому, несколько успокоился и утешился. Через несколько дней настоятель велел ему собраться духом и уповать на Бога, способного исцелить его. Князь ответил: «Ко мне пришли двое, которые отнесли меня в Валенсию в обитель Проповедников, в келлию одного святого монаха (ибо так он всегда называл бл. Бертрана, когда говорил о нём), который, весьма ободрив меня, сказал, что мне предстоит умереть от этой болезни в воскресенье».

[139] Настоятель поразился сему ответу, зная, что князь не вставал с постели много дней, и, чтобы узнать правду о произошедшем, отправился в Валенсию и поведал об этом случае многим инокам и другим жителями города; и зайдя к самому бл. Бертрону, спросил его, не посещал ли его какой-нибудь князь. Слуга Божий ответил: «Много кто сюда ходит». Из этих слов настоятель заключил, что блаженный не расположен давать разъяснения, и без лишних расспросов попрощался. Услышав это, патриарх тайком спросил блаженного, не посещал ли его какой-нибудь иностранный князь. На это бл. Людовик ответил, что, мол, да, и добавил: «Он хороший человек, и на днях преставится на небеса».

Отец брат Франциск Феррер из Ордена св. Франциска Паольского (т.е. Ордена минимов. – прим. пер.) пришёл с другим иноком навестить упомянутого князя в то время, когда ему давали Священное Напутствие, по окончании чего упомянутый брат вступил в его комнату и увидел великое сияние, но князя не видел ни в постели, ни в комнате, лишь спустя какое-то время увидел его, и на вопрос, что это было за сияние, получил от князя ответ, что св. Доминик и св. Викентий Феррер носили его к «святому монаху из Ордена проповедников».

[140] В следующую субботу, пришедшуюся на 7-е октября, князь в присутствии настоятеля выпростал руки из-под покрывала, сказав: «Ты не видишь, господин настоятель, с какой славой вступает в эту комнату Пресвятая Матерь Божия? О благословенная! О славная, о прекраснейшая Царица небесная, о Владычица моя, о сладость сердца моего! Как удостоился я сего посещения? А что мне сказать о Тебе, прекраснейшее Дитячко, восседающее на руках у Той, чья краса превосходит всякую

иную красоту?» Этими и им подобными словами он выражал радость сему небесному видению.

В следующее же воскресенье он сказал: «Это день радости, ибо именно в этот день я увижу Бога», и за три часа до полуночи он снова исповедал грехи свои настоятелю, и постоянно повторяя по-латыни: «Иисусе, будь мне Иисусом!», [то есть]: «Иисусе, будь для меня [тем, что означает Твоё имя, сиречь*] Спасителем, и спаси меня!», - отдал душу Богу, явив признаки великой святости.

Его тело было погребено в Валенсии в часовне Пресвятой Девы Марии с горы Кармель, о чём он сам попросил в своём завещании, ибо чрезвычайно почитал Её и носил кармелитский скапулярий.

А на следующий день почил бл. Бертран, о чём мы сейчас расскажем.

* Antist., op. cit., p. 350

ГЛАВА XIV. О БЛАЖЕННОЙ СМЕРТИ ЕГО

[141] С величайшим томлением бл. Людовик ждал столь счастливого для себя дня, когда дано ему будет упиться всежеланным лицезрением Бога, и даже наикратчайшее мгновение было для него словно тысяча лет. В пятницу перед кончиной он спросил отца бр. Иоанна Лескано (которому часто говорил, что умрёт в праздник св. Дионисия), какой нынче день, и когда тот ответил, что пятница, он сосчитал на пальцах дни до понедельника и сказал: «Благословенный Боже! Ещё целых четыре дня!» Но хотя смерть казалась ему слишком нескорой, он утешался и приготовлялся с помощью Хлеба небесного, который укреплял его для восхождения на гору славы. Приступив к божественному Таинству в напутствие, он ежедневно до самой смерти исповедовался и принимал Святую Евхаристию, соблюдая такой порядок, что любые лекарства, а также похлёбку он принимал до полуночи, но после этого часа его никак было не заставить поесть, ибо он уже ожидал, когда кто-нибудь отслужит мессу в лазарете и уделит ему Святое Причастие.

[142] У него был любимое распятие, которое он держал у изголовья и весьма часто брал в руку, прикладывался к рукам и ногам [изображённого на нём Господа] и произносил много слов, исполненных сердечной нежности и любви. Подобно же, устремив взор свой на некий образ Пресвятой Девы Марии, он благоговейно говорил с Нею, и речи эти можно было услышать (и многим это удавалось), только войдя в келлию незаметно для него, потому что любые внешние проявления святости он неизменно скрывал.

Патриарху доставляло много радости проводить часы за часами в келлии наедине со слугою Божиим, что и получилось за несколько дней до его смерти. А когда он однажды спросил блаженного, не посещал ли его во время этой болезни святой отец Викентий Феррер, он ответил, что, мол, было однажды, и прибавил: «И теперь он тоже там стоит», - и указал место пальцем. Впрочем, тут нечему удивляться, ведь даже помимо всего прочего, что мы в этой истории уже рассказали, [случалось такое], что однажды, выходя из церкви, слуга Божий встретил некую даму, весьма удручённую достопаечливой смертью своего мужа, умершего в великий Четверг, и утешил её, сказав, что душа его уже на небесах, а желая сильнее убедить её,

прибавил: «Не сомневайтесь, сударыня, ибо св. Викентий открыл это одному брату, который разговаривал с ним, как я теперь говорю с вашей милостью».

[143] По мере усиления болезни блаженный дошёл до крайней степени изнеможения, поэтому за два дня до смерти попросил о Таинстве Последнего помазания, которое принял со свойственным ему благоговением, давая подобающие ответы, а про себя читая псалмы. По исполнении сего он пребывал в великом безмолвии, ожидая небесного упокоения.

В воскресенье, пришедшееся на канун св. Дионисия, примерно за час до заката у него случился такой сильный пароксизм, что его сочли умершим. Итак, когда застучали в доску, как это обыкновенно бывает при смерти инока, все братья бросились в лазарет; одни плакали, другие стонали, и все скорбели. Тут явились и патриарх епископ Марокко, владыкой Михаилом де Эспиноса, и после того, как они провели у него некоторое время, блаженный, открыв глаза, сказал: «Пусть удалятся, они смогут прийти в своё время». По этой причине патриарх ушёл оттуда, ведь Людовик не собирался умирать в эту ночь, а владыка имел такую твердую веру в его слова, что, хотя и заявил немного прежде, что хочет бодрствовать при больном в эту ночь, всё-таки вернулся в свой дворец без малейших опасений перед его немедленной смертью и не возвращался раньше следующего утра.

[144] Через несколько часов смотритель лазарета спросил врача Альменару, чем кормить больного на следующий день, и, услышав это, блаженный молвил: «На завтра мне ничего готовить не нужно», – добавив, что, мол, завтра, не успев поесть, уйдёт из мира живых.

В означенный день, когда справляется память св. Дионисия, ближе к утру, несмотря на заметное помрачение сознания, он всё же заметил, что на нём не шерстяная рубашка, а льняная (поскольку она была белоснежная и довольно мягкая), и, поражённый этим зрелищем, чуть не расплакался: «Ради любви Божией, ради милосердия, ради любви Иисусовой, снимите с меня эту сорочку и дайте мне тунику св. Доминика, отца моего!», – и повторил это столько раз, сколько потребовалось, чтобы, стремясь утешить его, с него сняли сорочку, а чуть позже её снова ему надели, якобы другую. Тогда-то он успокоился, а этот случай лишний раз обнаружил, как сильно он всегда любил смирять своё тело, к чему привык с юности своей.

Блаженный держал в руках Распятие, на которое взирал с таким пылким чувством, что, казалось, с каждой слезинкой дух его истекает чрез очи, а душа – чрез уста всякий раз, когда лобызал он оные божественные раны.

[145] Когда пробило десять часов, по всем признакам стало ясно, что наступает агония, и, осознавая это, умирающий попросил патриарха почитать ему Евангелие и уделить своё благословение, умоляя поторопиться, ибо чувствовал, что умирает. Сей долг патриарх отдал ему, обливаясь слезами и скорбя по причине нежной любви, каковую испытывал к нему, а слуга Божий поблагодарил его с равной нежностью и почтением.

Его окружали тогда множество иноков и особ самого высокого положения; все рыдали. А когда застучали в доску, братия по обычаю своего ордена, стали читать «Службу препровождения души», – и когда закончили фразу: «...Дабы, разрешившись

от уз плоти, удостоился достигнуть славы Царства Небесного заступничеством Господа нашего Иисуса Христа, Который живёт и царствует с Отцом и Святым Духом во веки веков», блаженная она душа преставилась из сей земной темницы, и встретили её славные ангелы и сопроводили в вечный покой на небесах, который она столь многими трудами старалась заслужить здесь внизу, на земле.

[146] Братья проливали потоки слёз, хотя имели и причину для радости о блаженстве и славе великого слуги Божия, и, пав на колени, наперебой осыпали поцелуями ноги его. И хотя у покойного на одной голени была давно не заживающая рана, тем не менее от той стороны кровати доносился сладчайшее благоухание, отличное от всех ароматов, какие только можно найти в этом мире. И лобызали братия не только руки и ноги его, но и покрывало, и простыню, и одежду – всё почитая благословенным и священным.

Умер бл. Людовик Бертран в возрасте 55 лет в понедельник 9 октября, в день св. Дионисия Мученика 1581 года, до полудня, как сам в точности и предсказал. Келлия, в которой он скончался, была превращена в молельню, где служитя месса для утешения тех, кто лежит в лазарете.

Блаженный был высокого роста, с худощавым лицом, слегка выдающимися скулами, острым орлиным носом, дряблой кожей на щеках; волосы его под тонзурой были чёрными с проседью, а глаза – лучезарными.

ГЛАВА XV. КАК БОГ ЯВИЛ СЛАВУ ЛЮДОВИКА СРАЗУ ПО СМЕРТИ ЕГО

[147] В те мгновения, как он отдавал Богу душу, на виду у всех ослепительное сияние исходило из его уст. Оно освещало всю келлию и было подобно молнии, а смотреть на него было чрезвычайно приятно. Длилось оно столько, сколько времени нужно, чтобы произнести «Радуйся Мария». Его видели многие инок и миряне, среди которых были Франсиско Луис Бланьес, благородный кабальеро, брат Михаил Феррер, брат Иоанн Мартинес, брат Пётр Фош (Foix), брат Михаил Лука и Онофрио Дассио, гражданин и синдик Валенсии. Его преподобие Матфий Пальяс, каноник кафедрального собора Валенсии, глубоко почитавший блаженного, стремясь проводить его в последний путь, очень торопился прийти, а когда вступил уже в пределы обители Проповедников, увидел сияние наверху, поразившее его. Затем, войдя в лазарет, он обнаружил, что бл. Людовик только что скончался, и, услышав от находившихся там о сиянии, появившемся в келлии в миг его смерти, рассказал и то, что видел сам. Помимо того, и отец-бакалавр бр. Иероним Альменара в тот же миг узрел великое сияние над келлией.

[148] Брат Антоний Бальестер, церковный привратник, нежнейше любивший блаженного, навещался к нему в то же утро всякий раз, как позволяли его обязанности. Присутствовал он и при смерти, но не выдержал и вернулся в церковь, а когда возвестили о кончине слуги Божия, он услышал необыкновенно благозвучную музыку и, удивившись, почему её исполняют, куда сильнее дивился затем, что не мог точно различить, откуда она доносится: то, казалось, – от Главного алтаря, то – из часовни Розария, то – из клуатра; и он слышал её изрядное время. Но заметив, что все остальные, кто находится в церкви, её не слышат, он понял, что это небесное пение, которым Бог изволил намекнуть на празднество, справляемое в вышних в честь прибытия нового Его царедворца.

Эту музыку также слышали многие в тот же вечер, пока тело усопшего лежало в церкви, и на другой день утром, перед погребением, а потом снова – во время похорон, которые были проведены в следующую пятницу. Все музыканты города клялись, что они не пели в указанные часы и не играли на музыкальных инструментах в тех местах; мало того, и в окрестностях; да даже если бы они что-нибудь и исполнили, этого никак нельзя было бы услышать в церкви из-за чрезмерного шума от собравшегося народа.

[149] Матушка с. Агульона, инокиня Третьего ордена св. Франциска, которая при жизни и по смерти снискала себе славу великой служительницы Божией, за несколько дней до кончины блаженного она увидела, как небеса над обителью Проповедников отверзаются к келлии, в которой он пребывал.

Некая благочестивая особа, усердно молившаяся ночью накануне св. Дионисия, увидела душу, восходящую на небо, с золотым венцом на челе, несомую двумя ангелами; и увидела, что для её тела готовится гроб в церкви Проповедников. Из сего второго ведения уразумев, что бл. Бертран скончался, она отправилась в упомянутую церковь и убедилась в том, что увидела в духе, а взглянув на лицо того, кто лежал в гробу, убедилась, что душа, виденная ею, принадлежала бл. Бертрану.

[150] Другое весьма примечательное видение о славе бл. Бертрана было некоему отцу из Ордена св. Франциска, которое он открыл самым тайным образом, под присягой, отцу-магистру бр. Викентию Юстиниану Антисту и отцу-магистру бр. Иерониму Баптисте де Лануса, [ныне] епископу Альбаррасина и Барбастро, каковой инок два года стремился познакомиться с бл. Людовиком, о великих чудесах коего слышал, но всё никак не мог повидать его до августа месяца 1581 года в Годелье, в доме патриарха, хотя и там ему не удалось даже словом с ним перемолвиться.

В канун св. Дионисия, выпавший на воскресенье, когда после утренней службы упомянутый инок молился в хоре о бл. Бертроне, который, как он слышал, был на пороге смерти, и явилась ему блистающая церковь, из которой исходил свет величайший. Подойдя к этой церкви поближе, он увидел, что стены её были из хрусталя и золота, а посреди нее на возвышении стоял гроб, выстланный златотканым полотном, а поверх – мёртвый бл. Людовик Бертран. За гробом стоял ряд золотых крестов, и четверо братьев-доминиканцев: двое у его изголовья (и они казались стариками), и двое у изножья (которые казались юны).

[151] От лиц всех четверых исходило сияние, подобное лучам солнечным, но по-разному, ибо у того, кто находился у изголовья справа, от чела исходил один луч, более яркий, чем другие, и возвышался над церковью; а от того, что был слева, исходил такой же луч, но из уст; и равным образом у того, кто стоял справа в изножье, из рук исходили два луча, которые также поднимались за пределы церкви, и он держал руки разведёнными, как бы дивясь; наконец, у четвёртого такой же луч исходил из груди, и он держал в руке пальмовую ветвь.

Кроме того, инок увидел, как в церковь внезапно вошли два хора ангелов с горящими белоснежными свечами и проследовали к главному алтарю, воспевая: «Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф! Полны небеса и земля славы Твоей, осанна в вышних!» (литургический гимн «Sanctus» перед Пресуществлением Даров на основе Ис. 6:3.; ангелы завершат его ниже. – прим. пер.). Сии ангелы оказали дивную честь

телу бл. Бертрана и, пройдя перед ним, разделились на два хора. За ними следовала большая толпа поющих мужей и жен; они поклонялись оному телу, лобызали руки и ноги, а ангелы между тем продолжали: «Благословен грядущий во имя Господне, осанна в вышних».

[152] Увидев это, названный инок пришёл в себя. Утром он попытался проведать, какие есть новости о бл. Бертроне, и он не смог ничего узнать до следующего вторника, который был днём его похорон. Итак, испросив разрешения у своего настоятеля, он отправился в Валенсию, и в пятницу присутствовал на упомянутых похоронах; так что Бог показал ему смерть блаженного за день до того, как она свершилась. Этот инок решил никому не сообщать о видении, кроме своего духовника, который велел возвестить о нём людям. Но поскольку он отложил это на несколько дней, то, тревожимый острыми угрызением совести, решил поделиться этим с бл. Николаем Фактором вместе с некоторыми другими волновавшими его душу вопросами. А на следующую ночь явился ему тот самый бл. Николай и сказал: «Встань, сыне, ступай к Проповедникам и подробно расскажи им, что ведомо тебе о бл. Бертроне; а что до другого дела, о котором ты хотел со мной посоветоваться, то действуй так-то и так-то».

Через два дня после этого бр. Иероним пошёл к Проповедникам и со слезами многими поведал им о видении; когда же его спросили, знает ли он, кем были те четверо святых, он ответил отрицательно, мол, этого ему Бог не открыл.

[153] Не менее замечательно слава бл. Бертрана проявилась случае с магистром Наталем, настоятелем в Торренте, который, едва узнав о смерти блаженного, пошёл служить торжественную мессу, чтобы помочь его душе выбраться из чистилища, если она там задержалась. Но когда дошло до «Помяни, Господи» («Memento», на мессе по усопшим ходатайственная молитва после Пресуществления Дров. – прим. пер.), не только забыл назвать при этом его имя, но ни разу так и не вспомнил до самого завершения мессы. Он приписал это своей рассеянности и, соответственно, на следующий день отслужил ещё одну мессу по усопшим, в которой точно также забыл его помянуть. То же самое произошло и на третьей мессе. Обдумав это странное событие, магистр осознал, что так угодно Богу. По этой причине в дальнейшем вместо того, чтобы молиться за упомянутую душу, он призывал его наряду с другими святыми и почитал его с особым благоговением.

ГЛАВА XVI. О ВЕЛИКОМ СТЕЧЕНИИ НАРОДА, СТРЕМИВШЕГО ОБЛОБЫЗАТЬ РУКИ И НОГИ УСОПШЕГО

[154] А как только эта святая душа покинула тело и оно ещё не облачили, благородный кабальеро Франсиско Луис Бланьес, по необычайному почтению, которое он испытывал к блаженному, подступил, дабы облобызать ноги его, и когда он приподнял одеяло, на него повеяло столь сладким ароматом, что он подумал, не запрятаны ли там какие благовония. Но убедившись, что ничего подобного там не было; и увидев, что голени блаженного покрыты язвами; и прикинув, как давно он лежит в постели (бельё в которой уж никак не могло так сладко пахнуть), сделал вывод, что это небесное явление, каковым оно и было на самом деле, тем более что аромат не был похож на земные запахи. То же самое благоухание в равной мере чувствовали и другие, как сказано в гл. VI этой книги.

[155] Отцы обители облачили тело блаженного и, благообразно уложив его, понесли в церковь, проливая потоки слёз, а там собралось такое множество народа, стремившегося облобызать его руки и ноги, а заодно срезать кусочек одежды, что дивно было видеть.

Так прекрасны были святые сии останки, что не только не вызывали никакого ужаса или испуга, как это свойственно трупам, но внушали столь великое благоговение и восторг, что люди, казалось, не могли оторвать от него глаз. Удивление возросло тем паче, когда люди, ощупывая его руки, лицо и ладони, ощущали как бы живое, хотя холодное, тело; и кто хотел, мог эти члены сжать и согнуть. Толпа росла с такой скоростью, что впору было опасаться, как бы не случилось бесчиния, поэтому приор обители послал просить графа Д'Айтону, вице-короля Валенсии, прислать своих телохранителей для сдерживания толпы, а тело тем временем отнесли в ризницу, так как у него уже был отрезан один палец.

[156] Люд, постоянно прибывающий большими толпами, причитал о том, что лишился (и поделом) сего сокровища, и умолял выставить его на всеобщее обозрение; поэтому отцы, чтобы удовлетворить благочестивое рвение народа, согласился положить тело в некой часовне в той же ризнице, потому что там имеется дверь в клуатр, снабжённая деревянными решётками, через которые всем, кто смог подойти, позволялось бы целовать руки покойного.

Когда прибыли телохранители, тело блаженного было перенесено из ризницы в церковь на плечах дона Кристобалья де Кардоны, адмирала Арагонского, дона Хуана де Борха, командора-майора ордена Монтесы, дона Мигеля Меркадера и других знатных мужей и благочестивых особ, где гроб поместили за железной обрешёткой позади главного алтаря под охраной множества иноков, окружавших его, и всё же всего этого было недостаточно, чтобы обуздать силу и натиск чрезмерно набожного люда.

[157] В то же время явился в полном составе молящийся сонм духовенства кафедрального собора со своими певчими, которые возглашали респонсорий по усопшим, а им вторили все двенадцать приходов и обителей города, без стеснения сопровождая пение горестным плачем. Тут отцы-проповедники, уяснив себе, что принятыми предосторожностями тело блаженного не защитит от возрастающей толпы, снова отнесли его в ризницу, где вице-король дон Франсиско Монкада, граф д'Айтона, с вице-королевой доньей Лукресьей де Гралья и сыновьями подошли облобызать его руки, как и герцог Кардонский, маркиз де Комарес, дон Хайме де Кордова, который как раз оказался тогда в Валенсии, граф Альбайда и другие знатные мужи и высокородные кабальеро, а также почти все члены королевского совета.

[158] По прошествии двух часов, дабы не оставлять стольких особ без утешения, особенно тех двух именитых дам, что находились в главной часовне, а также многих других дам и знатных мужей, тело блаженного снова перенесли, выпроводив, сколько удалось, народу и заперев ворота, чтобы опять не возникло беспорядка. И хотя было уже поздно, невозможно было помешать входившим другим людям, собравшимся в пространстве перед церковью, когда выходили те [знатные особы]. Кроме того, в весьма поздний час вошла маркиза Наваррская с несколькими дамами

и знатными мужами, к которым присоединилось огромное множество людей, которым стража никак не могла помешать войти. Это благочестивое смятение продолжалось до третьего часа после заката, что не нравилось отцам, потому что они хотели, чтобы кто-нибудь* без помех точно изобразил блаженного в полный рост, и им на радость осталось бы драгоценное воспоминание.

Его получилось изобразить только до середины тела, с распятым в руке в том же хабите, в котором умер, с опущенными глазами, с выходящей изо рта полоской, на которой начертаны следующие слова: «Господи, здесь жги, здесь руби, лишь бы в вечности пощадил», которые часто слетали с уст его.

* Судя по всему, для этой работы был приглашён Хуан Сариньяна (ок. 1545-1619), самый известный живописец в Валенсии того времени.

Источник изображения: www.ansorena.com

[159] На рассвете следующего дня народу явилось такое множество, что ради исполнения их просьб пришлось отпереть врата церкви раньше обычного времени. Священное тело было помещено на весьма высоком деревянном помосте, покрытом шелковой тканью, вытканной золотом, и расположено так, что его руки были открыты для поцелуев. У гроба стояли трое иноков, принимая «Богородицны венчики» (чётки с двенадцатью зёрнами по числу звёзд в иконографическом

звёздном нимбе Матери Божией. – прим. пер.) и розарии, чтобы приложить их к телу блаженного. Сие великое стечение продолжалось все утро, особенно увеличившись с подходом людей из окрестных местностей. Приносили также много больных, и они получали исцеления, ибо угодно было Богу совершить по заступничеству блаженного много чудес, о некоторых из которых мы расскажем в следующей главе.

ГЛАВА XVII. О ЧУДЕСАХ, СОТВОРЁННЫХ БЛАЖЕННЫМ ПЕРЕД ПОГРЕБЕНИЕМ

[160] Богу в Его бесконечной благодати было угодно почтить благого слугу Своего, прежде чем он был погребён, многими и замечательными чудесами, которые в дополнение к двум упомянутым выше (о сиянии и ангельском пении) будут перечислены в этой главе.

Рафаэла Солер, 55 лет, тоже наблюдавшая сияние от блаженного, хотела было облобызать ему руки и ноги, но удержанная сомнением относительно того, позволительно ли это, когда он ещё не канонизирован, пошла к своему духовнику и вновь узрела то же самое сияние, которым онолучилось прежде.

То же самое наблюдали вдова Эухения Спеккио, 50 лет, и её брат Антоний Бальестер, конверз, 40 лет.

Андрес Арменгол, плетельщик волосяных канатов, уроженец Морельи, но житель Валенсии, пробрался, хотя и с большим трудом из-за множества народа, облобызать руки усопшего блаженного, и когда он делал это, они оказались такими ясными и блестящими, что он увидел в них отражение своего лица.

[161] Дон Хуан Вивес де Каньямас, 70 лет, глубочайше почитал блаженного. Когда он пришёл туда с той же целью и уже добрался до гроба, один из охранявших священное тело иноков, который держал левую руку покойного, чтобы люди из толпы могли целовать её без лишнего беспорядка, отвлекшись на что-то другое, отпустил её на некоторое время. Получилось, что дон Вивес не мог дотянуться и поцеловать её, и тогда он увидел, как блаженный пошевелился, обратил лицо, посмотрел на него и протянул ему руку, чтобы Хуан сам мог достать её и поцеловать.

Исабель Хуана Салоне, жена Антонио Переса, из деревни Бенифарах, в возрасте около двенадцати лет жила в Валенсии у тёти, жены суконщика Херонимо Вальядолида, причём с младенчества страдала свищом под правой щекой, который проник аж до горла, и из него обильно тек гной. Хотя в течение многих лет применяли много лекарств, болезнь нисколько не уменьшилась, а наоборот, усилилась до такой степени, что у неё начала гноиться верхняя челюсть. По этой причине врачи и хирурги, заявив, что болезнь неизлечима, оставили её в покое.

[162] В тот день, когда скончался бл. Бертран, тётя девочки и Эсперанса Вальядолид из Ордена св. Доминика, привели её в церковь Проповедников, а поскольку из-за густой толпы им не удалось добраться до тела бл. Бертранда, посоветовали ей самой попытаться проникнуть туда и благоговейно прикоснуться больным местом к руке святого или хотя бы к одежде. Отроковица пробралась туда с большим трудом и с помощью благочестивых людей взяла блаженного за руку и трижды перекрестила её свищ, а вернувшись на то место, где её ждала тётя, сказала о том, что сделала, и её отвели домой.

Там тётя, прогневавшись из-за чего-то, дала Исабели пощёчину, и когда она, намереваясь вытереть кровь, которая у неё начинала течь от всякого удара по лицу, обнажила шею, то не обнаружила никакой крови, однако мало того: свищ полностью зажил.

[163] Гаспар Гари, субдиако́н, 44 лет, в детстве, когда ему было лет пять, полностью потерял обоняние, а в ноздрях у него завелась такая зловонная болячка, что никто не мог стоять рядом с ним из-за смрада. За три года до смерти блаженного ему потребовалось обсудить с ним какое-то дело, и когда, прежде чем молвить слово, он хотел поцеловать ему руку, блаженный отказал, и при уходе субдиакона отказал снова, воспротивившись изо всех сил; в связи с чем упомянутый Гаспар глубоко печалился, опасаясь, что это случилось с ним из-за какого-то греха. После кончины блаженного, он пошёл в обитель Проповедников и, взяв его за правую руку, молвил: «Слуга Божий, раз уж ты при жизни опечалил меня, исцели меня ныне, избавив от сего недуга, что мучит меня столько лет», – и поцеловал его руку. Затем, попытавшись поцеловать и другую его руку, он почувал благоухание столь сладкое, что исполнился великой радости, и не менее ошастливило его возвращение обоняния. Вернувшись домой и прочистив нос, он высморкал на платок всю болячку целиком, и с тех пор она больше его не беспокоила.

[164] Марию Тудела, жену Хуана Гремели, поразила болезнь утробы, которая называется «*Llosa matris*», и довела её здоровье до крайне тяжёлого состояния, сделав её неспособной к исполнению своих обязанностей, а множество испробованных средств оказались бесполезны. Едва проведав о кончине бл. Бертрана и славе святости его, она решилась приложить все силы и несмотря на страшные мучения добраться до церкви Проповедников, чтобы молить блаженного о исцелении, дабы она могла поддерживать семью своим трудом. И вот, держась на стены (ибо иначе не получалось), она потихоньку дошла до названной церкви. Но поскольку она не могла пройти к месту, где перед алтарем справа находился св. Бернар, и ей не хватало ни решимости, ни сил протиснуться, особенно в многолюдной толпе, к самому телу блаженного, она приостановилась там и с величайшим благоговением вверила себя блаженному. После довольно продолжительной молитвы она заметила, что вдруг стало лучше, и что её уже не так тяготит вес собственного тела и боль, и в итоге домой она пришла на здоровых ногах так резво, точно никогда ничем не болела.

[165] Жена суконщика Антонио Хуана Исола четыре или пять дней мучилась от такой сильной зубной боли, что не могла успокоиться и бегала по дому, вопя, как безумная. Вечером того самого дня, когда скончался бл. Бертран, мимо дверей их проходил некий слепец, которому [, подав милостыню,] велели читать какие-то молитвы. Но слепец, услышав громкие крики женщины, спросил, что с ней такое, и, узнав от её мужа о причине воплей, предложил следующее: у него при себе есть платок, который касался тела бл. Бертрана; поэтому пускай она призовет этого блаженного, а он этим платком проведёт крест на её больной челюсти. Женщина весьма благоговейно совершила молитву, и в то же мгновение боль не просто уменьшилась, но совсем ушла, и после этого она никогда больше не страдала [от зубных болей].

Исабель Анна, жена нотариуса Кристобаля Санчеса де Айялы, сильно мучилась от болей в боку, которые мучительно обострялись два-три раза в месяц, причём это продолжалось долго и сопровождалось рвотой. А как раз тот день, когда умер блаженный, боли у неё обострились донельзя; тогда она пошла поцеловать ему руку, помолилась об исцелении и в тот же миг выздоровела, причём никогда больше не болела.

[166] У Еуфемии Айялы, дочери Кристобаля Айялы, была большой важности тяжба, успешный исход которой зависел исключительно от письменного свидетельства Анхелы Серры. За день до смерти блаженного нотариус Кристобаль Санчес де Айяла приказал запросить завещание у нотариуса Франсиско Битора, но его не удалось найти. Упомянутый Айяла в день, когда был погребён блаженный, то есть 10 октября, пришёл в обитель Проповедников и после того, как ему дали облобызать руку усопшего блаженного, молился о том, чтобы то благословенное свидетельство нашлось, потому что это было очень важно для его дочери. Удалившись оттуда, он опять подался к нотариусу и снова попросил его ещё раз поискать оную записку. Тот ответил, что, поскольку уже и так приложил к тому всё старание, то не хочет больше терять времени; мол, пускай сам Айяла и ищет. На столе лежало много книг, и в первой же попавшей ему в руки, он, открыв её, нашёл упомянутой свидетельство. При этом от изумления и радости он был так потрясён, что поднялся весь в поту, и почитал это великим чудом.

[167] Когда у Висенсии Хосефы Бурдеос на глазу выросло пятно, лишившее её зрения, она вовремя пошла в церковь Проповедников – как раз в день погребения бл. Бертрана, – с намерением попытаться поцеловать ему руку, что накануне из-за толпы у неё не получилось. Когда она добралась до священного тела и приложила руку к заросшему глазу, пятно тотчас же рассосалось, и она стала видеть, как прежде – до того, как возник нарост.

Эсперанса, взрослая девица, дочь Педро Тудо Пелайра, которая целый год страдала от кровохарканья и тщетно пробовала разные средства, пришла к бл. Бертрану, когда он лежал в гробу, облобызала ему ноги и немедля исцелилась, а кровью после этого не харкала.

Отроковица Эсперанса Висенсия, пятнадцатилетняя дочь ружейника Хоби Переса, в течение трёх лет страдала от скопления солёной жидкости в голове, которая вызывала вздутия и запекалась наподобие коры, а иногда эта жидкость брызгала через нарывы на шее. После того, как мать её много и втуне (ибо болезнь возобновлялось каждый месяц) потратила на лечение, повела её к блаженному и постаралась, чтобы голова больной коснулась головы блаженного. Когда это удалось, болезнь прошла и впоследствии никогда девочку не беспокоила.

У Хуаны Вильялуа, 18 лет, под правым ухом выросла мясистая опухоль, настолько огромная, что казалась ещё одним ухом, и она несколько месяцев пыталась скрыть её под платком и другими украшениями. Стоило ей однократно поцеловать ноги бл. Бертрана и четыре раза руки, одну из которых она приложила к своему наросту, как тотчас же полностью избавилась от болячки.

[168] В течение целых четырёх лет вдова Аренос страдала от сильного кровотечения, которое, едва только она поцеловала ноги бл. Бертрана, внезапно прекратилось, и она сохраняла здоровье до самой смерти.

Сын Симона Альварадо, 12 лет, в Мусеросе засунул себе в правую ноздрю корень под названием чуфа (купырь. – прим. пер.), который произрастает в том краю и годится в пищу; и при вдохе втянул его, отчего он застрял так глубоко, что его было уже не видно. Из-за этого и мальчик чувствовал сильную боль, и родители его весьма горевали, потому что вылечить это было невозможно. При звуке медного колокола к «Радуйся Мария» упомянутый Альварадо получил записку из Валенсии, в которой рассказывалось о кончине бл. Бертрана, о великом стечении народа, шедшего лобызать ему руки, и об огромной славе его чудотворений. Немедля пав на колени, он преблагоговейно вверил блаженному своего сына, и именно в это время выпал корень, который в ноздре уже сильно разбух.

Висенсия Бенейта, девочка девяти лет, страдала от постоянной горячки со стеснением в груди. Её мать Франсиска Феррер, жена знатного мужа Мигеля Хуана Бенейто, отправилась поклониться бл. Бертрону, а оттуда принесла домой кольцо, которое блаженный некоторое время во время болезни, и надела больной на палец. Лихорадка тут же оставила девочку, и она стала дышать свободно.

ГЛАВА XVIII. О ЕГО ПОГРЕБЕНИИ

[169] Во вторник, 10 октября 1581 года, после торжественной мессы, когда тело блаженного уже пора было погребать, по церкви разнёсся великий и скорбный плач; все присутствовавшие кинулись в благочестивом порыве хватать одежду, покрывавшую оное священное тело, и хотя сии благочестивые воры обжигали себе руки пылающими факелами, это не спасло останки от почти полного обнажения. Те, кто обычно нёс стражу при гробе, подняли его и как можно скорее перенесли ко гробнице, куда его надлежало поместить. Патриарх со щеками, блестящими от слёз, вышел навстречу своему святому другу и обнял его с великим благоговением, всколыхнув такие же чувства во всех наблюдавших это. Но поскольку напористый люд не отступал, не давая места совершить обычное отпевание по обряду нашего Ордена, братия спешно положили святое тело в гробницу и закрыли могильным камнем. Только после этого им удалось завершить похоронную службу.

[170] Ближе вечеру явилась другая толпа чужеземцев, чрезвычайно многочисленная, и выказали эти люди достойную удивления и жалости скорбь, что священное тело было погребено так быстро, прежде чем им позволили увидеть его. На следующую ночь, когда ворота обители были затворены, внутрь допустили только Его высокопреподобие отца-магистра Франциска Мальдонадо, генерала Ордена мерседариев; приора Врат небесных дома Лаврентия Самору, картезианца; магистра бр. Георгия Оливареса, командора монастыря мерседариев в Валенсии, да ещё нескольких мирян, почитавших блаженного. Только тогда удалось завершить отпевание.

Четверо иноков спустились в гробницу и оставались там довольно долго, прикладывая к святым мощам [в огромном количестве*] розарии, кольца и драгоценности [, которые им передавали разные особы**]. При этом они имели возможность наблюдать то, что уже все заметили до погребения тела, а именно: хотя

все трупы обычно чернеют и окостеневают, тело бл. Бертрана не только не обезобразилось, но даже похорошело: лицо казалось ангельским, а руки и ноги были белы, как алебастр; и, кроме того, все члены тела (как уже было сказано) гнулись, как у живого.

* Antist, op. cit., p. 352

** Ibid.

[171] После этого они взяли его с почтением и благоговением да заключили в деревянный ящик и опустили крышку над погребением, внутри которого (оно было не общим для всей братии, но для некоторых, отличившихся особой святостью, и располагалось под хорами – справа от главного алтаря) находились останки нескольких блаженных, прославившихся великими чудесами. Там в деревянном ящике лежали мощи блаженного отца-магистра брата Микона, который, как было сказано, вручил иноческий хабит бл. Бертрану, каковые мощи были впоследствии перенесены в досточестную гробницу (где хранятся и по сей день), построенную племянником сего отца, братом-магистром Иоанном Виталем, замечательным учёным и проповедником, который трижды с честью нёс обязанности приора в этой обители к великой пользе для города.

[172] Там же лежали мощи блаженного брата Михаила де Фабра, основателя той же обители, который сопровождал короля Арагонского Хайме в походе на Майорку, а во время сражения ему явилась Пресвятая Дева Мария: она парила в воздухе с обнажённым мечом в руке, нанося маврам великий урон. Находятся там и мощи славного зерцала подвижничества и святости, брата Михаила св. Доминика и два тела славных мучеников, магистров бр. Доминика Кордовского и Монтемайорского и бр. Аматора Эспи, который был настоятелем этой же валенсийской обители (их жития описаны в «Истории арагонской провинции [Ордена проповедников]» магистром бр. Франциском Диаго. Мощи сих блаженных иноков были перенесены в трёх деревянных ларцах в ризницу того же монастыря и положены среди прочих реликвий.

[173] В следующую пятницу, что было 14 октября, патриарх совершил торжественнейшую службу по блаженному, на которой присутствовали иноки всех орденов, но поскольку церковь была переполнена, им, чтобы спеть в хоре свои респонсории, пришлось войти через обитель и проследовать туда обходным путём. Епископ Марокканский отслужил мессу; высокопреосвященный владыка патриарх поднялся на кафедру, чтобы произнести проповедь, но из-за шума столпившегося народа никак не удавалось добиться тишины, так что Его высокопреосвященство не мог [целиком] произнести речь, приготовленную им во славу блаженного. Сказал, однако, что, хотя сей блаженный отец пока ещё не канонизирован, и поэтому его святость и слава перед Богом не до конца подтверждена, тем не менее на это явлено уже такое множество указаний, что недостаёт лишь церемонии канонизации. И, произнеся только это, он спустился от кафедры из-за не прекращавшегося шума толпы. Слова его, впрочем, никому не пришлись по душе, ведь каждому хотелось услышать из уст патриарха что-нибудь из ряда известных ему любопытнейших подробностей о житии блаженного.

ГЛАВА XIX. СВИДЕТЕЛЬСТВО БЛ. НИКОЛАЯ ФАКТОРА О СВЯТОСТИ И ПОСМЕРТНОЙ СЛАВЕ БЛ. БЕРТРАНА

[174] После погребения блаженного замечательное свидетельство о его святости и славе дал блаженный брат Николай Фактор. Ибо после того, как он побывал на похоронах, после непродолжительной беседы с отцами-доминиканцами, он удалился в келлию, где полтора часа провёл в экстазе, по окончании коего он, всё как бы ещё не в себе, в присутствии Его высокопреподобия отца-генерала Ордена мерседариев, брата Франциска Мальдонато, брата-магистра Михаила Салона, приора Ордена св. Августина, отца бр. Георгия д'Оливареса, командора мерседариев Валенсии, отца бр. де Фигероа, августинца, выдающегося проповедника, и ряда других иноков названной обители, многие из которых плакали, завёл речь примерно на полчаса, часто повторяясь, говоря то по-латински, то по-простому, называя блаженного иногда святым Людовиком, порой – братом. Сказал же он следующее.

[175] Святой Людовик, любезный Богу и человекам, ты уже видишь Бога лицом к лицу, не печалишься больше, ибо же о тебе сказано: «Войди в радость Господина нашего!» (ср. Мф. 25:21). Радужно встретили тебя ангелы, когда ты вступил в небеса, но и тотчас сказали тебе: «Друг! Подымись повыше!» (Вульг. Лк. 14:10. – пер. под ред. Пучкова). То же самое говорили тебе архангелы, начала, силы, власти, господства, престолы и даже сами херувимы. «...Воссел на херувимов и полетел... на крыльях ветра» (Пс. 17:11). Херувимы приняли тебя в свой сонм наряду со св. Домиником, св. Франциском и св. Викентием Феррером. Вот и стоишь ты там, пылая любовью к Богу и блаженствуя в присутствии Его. Тебе уже ведомо то, о чём спорили св. Фома и Скот, и то, чего мы не знаем: состоит ли блаженство по существу в созерцании Бога или в любви к Нему. Уже ныне ты воспевашь с Давидом: «Как слышали мы, так и увидели во граде... Бога нашего» (Пс. 47:9). Ты на небесах, где увеселяешься в оной бездне божественной сущности, как великая рыба в глубоких водах моря. Итак, исполнилось речение Песни Песней: «Он ввел меня в дом пира» (Песн. 2:4).

[176] О, как подобен ты святому Иордану (Саксонскому, пам. 13 февр. – прим. пер.); как ему довелось в разное время вручить хабит тысяче послушников, так и ты принял тех, кто сейчас просвещает и ещё просветит ваш Орден. Не будут впредь тебя называть братом Людовиком, а святым Людовиком. Святой Доминик, молись обо мне; святой Пётр Мученик, молись о мне; святой Антонин, молись обо мне; святой Фома, молись обо мне; владыка мой святой Викентий Феррер, молись обо мне; святой Людовик Бертран, молись обо мне! Вот ты уж и на небесах вместе с ними – верно ты сказал мне, что больше тебе не проповедовать. Одежания твои нынче миряне посрывали с тебя; что останется братьям твоим? Останется им смирение твоё и благой твой пример. О, как ты был смирен! Ох, когда мои друзья сказали мне навестить тебя, болящего, в келлии твоей, я прежде всего исповедовал грехи мои. Но ты, друг мой, велел мне читать тебе Евангелие и молиться о тебе, хотя именно ты, поистине святой, должны был бы молиться обо мне.

[177] Помни, что в сей брэнной жизни ты дал мне два обещания; одно уже сдержал, осталось другое. Святой Людовик, дал слово – крепись! Заметь, что праведные мужи, так живут и так действуют, как обещали; посему я весьма уповаю и доверяю сказанному тобою. О, как я рад! Правильно сказал св. Павел: «Радуйтесь всегда

в Господе», - и повторил: «Радуйтесь!» (ср. Флп. 4:4), но чтобы эта радость не превышала предела, тот же апостол прибавил: «Сдержанность ваша да будет известна... человекам» (Вульг. Флп. 4:5).

Таковы были слова блаженного Николая Фактора, когда он пребывал в экстазе. По некоторым намёкам установили, что блаженный отец Николай просил бл. Бертрана, когда тот был ещё жив, дать после кончины две весточки: во-первых, об участии Людовика в ином мире (и это он уже открыл ему, как явствует из описания экстаза); во-вторых, может ли спастись сам Николай; и надо полагать, что после многих молитв это ему тоже было поведено – как раз когда он, прежде чем прийти в себя, сказал, что весьма рад. А после окончания экстаза он так веселился, что аж диво, и молвил слова, проникнутые столь пламенной любовью к Богу, что слышавшие их растрогались до слёз.

[178] Отдельно он с великим воодушевлением обратился к отцу Генералу Ордена мерседариев: «О Отец Генерал, то был брат так брат! Но неужто Ваша милость не верит, что и вашем ордене там и сям есть святые братья? Конечно, есть! И сей Орден, поскольку он был основан св. Раймундом Пеньяфортским ради выкупа пленников, призван всячески подражать Христу, Искупителю всего человеческого рода, о Коем св. Павел говорит ефесянам: «По... великой любви, которою возлюбил нас» (Еф. 2:4), – причём брат Николай несколько раз с напором повторил слово «великой», – и обязан творить деяния беспримерного милосердия, как те отцы-мерседарии, что оставались рабами в Алжире, дабы других выкупить из рабства».

В то время как блаженный брат Николай говорил сие, он обратил взор свой на некоего инока из Ордена проповедников, упомянутого отца-бакалавра бр. Луку, и сказал ему: «Брате, приготовься, ибо ты умрёшь». И хотя он это заявил тому иноку, по-видимому, без всякой причины, однако именно он, о ком бл. Николай сказал так, умер первым из отцов той обители – хотя и через несколько месяцев, второго июля следующего года.

[179] После сего святого беседования и других ещё слов, во время которых он неоднократно впадал в экстаз, его позвали к трапезе, ибо прошло уже три часа после полудня, на что он ответил: «Какую еду вы можете дать мне, что была бы равноценна той, которую дал мне мой брат святой Людовик?!» Затем, когда его чуть ли не силою повели в трапезную, он, проходя мимо келлии св. Викентия, воскликнул с дивным благоговением: «О, если бы Бог даровал мне такую милость, чтобы я когда-нибудь вошёл в сию храмину и умер; чтобы меня похоронили в этой келлии у алтаря, где так часто молился св. Викентий и где брат св. Людовик служил мессу!» Войдя в двери трапезной, он указал пальцем на стол, поставленный поперёк у изголовья слева и молвил: «По что вам кормить меня?! Позвольте мне сесть в том месте, где Бог оказал мне великую милость!» (Сие же молвил он потому, что видел там за трапезой с иноками св. Доминика и св. Викентия, как было сказано выше). И вдруг в восхищении духа он заговорил о славе бл. Людовика Бертрана, и говорил долго, и невозможно было его уговорить съесть хоть что-нибудь.

[180] Когда он вернулся в свой монастырь Св. Марии Иисусовой, несколько удаленный от городских стен, его с трудом смогли уговорить поесть лишь через два

или три дня. Ибо, [когда его звали на трапезу], он заводил рассказ о пиршестве, устроенном ему святым братом Людовиком (будто бы речь шла именно об этом).

А входя в церковь, он с обычной своей простотой говорил Св. Дарам: «Что же, Господи, вся любовь Твоя, все ласки достались избранному Тобою брату Людовику, а бедному брату Николаю – ничего?»

Было ещё несколько случаев, когда тот же бл. отец Николай замечательным образом засвидетельствовал святость бл. Бертрана.

Когда он вместе с иноками из своей обители пришёл прочитать в церкви респонсории на погребальной службе по бл. Бертрану, то пал на колени и лобызал его ноги и изрядное время, по-прежнему на коленях, повторял снова и снова: «Молись о нас, блаженный Людовик Бертран!» Так же и до конца жизни в своих литаниях бл. Николай наряду другими святыми исповедниками всегда призывал бл. Бертрана такими словами: «Святой Людовик Бертран, молись о нас!»

[181] В другой раз бл. Николай, придя в обитель Проповедников, дабы навестить келлию, в которой жил бл. Бертран, почтил как священную реликвию одну из тех благочестивых литографических картинок, которые окружали бл. Бертранда, и при случае выпросил её для себя.

В другой раз вечером в церкви Проповедников, потянув за локоть некоего отца, он молвил: «Разве ты не видишь, брат, разве ты не видишь?!» «Что, отец Николай?», – отозвался инок. А он ему, указывая на главный алтарь, ответил: «Друга, друга!» Отсюда можно понять, что тогда ему явился бл. Бертран.

Однажды в своей обители св. Марии Иисусовой он воззрел на небеса с таким пылом и волнением, что, казалось, пытался воспарить над землёю, и с ликованием сказал: «Хочешь, взойду, братишечка мой, брат Людовик, хочешь, взойду?!» Он часто повторял нечто такое.

В другой день, отслужив мессу, он довольно долго простоял на коленях перед главным алтарем, а потом, как бы вне себя, сказал окружающим: «Думаете, почему я так себя веду? Я увидел св. отца. Франциска, св. отца Доминика, а посреди них сего благословенного, сего благословенного брата Людовика Бертрана. И хотя не одинаков у нас хабит, мы же все братья, правда?!»

[182] Подобно же и в дальнейшем ходе жизни, находясь то в Валенсии, то в Каталонии (где он облачился в капуцинский хабит и стал именоваться братом Франциском Бичеваний Христовых), всегда с похвалою в речах своих отзывался о бл. Бертрane, а по причине особого к нему почтения сочинил о нём поминальную молитву, в которой ясно выразил, насколько он был уверен в славе и блаженстве, кои бл. Бертран обрёл на небесах. А вот и эта поминальная молитва:

«Поминование блаженного Людовика Бертрана Валенсийского из Ордена Проповедников.

Антифон.

О преславное чадо града Валенсийского;

О светило, совершенством всех добродетелей наделённое и украшенное;

О алая роза милости, цветущая и благоухающая;

О серафим, пылающий огнём жаркой любви божественной;

О муж поистине правоверный и апостольский;

О цвет живоносного иночества доминиканского, паче всех цветов благовидный и благоуханный;

О всесиятельная жемчужина священства;

О достойный сын святейшего отца нашего Доминика, блаженный Людовик Бертран, божественного закона ревнитель, молись о нас Господу Иисусу Христу, благоволившему увенчать тебя в лике блаженных Своих.

[183] V. Молись о нас, блаженный Людовик Бертран.

R. Чтобы стали мы достойны обетований Христовых.

Молитва. Просим Тебя, всемогущий и милосердный Боже, чтобы мы, почитая святость и славное житие блаженного Людовика Бертрана, смогли также подражать и его добродетелям, а подражая им, усовершенствоваться, а усовершенствовавшись, благополучно достигнуть Царства Небесного.

Через Господа нашего Иисуса Христа и т. д.».

После этого он написал некоему члену королевского совета в Валенсии, что дражайший друг его, святой Людовик Бертран, вымолил для него некую милость от Иисуса Христа, Господа нашего, а прежде чем обрести её, он видел его предстоящим Богу один раз так, а потом иначе. Сразу за тем он ещё добавил: «Также предстательствовали и всеславный отец мой св. Доминик да господин мой св. Викентий».

[184] Когда блаженный отец бр. Николай тяжело занемог болезнью, от которой в итоге и умер, посетил его отец-субприор валенсийской обители Проповедников, а с ним благой памяти досточтимый отец бр. Доминик Анадон, которые доставили ему палец бл. Бертрана, чему он так возликовал, что не переставал целовать его и прикладывать к лицу и шее, приговаривая: «О святой Людовик! О святой Людовик!» А ещё он сообщил, что во время сей болезни ему дважды или трижды являлись свв. Доминик, Викентий и Людовик Бертран, обстоятельно описал их видение. Сверх того он молвил, что видит птах, которые являлись св. отцу Людовику Бертрану на Пасху, но на вопрос, где они, ответил, что упорхнули на небеса. Когда его снова спросили, что то были за птахи, он ответил, что ангелы. Об этом сообщалось выше – в кн. 1, гл. XXIV.

Помимо того, он рассказал, что когда-то подошёл к бл. Бертрану, чтобы нечто выпросить у него, но тот, будучи сдержан в словах, отказался говорить об этом, однако же на другой вопрос, будет ли он (бл. Николай) спасён, трижды с необычайным волнением молвил: «Конечно, конечно, конечно!»

ГЛАВА XX. О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ БЛ. БЕРТРАНА

[185] Поскольку с каждым днём множились чудеса, которые Бог творил по заступничеству бл. Бертрана, в обитель Проповедников стекались огромные толпы народу, дабы почтить гробницу блаженного, находившуюся, как было сказано, под хором, куда не всем желающим был открыт доступ.

По этой причине, чтобы удовлетворить народные чаяния и чтобы хранить мощи блаженного подобающим образом, его брат Хайме Бертран позаботился о том, чтобы соорудить каменную гробницу в виде небольшой часовни, в которой они с согласия ординария (который уже получил много свидетельств, дававших ясное представление о святости жизни и чудесах одного бл. Бертрана) были заключены в каменный саркофаг. Перенесение состоялось 25 марта, прямо в великое торжество Воплощения Сына Божия 1582 года.

[186] И хотя они старались провести его тайно, чтобы избежать шума и давки, в присутствии лишь нескольких высокопоставленных особ, скрыть событие не получилось, и накануне Благовещения собралась поразительная толпа людей, полагавших, что перенесение состоится этой ночью. Тогда отец приор, поняв, что горожане ожидали ночного перенесения мощей, решил совершить его посреди дня. И когда патриарх, а с ним епископ Марокканский вместе с частью причта прошли в ворота обители и через церковь, а затем народ увидел, что, несмотря на необычный час, внутрь вошла вице-королева с немногочисленными спутниками (а именно: с сыном своим доном Гастоном де Монкадой, ныне – маркизом Айтонским, с дочерьми, с зятем доном Херонимо Корельей, первенцем графа де Косентайны, и несколькими челядинцами), то понял, в чём дело, и хотя двери церкви тут же затворились, тем не менее в неё проникло более пятисот человек, среди которых было много благородных кабальеро, знатных мужей, учёных и иноков.

[187] Гробницу открыли и сошли в неё, чтобы поднять тело, магистр провинции Ордена брат Иоанн Лоарес, приор магистр бр. Франциск Алеман и магистры бр. Иоанн Витали да бр. Викентий Юстиниан Антист. Они вскрыли ящик, в котором лежали священные мощи, и обнаружили, что они невредимы и нисколько не затронуты тлением, что заметили все, хотя помещение располагалось глубоко внизу. Отцы задержались там на некоторое время, чтобы облечь священные мощи в новые одеяния, а старые снять, чтобы хранить как реликвии. И вот, его вынесли через отверстие гробницы, и присутствовавшим он предстал точь-в-точь как живой.

Когда вскрывали саркофаг, некий студент по имени Хосе Монлеон, 24 лет, почувствовал сильное благоухание, исходившее из неё, которое ещё усилилось, когда оттуда вынимали тело. То же самое почувяли дон Энрике Феррер, Франсиско Васьедо и много иных особ, которые утверждали, что этот сладостный запах не был похож ни на один другой аромат.

[188] Когда тело сие святое предстало взорам столь нетленным и гибким, будто только что испустило дух, все от умиления залились слезами и воздали хвалы Богу. Его положили на погребальные носилки, и патриарх со слезами облобызал ему ноги, и все, кто смог подобраться, подражали ему, а также прикладывали к мощам «венчики», розарии и драгоценности, что делалось с величайшим благоговением и радостью. Но так как затем толпа желавших облобызать мощи и приложить к ним венчики и другие предметы возросла, то поспешили положить их там, где они ныне

находятся, тем более кто-то успел отсечь большие пальцы на руках и мизинец на одной из ног; впрочем, отец-провинциал, сыскав вора, оба пальца с рук вернул на место. Поэтому, опасаясь, как бы не были расхищены и другие части тела, поскорее разместили тело в упомянутой гробнице, а из-за крайней спешки надгробный камень положили вверх ногами.

[189] И вот, когда на следующий день в полдень вернулись, чтобы правильно разместить камень, то снова вынули святые мощи, и хотя это проходило в такой тайне, что помимо самих участников об этом едва ли знали даже братья обители, всё же собралось свыше двухсот мирян, и состоялось благочестивое зрелище.

Отец-приор обители облачился в самую нарядную каппу из вышитой золотом ткани, а министранты и аколиты, облачённые в одинаковые одеяния, все вместе подняли святое тело на плечи. Отец-приор запел гимн св. отца Доминика: «Веселись, Матерь-Церковь, с радостью поминая почившего, ибо ещё одно чадо своё избранное ты провожаешь в чертоги небесные», на что отозвался орган, после чего инокам и даже мирянам, попеременно возглашавшим стихи гимна, было позволено по очереди лобызать руки святого. Затем под звуки упомянутой молитвы св. Доминика святые мощи уложили в вышеназванную гробницу, где они и по сей день хранятся. Украшают гробницу одиннадцать серебряных лампад, которые там обычно беспрерывно горят.

[190] С 26 марта 1582 года и до текущего 1622 года эту гробницу ни разу больше не вскрывали и тело не осматривали. Оно покоится там в целости; отсутствуют только три пальца на одной руке и мизинец на ноге. Ведь когда были отсечены два пальца, обратили внимание, что на руке надрезан и мизинец. Поскольку он держался только на тонкой жилке, его отрезали полностью, чтобы в обители осталась хоть какая-нибудь ещё реликвия, которую можно носить к болящим. Его оправили в серебро и хранили в ризнице. От него свершилось много чудес.

Один из двух других [отрезанных пальцев] отец-провинциал послал в подарок кардиналу Александрийскому бр. Михаилу Бонелло, племяннику Пия V; один сустав другого пальца отдал отцу-приору, две других фаланги – отцу-магистру бр. Викентию Юстиниану, который передал их Её светлости Изабелле Евгении Кларе Австрийской, дочери короля Филиппа II, когда она посещала Валенсию в 1536 году; и донье Гьомар де Монкада, дочери маркиза Айтонского, и матери графа де Косентайна, которая хранит сии реликвии доселе. Мизинец с ноги попал в руки инквизитора дона Педро Сураты, который подарил его некоей своей племяннице-монахине. Одежда блаженного и деревянный ящик, поднятый из прежней гробницы, помогали против различных недугов и прославились многими чудесами.

КНИГА ТРЕТЬЯ

[1] Некий отшельник из Кульеры по имени Михаил Понс, имевший некоторое знакомство с бл. Бертраном, тяжело хворал горячкой, которая мучила его в течение аж полутора месяцев. Через восемь дней после отшествия блаженного из мира живых он тихо молвил ночью: «Ох отче, брат Людовик Бертран, если бы я был здоров, проводил бы тебя при кончине!» – и тотчас увидел, как в двери спальни его входит Людовик с каким-то спутником. И спросил его оный блаженный, сказав: «Как дела, брат Михаил? Как здоровье? Радуйся, ибо ничего худого с тобою не будет!» – и,

перекрестив ему лоб, коснулся лица его. На вопрос же отшельника, кто его спутник, ответил, что это магистр Микон; и вдруг исчез из виду. Зато отшельник полностью исцелился от горячки и остался совершенно здоров.

[2] У Херонимы-Хулианы, супруги канатчика Хайме Кальдета, в тот самый день, когда умер блаженный, разбухла такая жуткая болячка в гортани, что ей даже рот скрутило под правое ухо. Она не могла говорить и тяжело страдала. Услыхав же, что блаженный творит многие чудеса, она однажды вечером благоговейно вверилась ему, а на следующую ночь ей явился блаженный со святым Викентием Феррером и, сев у изголовья постели её, предупредил, чтобы не позволяла делать себе кровопусканий, ибо вскоре и так исцелится, и, уделив ей благословение, оба исчезли из виду, а рот её вернулся на свое место, речь восстановилась, всякая боль отступила, пришло исцеление.

Урсула-Клара Айесса из третьего Ордена св. Франциска не верила, что Бертран свят, но вскоре после его смерти, однажды вечером, когда донёсся колокольный звон к «Радуйся, Мария» и она закрылась в молельне, чтобы прочесть молитву, явился блаженный в бело-чёрном облачении, – таком, как носят братья-проповедники, но ярко сияющем, – а капюшон его был усыпан драгоценными камнями. Источая сладостнейший аромат, он коснулся лба её и молвил: «Теперь понимаешь, каков я?» И сказав это, стал невидим.

[3] В 1582 году, 5-го февраля в Валенсии, скончался благородный кабальеро великой доблести и высокого положения – Гильермо Раймондо Каталано, которому блаженный несколько раз являлся во время болезни, в частности, после принятия таинств Исповеди и Евхаристии, а также после составления завещания. Некая особа, ухаживавшая за ним, слышала, как он довольно подолгу то говорил, то слушал, а затем весело отвечал; и она спросила, в чём причина сего. «Да простит тебе Бог, – отвечал болящий, – ведь ко мне пришла Пресвятая Дева Мария, явились св. Доминик и св. Викентий Феррер вместе с блаженным братом Людовиком Бертраном!» Чуть позже он эту же особу заклинал любовью к Богу не рассказывать ни одному смертному о том, что он рассказал. Но потом святые, должно быть, велели ему сообщить о том, ибо в присутствии доньи Франсиски Вивес, жены своей, а также дона Франсиско Вальтерры и других он сам рассказал о видении. При этом на голове у него был ночной колпак, на шее – чётки, а под подушкой – пояс, каковые все вещи принадлежали бл. Бертрану. Он добавил, что оный блаженный говорил об этих реликвиях и поощрял его носить их.

[4] Через несколько часов он снова молвил, что ещё раз приходили те же святые вместе с другими иноками того же Ордена, которые торжественно выстроились как бы для молебна позади кровати и нараспев читали литанию и пели молитвы святому отцу Викентию и бл. Бертрану, причём в литании поминали не только канонизированных святых, но и других членов того же ордена, которые тогда еще не были официально причислены к лику святых, а в частности, мучеников брата Доминика де Монтемайора и брата Аматора Эспи, и святого брата Иоанна Микона, и святого понтифика Пия V, от которого, как сказал кабальеро, он получил многие блага. Пока читали литанию, в комнату вошел и славный святой Николай Толентинский (пам. 10 сент.), которому все они поклонились и поставили его подле святого Доминика. Св. Николай держал в руке посох, а от чела его исходил

прекраснейший свет; и в качестве особой милости он положил посох тот на подушку, чтобы болящий смог заснуть на следующую ночь, поскольку до этого он провёл много ночей без сна.

[5] Насладившись обществом святых, болящий обратился к ним всем с мольбою, дабы выпросили они для него у Бога здоровье, коего он жаждал на утешение своей жене и детям. По бл. Бертрану было заметно, что он недоволен сей просьбой: сказав кабальеро, что тот не умрёт от этой болезни, блаженный затем ударил его по шее, после чего видение прекратилось. На четырнадцатый день болезни дону Гильермо стало намного лучше, но при этом разболелась шея, так что он даже пожаловался жене: «Ох, сударыня, какой удар нанёс мне святой! Как мне больно!» Позже пришли врачи и хирурги и не нашли и следа бывшего недуга, но два дня спустя сильное воспаление поразило ту самую часть шеи, на боль в которой он горько жаловался, и через два дня он умер, чем подтвердилось на деле данное блаженным обещание о том, что он не умрёт от болезни, которой тогда страдал.

[6] Накануне смерти сей знатный муж после Последнего священного помазания перенес сильный приступ, от которого оправился, но лишился речи. Когда он поднял два пальца в сторону изголовья, окружающие сначала не поняли, что он имеет в виду, но, наконец, спросили, не стоят ли там бл. Бертран и св. Викентий Феррер, на что он весело подмигнул в знак подтверждения. А присутствующие, опасаясь бесовской прелести, окропили его святой водой и спросили, прекратилось ли видение, однако он помотал головой. Тогда его сын, магистр бр. Викентий Каталано, всё ещё питая подозрения, произнёс: «Слово стало плотью», что болящий отчётливым голосом продолжил: «И обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца (Ин. 1:14). Слава Тебе, Христе!». А когда из предосторожности ему было сказано ещё и: «Иисусе Христе, Сыне Бога живого, помилуй нас», он ответил: «Довольно, сынок, нет нужды в столь многих словах».

[7] Затем больного спросили, что ему сказали святые, а он ответил, что они призвали его поскорее пойти с ними. Кроме того, на вопрос, что он тогда им ответил на это, дон Гильермо сказал, что охотно согласился последовать за ними. Снова спросили, кто же, мол, удержал его? «Вы сами», – молвил он. И это было правдой, ибо все просили Бога сохранить ему жизнь. Тогда-то и исполнилось обещание, данное ему бл. Бертраном за несколько месяцев до этого. Ибо, когда за четыре дня до кончины блаженного он пришёл навестить блаженного и испросить у него благословения, услышал такие слова: «Ступайте, дон Каталано, Бог милостив, ну а я помяну Вашу милость, вот увидите».

[8] Когда сестра Маргарита Салильяс, инокиня Ордена св. Клары, в День святого Валентина, 14 февраля 1582 года, дошла в болезни своей до крайности, лишившись всякой надежды на выздоровление, мать аббатиса приказала отслужить мессу по усопшим, посвятив её бл. Бертрану. Пока служили эту мессу, сестра Иоанна Креста навестила больную и посоветовала ей обратиться к бл. Бертрану, которому посвящалась месса, дабы он предстательствовал о её выздоровлении. Болящая ответила: «А бл. Бертран уже тут». Это услышала другая больная по имени сестра Мария-Анна Фигуэрола, которая лежала с больной рукой, причём повреждение было

так серьёзно, что шла речь об удалении, и она молилась бл. Бертрану столь же усердно, как и та другая монахиня.

[9] Но когда сестра Фигуэрола услышала, что бл. Бертран рядом, она спросила у той, что его видела: «Подружка, а где он?» – «Вон на том стуле», – ответила сестра Маргарита. «Эх! – отозвалась сестра Фигуэрола. – А почему он не исцеляет меня? Ведь я так долго просила его!» Маргарита же ответила ей: «Он только что уделил благословение тебе и другим больным, так что вы все, считайте, исцелились, ну а мне он вымолил спасение души, но не здоровье телесное». Сестра Фигуэрола спросила, сколько ему лет и во что он одет. «Не очень стар, – ответила сестра Маргарита, – не полностью сед; одет же в бело-чёрное».

Это случилось в шестнадцатом часу [после заката минувшего дня], а через полчаса Маргарита в полном умиротворении испустила дух. Две же другие больные внезапно пошли на поправку, причём рука сестры Фигуэролы выздоровела совершенно.

<...>

[13] Хуана Наварро де ла Рагойен, девица 30 лет, страдала от смертоносной летаргии, по каковой причине приняла Последнее помазание. На неё возложили сорочку бл. Бертрана и помолились ему, как она сама молилась до того, как лишилась чувств. За то время, в течение которого можно дважды прочитать Апостольский символ веры, она пришла в себя и заявила, что ей явились бл. Бертран со св. Викентием Феррером и приказали ей облачиться в хабит св. Доминика, как она обещала. С того самого мгновения времени, если не считать небольшой слабости, она совершенно поправилась и в дальнейшем оставалась здорова.

Херонимо Кардильяс, слуга дона Хуана Бойля, работая в саду, вступил в перебранку с одним рабочим, который, ударив его камнем по голове, тяжело ранил и поставил перед угрозой смерти. Когда состояние раны того потребовало, хирурги решили, что на следующий день снимут с неё кожу, чтобы можно было её в лечебных вскрыть и исполнить прочие действия, требуемые врачебным искусством. Ночью больной воззвал к бл. Бертрану со словами: «Отче, ведь я сопровождал тебя в Америке (см. кн. I, гл. XI. – прим. пер.) и служил тебе, хоть и худо, но как мог! Помоги мне в беде!». После этого ему во сне явился блаженный и возложил ему руку на голову, и когда на следующее пришли врачи, они обнаружили, что рана выглядит гораздо лучше, а поэтому вскрывать её больше нет нужды. И вскорости он сам по себе выздоровел.

<...>

[34] Через полтора года после смерти бл. Бертрана некий муж был сильно обижен судьей одной деревни, потому что враги его, намереваясь его погубить, выставили ему за один-единственный день шесть обвинений, и судья, приняв их, заключил его в подземную темницу, куда проникала вода, из-за чего всюду было мокро, и не имелось постели, на которой можно было бы отдохнуть. По прошествии нескольких дней, чувствуя, что жизнь в опасности, заключённый вверился бл. Бертрану, молясь, чтобы тот попомнил о некоторых услугах, которые он оказал ему при жизни его. Повторяя эти молитвы и призывая Пресвятую Богородицу, он заснул, и тут явилась ему Преподобная Дева, а с Нею – бл. Людовик. Проснувшись, муж сей хотел

было пасть на колени, но видение тут же прекратилось. И тотчас же цепь (которая была очень тяжела и, пропущенная через отверстие в своде, замыкалась крепчайшим висячим замком) кусками упала на землю. Чуть позже этого мужа по приказу другого судьи отпустили, а прежнего судью, так жестоко с ним обошедшегося, взяли под стражу, и пришлось тому преданному почитателю бл. Бертрана заступиться за него.

<...>

[36] Шёл уже шестой год, как рабочий Хуан Арсис страдал астмой. Приступы были так тяжелы, что его часто приходилось поднимать с постели ночью, чтобы глотнул свежего воздуха. Безуспешно перепробовав все средства, он дал обет совершить при гробнице бл. Людовика Бертрана девятидневную молитву и повесить там серебряную грудь (в качестве votivного приношения, изображающего полученный у святого дар; в данном случае – исцеление лёгких. – прим. пер.). В ночь накануне святого Дионисия (когда скончался блаженный) ему приснилось, что он идёт по Валенсии и у него начинается приступ, из-за которого он сильно задыхается и кашляет, но тут ему встречается незнакомый монах и молвит: «Что ты здесь делаешь, брат?» В ответ Хуан рассказывает ему о своей болезни. Тогда монах ему: «А ты вверился бл. Людовику?» «Конечно же, – ответил рабочий, – но совершенно безуспешно». Монах возразил: «А серебряную грудь пожертвовал в приношение ко гробнице, как обещал?» «Не жертвовал, – ответил больной, – ведь он не исцелил меня». «Сделай это безотлагательно, – сказал инок, – и лично я обещаю тебе, что исцелишься». Тем временем больной услышал громкий треск и, проснувшись, почувствовал себя совершенно здоровым.

<...>

[39] Беатрис Мартинес из Ориолы, женщина большого благочестия, однажды по не известной для неё самой причине впала в крайнюю печаль. Тогда она от всего сердца воззвала к славным святым Доминику и Людовику, которых всегда глубочайше почитала. Во время молитвы явились ей два инок из Ордена Проповедников, один из которых сказал: «Это святой Доминик, а я брат Людовик Бертран, по чьему заступничеству Бог избавил тебя от неминуемой утраты. Продолжай молиться!» – и после того, как он сказал это, она больше их не видела.

Вечером Беатрис спросила сына своего Андреса, вернувшегося с поля, не случилось ли чего худого. Он стал было отнекиваться, но поскольку мать добавила, что, мол, ведь ты и сам, без всякого сомнения, встревожен, признался, что, мол, и правда было дело. Ибо мулы, напуганные во время пахоты, обратились в бегство и поволокли за собою плуг, причём лемех многократно тыкался им в ноги и животы, так что, казалось, они наверняка помрут, но Бог уберёт их от всякого вреда.

<...>

[45] Однажды, когда бл. Бертран то и дело хворал, один из друзей стал настойчиво упрашивать его ради разминки пройтись с ним к роднику близ Русафы у стен Валенсии. Несмотря на то, что слуга Божий был обессилен непрерывными немощами своими, он уступил просьбам друга и пошёл с ним к упомянутому источнику, от которого, предварительно освятив его своим благословением, испил.

Пока они там разговаривали, показался некий больной (состоявший на службе у хозяина земли, где был родник) по имени Педро Химено, селянин из Русафы, и спросил его слуга Божий, чем он страдает. Тот ответил, что уже полгода как болеет лихорадкой. «Попей, – молвил блаженный, – воды отсюда». Но селянин возразил, что при его заболевании это было вредно. Однако, вняв уговорам блаженного, что, мол, если он попьёт воды, вреда не будет, испил из источника и тотчас же исцелился.

[46] Когда после смерти блаженного это чудо, наряду со многими другими, совершенными им, стало общеизвестно, народ стал стекаться к тому источнику толпами и приводить туда своих больных. По этой причине настоятель обители в Русафе, Михаил Пелегри по имени, повелел сборщиками подаяния на украшение образа Пресвятой Девы Марии и во имя помощи душам верных в чистилище приходить туда же, так как этот источник находится в приходе Русафы; и в те первые два-три дня собрали там около шести эскудо. И Бог сотворил там столько чудес по заступничеству блаженного, что окружающие деревья были усыпаны обетными дарами в память о них. Не следует также упускать из виду, что сам ключ до того, как Людовик благословил его, был скуден и то и дело пересыхал, но после никогда не переставал бить.

<...>

[51] У Катарини Фустер де Педрос, вдовы, обитавшей в Валенсии, была трёхлетняя дочь по имени Исабель-Анна, которая, играя на выступе дома, оступилась и упала в проём с высоты двух копий. Удар оказался так силен, что хребет сломался, а на груди выпятился такой горб, что девочка выгнулась наподобие лука. В течение шестнадцати месяцев она страдала от невыносимой боли и затруднения речи. Поскольку лекарства не помогли, мать повела её к источнику, где, излив молитвы, омыла водою грудь дочери и, взяв с собою воды из того же источника в сосуде, омывала дома ей ту же часть тела, моля при этом блаженного о помощи. По этой причине девочка стала выздоравливать, а на пятый её грудь сплющилась, став такой же, как прежде, когда она была здорова.

<...>

[65] Паула, двенадцатилетняя дочь столяра Хуана Грегорио, наткнулась на тростину, которая, угодив ей в рот, тяжело поранила нёбо. Поэтому изо рта и ноздрей у неё так обильно текла кровь, что она, казалось, могла захлебнуться. Перепробовали множество средств, чтобы остановить кровотечение, но напрасно, и девочка пребывала в таком состоянии три дня, не имея возможности при этом ни есть, ни пить. Её мать, Агнес Гарсия, вверила её бл. Бертрану, пообещав, отмолить новенну и принести на гробницу восковую гортань. Кровь остановилась без промедления, и женщина начала новенну, но прежде её завершения отроковица выздоровела.

У Эсперансы Вергара, жены Висенте Монфорта, появилась на шее опухоль размером с её же голову, которая держалась семнадцать лет, причиняя сильную боль и не давая работать. Причём врачи уверяли, что если бугор удалить, она несомненно умрёт. И так ничто на земле ей не могло помочь, и, сознавая, что она не может трудиться для поддержания своей семьи, она взыскала защиты у бл. Бертрана, и однажды ночью, когда она после молитвы заснула, опухоль совершенно

нечувствительно лопнула, и неё вытекло обильное количество воды, оставив только крошечную дырочку, которая потом легко залечилась.

[66] Висенте Монфорт, муж вышеупомянутой Эсперансы, в ссоре с приятелями был тяжело ранен из ружья в горло, так что он ничего не мог проглотить, а из-за потери крови лишился чувств и, упав на землю, пролежал запертво более часа. Услыхав о том, жена помчалась к мужу, но ей не разрешили приблизиться к нему, потому что он умирал. Тогда она пала на колени и горячо молилась блаженному Бертрану, чтобы он хотя бы не позволил ему умереть под бременем смертного греха. Немного погодя раненый поднялся с земли и, напрягая все силы, без посторонней помощи пошёл на своих ногах домой. Жена настойчиво продолжала молиться, и в короткое время он исцелился к изумлению всех, кто видел его смертельно раненым.

Когда Антонио-Хуану Понсету, страдавшему горячкой, пустили кровь, рука после вскрытия вены у него так разболелась, что он выл две ночи и один день, не мог уснуть и ничего не приносило ему облегчения. По этой причине он взмолился бл. Бертрану и блаженному Николаю Фактору, а немного позже, заснув, почивал часа три-четыре, а когда пробудился, ни горячки не было, ни воспаления, ни боли малейшей.

<...>

[106] Отроковица Херонима Хинер, дочь рабочего Франсиско Хинера, что живёт на улице Морведра, во время тяжёлой болезни потеряла все волосы, и голова у неё целиком покрылась нарывами, к чему добавилась обильная парша и множество опухолей. Хотя перепробовали уйму лекарств, девочка с каждым днём теряла всё больше и больше волос. Убедившись в том [что всё остальное бесполезно], её мать Урсула Солер, взяв ее с собой, начала новенну бл. Бертрану, и в первый же день после молитв у гробницы святого слегка окунула ватку в масло и воду одной из горящих там лампад и стала мазать этим голову дочери. Когда некоторые из окружающих увидели это, они сказали ей, что она делает глупость, помазывая голову девочке маслом, ибо это причинит ей большой вред. Но она, нисколько не обращая внимания, положила на святого и продолжила смазывать дочери голову, а помазав, прикрыла её лишь тоненьким платком. На третий день стали появляться волосы, а через девять дней они выросли на своих местах по всей голове, стали гуще, чем прежде, и сама отроковица целиком поправилась.

[107] Андреа Альрео, жена Херонимо Солера, рабочего с улицы Морведра, рожала уже в третий раз, но в предыдущие два раза из-за нехватки своего молока она отдавала новорожденных кормилице, и они умирали. В этот раз она родила девочку, которую по той же причине отдала на вскармливание женщине, которая столовалась у них дома. Когда же младенцу было уже три месяца, из-за какой-то ссоры с кормилицей она стала всеми силами пытаться добыть из себя молоко, а помимо прочего просила какую-то отроковицу сосать её грудь, из-за чего оттуда хлынула кровь, и пришлось воздержаться от этого, как и от прочих усилий. Между тем вышеупомянутая кормилица заболела, и пришлось нанять другую, что доставило бедной женщине много хлопот. В этой беде она решила просить помощи у бл. Бертрана и обетовала совершить новенну у его гробницы. Она начала её, а на шестой день молока у неё так прибыло, что она без каких-либо затруднений смогла

сама выкормить грудью ребенка, которому было уже пять месяцев. После этого она ещё несколько раз рожала и благополучно выкармливала детей без какой-либо посторонней помощи.

<...>

[111] Катарина Алегре, обнаружив в одной из своих грудей опухоль размером с апельсин, которую врачи объявили неизлечимой, обратилась к бл. Бертрану, к которому и ранее питала глубокое благоговение, пообещав свершить девятидневное молебствие. И по мере того, как она день за днём исполняла обет свой, чувствовала себя всё лучше, так что по окончании новенны в теле не осталось и следа этого болячки. Увидев, что она так быстро исцелилась, некий хирург по имени Морано, уверявший её, что болезнь неизлечима, не мог надивиться, утверждая, что никогда бы в это не поверил, если бы не увидел своими глазами.

Через некоторое время после того, как вышеупомянутая Катарина убедилась в своём выздоровлении (а она была богобоязненна), напали на неё угрызения совести, правомерно ли она просила о милости, ведь, потерпев боль, она наверняка могла бы обрести огромную награду на небесах. По этой причине она снова приступила к девятидневной молитве, прося блаженного, чтобы, если это будет полезнее для её души, он упросил Богом снова навести на неё ту же самую болезнь. Когда она довершила новенну, её грудь опять начала набухать; затем на том же месте образовалась такая глубокая рана, что хирург уверял, будто видит через неё внутренности больной, но она терпеливо сносила этот недуг ещё целый год.

<...>

[144] Выше, в главе XVIII книги I рассказывается о чуде, произошедшем в Америке с девушкой, которую бл. Бертран восставил из мёртвых, сам будучи ещё жив, теперь же подобает поговорить о том, как он после собственной кончины возвращал мёртвых к жизни.

У Мелькиора-Хуана Гальяка, гражданина Хативы, был сын по имени Мариан-Хуан. Болезнь довела его до такого состояния, что он уже не открывал глаз и обнаруживал прочие признаки смерти, да и рот у него открылся так, как обычно бывает у тех, кто испустил дух; так что его оплакивали, как умершего. Мать его, Анна Таррега по имени, весьма почитала бл. Бертрана, к которому относилась как к великому святому и которому часто исповедовалась в своих грехах, когда он читал свои великопостные проповеди в кафедральном соборе упомянутого города. И вот, став на колени, она обратилась к нему: «О отец брат Людовик Бертран, умоляю тебя, оживи моего сына!» И повторяла она эти слова больше четверти часа.

[145] Когда же сии крики и причитания показались её мужу чрезмерными, он подошёл, чтобы утешить её, но, оглянувшись на кровать, на которой ребенок лежал в позе покойника, заметил, что глаза у него открыты и живо блестят, щёки и губы порозовели, словно бы он и не болел вовсе, а в итоге он приобрёл совершенно здоровый вид.

Узнав об этом чуде, отец и мать, а также некая служанка по имени Исабель Сала, присутствовавшая при этом, отправились в Валенсию, чтобы посетить могилу бл. Бертрана и выразить ему свою благодарность за столь великую милость –

воскрешение сына из мёртвых. Там они оставили в приношение восковую фигурку и другие знаки своего благоговения. Мальчик же этот в 1596 году был ещё жив.

<...>

[147] Катарина Донат, жена Висенте Вальверта, рабочего из деревни Онтеньенте, так тяжело болела, что шесть дней провела без чувств и, наконец, дошла до такого состояния, что все видевшие её сочли мёртвой. После различных проверок убедились, что она скончалась, и, как водится, прикрыли ей лицо. Херонима Сегриана, жена Лауренсио Конка, и другие, сжалившись над несчастной дочерью покойницы и её семьей, отправились, хотя была уже полночь, в доминиканскую обитель св. Иоанна, где в церкви было писаное изображение бл. Бертрана. Они добились, чтобы им открыли двери той церкви, и молились перед упомянутым образом за жизнь и исцеление. После молитвы они вернулись в дом покойной и через некоторое время заметили, что она шевельнулась и вернулась к жизни.

[148] Призвав вышеупомянутую Сегриану, свою подругу, Катарина сказала ей по секрету, что умерла и предстала перед судом Божиим, а поскольку она была женщиной злоречивой и многих оскорбила своею бранью, бесы заявили, что она принадлежит им, хотя ангелы тому перечили. Тут в разгар препирательств явился бл. Людовик, который помолился Богу, чтобы она ожила и исправила жизнь свою, а затем взял её за руку и сказал: «Ты моя» – тогда она и вернулась к жизни.

Прожила же она в добром здравии ещё четыре года, но если раньше была злобной бабой, которая кляла всех и каждого, то за эти четыре года нрав её переменился, и со всеми она общалась с великой простотой и любезностью. А историю эту Катарина пересказывала упомянутой Херониме и своему мужу много раз.

<...>

[155] В 1612 году, в октябре месяце праздник бл. Людовика Бертрана отмечался по всей Фландрии и, в частности, в знаменитом городе Лилле. И там три дня спустя, 12-го числа означенного месяца Маргарите Бернис, жене прокурора Франсуа Раулера, жителя вышеназванного города, находившейся дома с мальчиком трех с половиной лет и девочкой восемнадцати месяцев, показалось, что её зовут к двери, поэтому, оставив обоих малышей на кухне, она пошла отворять дверь и, не найдя там никого, вышла на улицу узнать, зачем её звали. Тем временем поднялся сильный ветер и захлопнул дверь дома, а она, оставив ключи внутри, не смогла войти обратно. Между тем она услышала, как мальчонка плачет у двери и лепечет: «Мама, иди скорее! Сестричка...!» Ужаснувшись при этих словах, женщина позвала соседку Жанну де Мукри и умоляла её попытаться как можно скорее проникнуть в дом, что та поручила другому человеку, плотнику по имени Дени Денулье. Войдя с помощью лестницы через окно, он обнаружил, что девочка, оказывается, упала головой вниз в бочку, полную воды. Её немедленно вытащили, но она была неподвижна, нос её был сильно поврежден, тело целиком посинело и не подавало никаких признаков жизни.

[156] Её отнесли к очагу и попробовали всё, что, казалось, могло бы помочь, но в конце концов Жанна с Дени и многие другие сбежавшиеся [на шум соседи] единодушно заявили, что ребёнок мертв. Пока несчастная мать, оплакивающая свою долю в другой комнате, горячо молила Бога о помощи в такой страшной беде, некая

женщина по имени Катрин Дюпре, вдова Антуана Прево, посоветовала ей ввериться бл. Людовику Бертрону, чей праздник на днях отмечали, ведь он совершил много замечательных чудес и, в частности, говорят, воскресил из мёртвых какого-то мальчика. И уговаривала её Катрин помолиться сему блаженному об оживлении дочери. Женщина исполнила всё с величайшим усердием, а к ней присоединился и брат по имени Жак. Когда они творили сии молитвы, малышка плачем своим обнаружила, что жива и здорова.

На следующее утро мать отправилась в церковь Проповедников и поблагодарила Бога за милость, дарованную ей по заступничеству бл. Людовика Бертрона, заказав мессу в его честь и на славу.

<...>

[187] Когда некий муж большого влияния и учёности, пришёл в крайне угнетённое состояние душевное, передавшееся и телу, вызванное тяжкими муками совести, ибо он не мог понять, правильно ли он освободил [подсудимого от ответственности] или нет, он прибег к помощи бл. Бертрона, умоляя его сообщить точные сведения об этом деле. Через три дня некая особа в тридцати лигах от этого города, завидев его, ни с того ни с сего сказала: «Я помню, что уже прошло десять лет, как он сделал то-то и то-то». После этих слов улетучились все сомнения, которые ему так досаждали.

В обители св. Доминика стольного града Мадрида некая монахиня, называвшаяся сестрой Анной св. Павла, уже пять лет страдала от опухоли в груди, и хотя о ней заботились именитейшие придворные врачи, болезнь становилась только тяжелее, но после того, как она вверила себя бл. Людовику (пообещав каждое утро и вечер торжественно его поминать) и приложила частицу его хабита к опухоли, внезапно излечилась, причём от болезни не осталось и следа.

<...>

[191] В Королевстве Сицилийском тамошний вице-король дон Хайме Энрикес-и-Гусман, граф де Альва де Листа, в 1590 году в течение длительного времени страдал от острых болей в пальце одной ноги. Когда уже и над жизнью его нависла опасность, графиня, его супруга, сообщила ему, что Хайме, брат бл. Людовика, тогдашний представитель Валенсии в Сицилийском королевстве, имеет при себе шапку святого. Вице-король велел доставить её, но отказался прикладывать её к ноге, потому что это показалось ему неприличным. Однако в итоге, одолеваемый болью, он позволил это сделать, и вскоре боль полностью ушла и больше его не беспокоила.

[192] В Китайской империи, в городе Макао, принадлежащем португальцам, Мехии Барросе, жене Руйдиаса де Асеведо, слегшей от опасного обострения лихорадки, один из двух иноков Ордена проповедников, позванных почитать над нею Евангелие, посоветовал призвать бл. Бертрона и обещал, что пришлёт ей реликвию – частицу капюшона сего святого. Она послушалась его и призвала блаженного, а получив упомянутую реликвию, завёрнутую в бумажку, сразу почувствовала себя лучше и через несколько дней совсем выздоровела. А так как она с тех пор привыкла эту святыню всегда носить с собою, то случилось так, что, когда ей перестилали постель и вытряхивали простыню, реликвия незаметно для всех упала на пол, и

служанка, подметая комнату, бросила её вместе с сором в очаг, который там разожгли из-за стужи.

[193] Мехия, хватившись святыни, стала усердно искать и, наконец, через два часа, нашла бумажку в глубине очага. Реликвии в свёрточке оказались невредимы; мало того, даже сама бумага не пострадала – только в местах сгибов появилось несколько дырочек, похожих на проколы иголками, которые проделал огонь, не затронув при этом реликвии. Впрочем, сие наверняка попустил Бог, чтобы тем более явным было это чудо, свидетельства о котором (и последующем) были заслушаны епископатом-ординарием Китая 18 ноября 1617 года и доведены до сведения епископа Китая, владыки брата Иоанна Пинто, который 17 ноября 1622 года, находясь в Лиссабоне с согласия многих учёных мужей признал этот (и последующий) случай чудом, что записал Гаспар Кардосо, папский нотариус, в день и год, указанные выше.

[194] В том же городе Макао Лукресия де Коста, супруга Доминго Техейра, мучилась тяжёлыми схватками и всё не могла родить, отчего была уже при смерти. По этой причине она составила завещание, а затем исповедовалась в своих грехах перед отцом бр. Антониом де Росарио из Ордена проповедников, администратором епископата Китая, который посоветовал ей благоговейно вверить себя бл. Бертрану и послал ей мощевик, в котором содержались некоторые реликвии сего блаженного. Лукресия, призвав с искренним чувством имя бл. Людовика, наложила мощевик на себя и почувствовала внутри мощный толчок, будто ребёнок перевернулся и готовился выйти. И действительно, она в то же мгновение родила, оставшись целой и невредимой.

[195] Много и других чудес сотворил Господь Бог наш по заступничеству бл. Людовика Бертрана во многих других краях, например, в Италии, прямо здесь, в Граде Риме, но они не описаны здесь, отчасти во избежание навевающей скуку длинноты, отчасти же потому, что, хотя мы и получили отчёты от тех, с кем они произошли, однако они не были подтверждены под присягой.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ